

№ 11-192

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ

ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ

ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.

С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «П.П.СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 11 — 1927 г.

	СТР.		СТР.
«АССЕПСАНИТАС», — фантастический рассказ Д. Панкова, иллюстрации С. Лузанова	2	«СМОНОВОДСТВО», — гротеск Н. Муханова, иллюстр. Н. Кочергина	59
«ВСТРЕЧА», — рассказ В. Попкова, иллюстрации И. Владимирова	19	«ГРАНДИОЗНОЕ ХОЗЯЙСТВО КИНО», — очерк, фотографии с натуры	65
«О ВОЛЬТЕРЕ, ГРАФЕ СЦИБОРЕ МАРХОЦЬКОМ И РАЗБОЙНИКЕ МИКИТЕ», — исторический рассказ В. Боцяновского, иллюстр. Н. Кочергина	26	«НАД ПРОПАСТЬЮ», — психологический этюд В. Полтавцева, иллюстр. П. Жилина	67
«ГЛУБИНА МАРАКОТА», — новейший научно-фантастический роман А. Конан-Дойля, иллюстр. Т. Педди	36	СООБЩЕНИЕ О ПРЕМИЯХ ЗА РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ.	69
СООБЩЕНИЕ О СИСТЕМАТИЧЕСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ 1928 г.	51	«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ»: ПОСЛЕЗАВТРА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА», — очерк Ф., Г., А. и В., с иллюстрациями	70
«РАССКАЗ О МИЛОСТИ», — Р. Брусиловского, иллюстрации А. Шпира	52	«6000 ЛЕТ НАЗАД», — на раскопках древнего библейского города Ур, с иллюстр.	77
«ЛЮДИ-КРОТЫ», — очерк Г. Эштона, фотографии с натуры	57	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ». Задачи №№ 64, 65, 66	25
		Решения задач.	56 и 64

Обложка работы художника А. Шпира.

Фантастический рассказ Д. ПАНКОВА

Иллюстрации С. ЛУЗАНОВА

I.

1943 году министерские кабинеты Парижа видели у себя странного субъекта. Он был низкого роста, невозможно худ, имел лицо аскетишвелюру папуаса. По одежде он казался средневековым алхимиком, вынырнувшим из тьмы столетий. К тому же и вел себя субъект необычайно беспокойно. В одни учреждения его совсем не пускали. В других за его спиной ставили «на всякий случай» ловких полицейских агентов. И везде старались от него отделаться, как от надоедливого шершня, влетевшего с улицы в открытое окно.

Называл он себя Иоганном Жибрамом. Предложение, с которым он обращался к высокопоставленным лицам, взмущало не меньше его наружности.

— Вы поймите, monsieur, ведь мое открытие сулит полнейшее перерождение человечества,—убеждал он:—на что мы тратим миллиарды? На войны и на то, чтобы их предупредить. И, не смотря на это, мы вечно живем под страхом сокрушения наших ребер и нашей культуры неизвестным врагом. Мое открытие и

призвано положить конец такой глупости раз навсегда. В воззрениях людей и даже в международных отношениях произойдет полнейший переворот! А зависеть он будет всего на всего от двух капелек вот этой жидкости. Вы просверливаете в черепе отверстие, берете шприц, вводите капли в специальное место вашего мозга и—баста: войны нет! Процедура эта займет времени буквально три минуты и абсолютно безболезненна и безвредна. Вот позвольте проделать ее, например, на вашем пальце, дайте только ток...

Высокопоставленное лицо отдергивало руку.

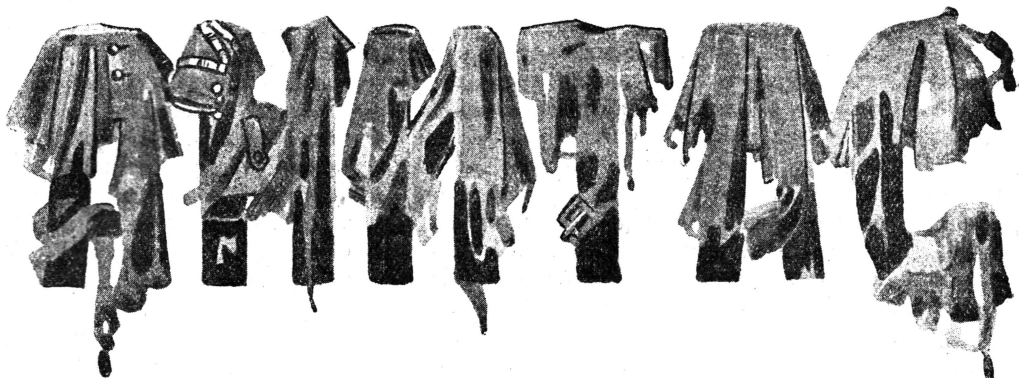
— Нет, нет, зачем же? Доверяю вам вполне! Я только думаю, что я в вопросе не компетентен. А вам бы обратиться, ну, в Сорбонну, в Сальпетриер, там у нас светила науки.

— А на что мне светила науки? Мое открытие нужно не обсуждать, а осуществлять.

— Да, monsieur, конечно... Это так... Но, видите ли, (министр бросал взгляд на свой хронометр) я сейчас так занят. У меня идет реконструкция моих канцелярий по департаментам... Поэтому, извините, monsieur...

И он вставал, давая понять, что аудиенция окончена.

Косматый субъект несколько секунд стоял, вперив острый взгляд в министра, затем круто поворачивался и уходил.

У другого министра подобная же сцена.

— Понимаете, monsieur, люди—как бараны! Они готовы драться даже тогда, когда нет никаких поводов для драки! А почему? Потому что у человека остались от эпохи обезьян такие узелки в мозгу, центры, они и управляют враждой. Однако достаточно поразить узелок моею жидкостью, и человеческую воинственность, как рукой, снимет.

— Ну, знаете ли,—возражал важно министр:—не позавидую я человеческому обществу, если оно сделается мирным, как баранье стадо. А если меня оскорбит? Должен я реагировать или нет? А потом—где гарантия, что, поразив мой узелок, вы не поразите, вообще, мою индивиду? Наконец, представьте, что вы сделали инъекцию нам, французам, а немцам нет. Между тем они лелеют реванш! И узнав, что мы, при вашем просвещенном содействии, превращены в стадо мирных баранов, они сейчас же начнут гвоздить нас по нашим мирным лбам. Вы можете поручиться, что так не произойдет?.. Вообще, monsieur, вы поднимаете весьма сложный вопрос. Его надо продумать принципиально...—И после паузы прибавлял:

— А теперь не могу больше вас задерживать. Государственные дела прежде всего, monsieur...

Не добившись ничего у министров, Жибрам направился к самому президенту республики, monsieur Шуазо.

Президент слушал изобретателя терпеливо, но, в конце концов, и он отослал его к какому-то ученому.

— Меня—к ученому! Зачем? Выслушивать наставления?

Тем не менее он пошел.

— Вы м-сье Жибрам? Прошу садиться. Изложите, в чем сущность вашего открытия... Только, пожалуйста, возможно сжате.

Скрепя сердце, химик говорил в чем дело.

— Это все хорошо, но не больше, как утопия... Принципиально говоря,—важно возражал ученый,—поручитесь ли вы, что, вытравив мысль о борьбе, люди не потеряют стимул к развитию, например, своих талантов, к усовершенствованию своей породы, к улучшению культурных условий и так далее?

Жибрам вонзал глаза булавки в ученого и раздраженным тоном говорил:

— Я это слышал... Допустим, что так. А разве в условиях теперешних войн не летят к чорту уже развитые таланты, усовершенствованные породы? Сбросят, к примеру, на вашу Сорбонну бомбочку, и от ученых останутся... одни их печатные труды...

И добавлял ехидно:

—... для использования их благодарным потомством... крыс. Впрочем, зачем этот спор? В конце концов, меня интересует только ваше окончательное мнение, профессор?

— Мое мнение? Вам надо работать под общим научным контролем, как все работают. Рискованных мероприятий мы своим именем покрывать не можем.

Глаза-булавки Жибрама превращались в штыки, а слова в пли.

— Ничего более умного я от ученого и не ждал. 500 лет назад вы

верхом мудрости находили учесть, сколько чертей или ангелов помещается на кончике иглки; этим вы занимаетесь и теперь! Живая жизнь вам также чужда, как каменным бабам любовь! Ну, и переваривайте себе на здоровье собственную ученую жвачку... Обойдемся без вашей авторитетной санкции...

Он порывисто встал и, уходя, хлопнул дверь.

Ученый несколько минут сидел, как оглушенный выстрелом. Потом, кряхтя, подошел к телефону и позвонил.

— Кабинет президента? М-сье, вы прислали ко мне не изобретателя, а хулигана. Он нарушил мое душевное равновесие на целые сутки. А у меня срочная и тонкая академическая работа...

Жибрам предавался мрачному раздумью. Куда идти? Что сделать, чтобы вся эта командующая клика захотела мира против собственного желания?

Он решил обратиться в «Военный Клуб» — сильную и влиятельную организацию. Кто-то, но военные больше всего заинтересованы в том, чтобы не было войны. Перед толпою в пять тысяч человек, главным образом простых солдат, Жибрам делал доклад о своем открытии.

Началось обсуждение.

— Слово принадлежит лейтенанту Михаэлису.

— Messieurs et camarades! М-сье Жибрам говорил нам, что, благодаря его шприцу, людоеды делались культурными. Я же думаю, что мы, культурные люди, наоборот — неизбежно станем тогда дикарями. В самом деле: почему я культурен? Да только потому, что зол. Я зол на грязь, которая липнет к моим ногам и моему телу, и меняю белье, требую от муниципалитета замощения мостовых и т. д. Я зол на скуку и иду в концерт, на скачки. Зол на глупость — чужую и собственную — и покупаю книгу, требую обучения дураков. Теперь представьте меня кротким, как новорожденный теленок, и допустите, положим, что меня стали кусать, извиняюсь, м-сье, русские вши. Я скажу себе, что это не собаки, немно-

жечко поскоблю укушенное место и на том успокоюсь. Если мне будет скучно, я просто усну на полсутки, и больше ничего. Вообще, без раздражения, без злобы мы все обречены на спячку, и будем спать до тех пор, пока не просним культуру и свой человеческий образ. Вот мое мнение.

— Слово принадлежит рядовому Корбо.

— При обсуждении человеческих дел никогда не мешает поглядывать на скотов. Так вот, — среди животных есть очень миролюбивые, те, что кастрированы. Например, вол, мерин, каплун. И я думаю, что для того, чтобы из свирепого бандита сделать богомольного монаха, нет необходимости изобретать что-то куда-то вспрыскивать. Вырезал у человека что полагается, вот тебе и готов святой!

— Слово принадлежит рядовому Таблетту.

— Я, м-сье, ни в каком случае не согласился бы, чтобы мне сверлили голову. Знаете ли вы, как сверлят зубы дантисты? Когда один из них стал делать мне эту операцию, я побил у него все склянки. А тут будут сверлить самый мозг! Да еще говорят, что я сделаюсь смиреннее каплуна. Не думаю! Если после зуба я побил только пузырьки у дантиста, то после дыры в мозгу, будьте покойны, я убью самого дантиста.

Жибрам был изумлен. Никто не дал себе труда даже вдуматься в смысл его открытия, не пожелал как следует запомнить то, что он излагал. Ах, баранье стадо! И он, взбешенный, стал возражать. Поднялся шум, звонки председателя. Жибрам ушел с собрания совершенно подавленный, точно его там избили. Никто не хочет мира! Но мир нужен, нужен, черти вас бери! Вы не хотите его по подлости и глупости. Вы не умеете понять собственных интересов, как не понимали их, сжигая Джиордано Бруно, Гуса, избивая Аркрайта, расстреливая коммунаров, предавая смерти врачей во время эпидемий!

Что же делать? Неужели его «утопия» обречена зачехнуть в лаборатории? А долгий, упорный труд над

открытием? А гордая мечта—прекращение войн на земле связать со своим именем—бессмертного Иоганна Жибрама?

Занимаясь пятнадцать лет назад химией, он заинтересовался отправлениями человеческого мозга. В одну из войн он сразу потерял отца, двух братьев и мать, умершую с горя. Тогда он возненавидел войны и, обозревая беспокойною мыслью средства от них, натолкнулся на свою идею. Работая упорно, он сделал, затем, открытие: жидкость, убивающую мозговой центр без повреждения мозга в целом. Опыты велись на зверях. В Сибири он платил огромные деньги за диких медведей, росомах, волков. В джунглях Индии и Африки для него ловились львы, гориллы, гиены, кабаны. Он просверливал их толстые черепа, вырыскивал в мозги свою жидкость, а потом изумлял всех их поведением. Львы и тигры, как трехмесячные телята, спокойно укладывались спать рядом со свиньями и собаками; шакалы милостиво позволяли курам клевать свои носы, запачканные в месиво из отрубей; волки мечтательно лизали жирные курдюки овец, около которых они терлись, забыв о назначении когтей и зубов. А на гориллах и гиенах, за час до того свирепо бившихся в кожаных путах, черномазые негрятята ездил верхом.

Он затратил на исследования все средства, всю молодость, весь огромный талант, всю энергию. Ни с кем своими работами он не делился: он слишком фанатично преследовал идею, чтобы допустить чью-либо критику и чье-либо содействие! Конечно, он мог бы предложить свое изобретение итальянцам, англичанам, немцам. Но ему хотелось, чтобы свет мира засиял именно отсюда, из Франции!

— Однако, что же делать? Неужели уступить поле битвы? Нет и нет! Я дам вам мир, подлецы, против вашей воли, хотя бы ваша признательность последовала через сто лет! И через сто лет, скоты, вы будете ставить мне монументы!

Жибрам пригрозил «им» кулаками и чертами, опять заперся в лабора-

тории и исчез для мира на несколько лет. В Париже решили, что он или отбыл в Америку, или попал в сумасшедший дом.

II.

ПРОШЛО семь лет. За это время стремительно падали министерства, скатывались с высоких кресел министры, менялись вывески над учреждениями, и только воинственность пребывала неизменною. Люди, как и семь, и семьсот, и семь тысяч лет назад тщательно отыскивали лицо или народ, которому можно было бы объявить войну.

В таком именно положении находились два соседа по проливу—Англия и Франция. Весь мир со страхом ждал, когда эти две нации начнут распрю. И, чтобы хотя скольконибудь застраховать себя от истребления, некоторые страны поторопились заключить конвенцию о том, чтобы в грядущую войну не употреблялись газы и разводки инфекционных бактерий.

Одним кислым осенним утром у подъезда французского военного министерства позвонил низенький, кругленький, чисто одетый человечек.

Все на нем было с иголочки, и сам он был свежий и румяный, как будто его только что выпекли и вынули из печки. Лишь в глазах у него по временам мерцал острый блеск, да губы кривила легкая ехидная усмешка.

— Мне надо видеть господина военного министра. Я принес проект весьма важного военного изобретения.

Через несколько минут он был введен в кабинет.

Министр — Эмиль Баптист Альма, был еще молодой, дородный мужчина с умным лицом. Он сидел за столом. Против него, в креслах—префект города Парижа—м-сье Рубо и министр исповеданий—Пикантье.

Изобретатель отрекомендовался.

— Жан-Жак Бетье—химик,—и начал:—Я выработал особого рода панцырь, защищающий от поражений. Он, правда, не защитит от проникновения в тело пули, но значительно ослабит ее действие. Входя в тело,

пуля увлечет с собою в этом месте и панцырь в форме этакого чехолчика. Вы можете чехолчик потянуть обратно из раны, вместе с пулей. Панцырь пулю не прорывает.

— Изобретение не ново,— заметил префект.— Такие панцыри существуют уже около полустолетия.

— Может быть, оригинальность моего изобретения не в этом. Ткань панцыря является абсолютным асептирующим веществом. Когда она входит с пулю в рану, она обеззараживает последнюю. И вообще, покрывая ваше тело, панцырь защищает его от заразы.

— Любопытно,— сказал министр:— вы, конечно, будете любезны продемонстрировать перед нами ваше изобретение?

— Да, да. Вот оно.

И Бетье извлек из объемистого портфеля нечто, что напоминало своим видом змюшу. Оно было натянуто на подрамке.

— Разрешите укрепить эту рамочку с тканью вот здесь, против стены. Теперь я попрошу кого-либо из присутствующих выстрелить в рану на любом расстоянии из винтовки, браунинга, хоть из пулемета...

— Будьте любезны, сделайте это сами. Вот вам французская винтовка последнего образца.

Бетье взял ружье, отошел от рамы в противоположный угол кабинета, приложился и выстрелил три раза подряд.

— Прошу, господа, подойти и освидетельствовать...

Министры и префект с большим вниманием осмотрели рану. Пули висели по ту сторону ее в маленьких мешечках, оттянутых ударом, как шелковичные коконы.

— Вот этот чехолчик и войдет с пулей в рану, и только. Мы сейчас, если позволите, нагляднее исследуем явление на куске тела. У меня имеется часть консервированной человеческой ноги, изготовленной специально для нашего опыта.

Министры удивленно повернулись к химику.

— Человеческой? Откуда вы ее взяли?

— Я просил одного хирурга в Сальпетриере отрезать для меня ногу... какого то там удушенника, что он любезно и сделал... за сто франков. Вот она—также в раме и обвернута тканью. Я укреплю ее здесь, и... позволите стрелять? Благодарю вас... Стреляю... раз! Затем я беру пинцетом, вот так, за это место и тяну. Изволите замечать? И вытягиваю с пулей: вот она! В ноге же остается лишь отверстие, которое очень быстро затягивается. Совершенно безвредное отверстие. Итак, что вам будет угодно сказать по поводу моего изобретения?

— Оно замечательно. Его, несомненно, можно и должно использовать. Но ваша ткань, мсье, из нее можно сделать, например, жилет, ширму, или что-нибудь в этом роде?

— Всенепременнейше. Иначе она ничего не стоила бы. Если позволите, мой совет—изготовить из нее пару белья и надеть непосредственно на тело.

В глазах химика при этом блеснула неуловимая усмешка.

— Превосходно, превосходно! Теперь самый существенный вопрос: во что обойдется приобретение вашего изобретения нашему государству?

— Франции? Она не должна его приобретать.

Альма удивленно повернулся на месте.

— Как не должна? Вы что же—намерены предложить свое изобретение даром? Или... Я вас не понимаю...

— Дело, ваше превосходительство, видите ли, в том, что ткань покупает враждебное Франции государство.

Альма еще больше вытаращил глаза.

— Не понимаю. Как же это так? Защищаться—то от пуль, надеюсь, будут французские солдаты?

— Ни в коем случае. Именно французы и не должны пользоваться моею тканью.

— Очень странно, разъясните, пожалуйста.

— Это же так просто, ваше превосходительство. В качестве панцыря моя ткань пойдет к вашему врагу, чтобы защитить его как раз от французских пуль.

В голосе министра послышалась нотка раздражения:

— Мсье, я не обладаю временем разгадывать шарады...

— Дело в том, что ткань обладает еще одним свойством: необыкновенною липкостью.

Необыкновенной,—я подчеркиваю. Приведенная в состояние липкости, она почти срастается с предметом, который обволакивает, и отлепить ее вы никак не можете. Кроме того, ее липкость может длиться целые годы без ослабления, хотя бы вы на нее действовали самой крепкой кислотой или едкой щелочью. Вы спросите:—на что такая липкость? Представьте себе: в момент войны воюющее с Францией государство одевает в мою ткань свою армию. Пусть также ею будет устлано помещение окопов, казарм, ну, хотя бы для защиты от пуль, ветра, дождя. И вдруг—я делаю ее липкою. Начинает прилипать все: люди, вещи, животные, оружие, даже орудия. Поднимается возня, паника... Разве, узнав про такой казус, вам не захочется использовать его для нападения? Враг будет бессилён защищаться—я ручаюсь. А отсюда один шаг до победы. Ясно?

— Скажите, пожалуйста, обратился к химику министр исповеданий:—ткань делается липкою с одной стороны?

— Да, и именно там, где она мягче, красивее.

— Очень, очень любопытно. Ваше изобретение дьявольски предательская вещь!

Химик усмехнулся.

— А каким образом она делается липкою?

— Я покажу. Я только просил бы, ваше превосходительство, все неприятности, связанные с опытом, ощутить собственной вашей особой. Это дало бы вам весьма реальное представление о качестве моего изобретения...

— Мне самому? Зачем же? Я могу откомандировать для целей опыта сержанта. Мне достаточно понаблюдать.

— Нет, господин министр, я прошу именно вас. Может быть, впрочем, вы чего-нибудь опасаетесь? Например, покушения?

Он галантно изогнулся и расплылся в улыбке.

Министр густо покраснел, как человек, пойманный на месте преступления.

— О нет, нет! Никаких покушений я не опасаясь. Впрочем, не стоит много разговаривать. Я готов подвергнуться опыту.

Все встали. Бетье вынул из своего бездонного портфеля еще кусок ткани и разостлал его на полу.

— Вот, не угодно ли вашему превосходительству пройтись по этому кусочку?

И по губам его скользнула усмешка.

Министр прошелся взад и вперед.

— Не правда ли, все обстоит благополучно? Хе-хе-хе!

— А теперь я попрошу вас постоять на нем неподвижно. Вот так!

Снова спуск в глубины портфеля. На этот раз химик достал крошечный флакон с мутною жидкостью зеленоватого цвета. Потом подошел к министру и еще раз усмехнулся.

— Теперь начинается самый опыт. Не угодно ли вам, генерал, понюхать из этого флакона? Только не бойтесь, ради Аллаха,—прибавил он, заметив на лице министра колебание:—вам эта понюшка не грозит ни сном, ни, тем более,—смертью. Я человек вполне лойяльный! Изволили нюхнуть?

По кабинету распространился весьма нежный и приятный аромат.

— Что за духи?—воскликнул министр.—И при чем они здесь?

— Чтобы доставить вашему превосходительству маленькое удовольствие... перед большою неприятностью,—усмехнулся химик.—Теперь я попрошу вас сойти с ткани. Ну-с, смелее! Неужели не можете? Странно, почему бы? Хе-хе-хе!

Министр двинул ногу вперед, но ткань не давала развернуться движению. Другая нога оказалась в таком же положении.

— Я предложил бы вам освободить от липучки ноги, во что бы то ни стало.

— Думаю, что при помощи палки мне удастся. Мсье Рубо,—обратился министр к префекту,—будьте любезны подать мне, вот там, в углу, стоит трость. Благодарю вас...

Уперев ее в ковер у самой ноги, министр поднял ногу; ткань потянулась за ногою, как будто она была прибита к ней гвоздями.

— Ах!.. Вцепилась, как кайман...

Он присел на корточки, достал золотой портсигар и, упершись им в липучку, опять попытался поднять ногу вверх. Портсигар прилип, но ткань не отставала, гочно она срослась с подошвою ботинка.

— Вот, чорт поberi! Это хуже трясины!

В то время, как он возился с портсигаром, одна из фалд его сюртука свесилась вниз и тоже прилипла. Министр не заметил подвоха со стороны фалды. Он быстро приподнялся. Прилипшая фалда дернула его книзу. Министр неожиданно потерял равновесие и грузно шлепнулся на липучку. Он даже перепугался.

— Вот гадость... Какое-то издевательство над человеком!.. Мсье Бетье, прекратите, прошу вас!..

Произошла маленькая сумятица. Рубо и Пикантье вскочили и подбежали к Альма, чтобы помочь ему подняться. Химик вежливо изогнулся и остановил префекта и министра исповеданий:

— Вы также рискуете прилипнуть... Ничего особенного не случилось... Мсье сам сумеет освободиться и встать, когда нужно...

Действительно, Альма, чтобы не быть смешным, постарался овладеть собою. Он даже заговорил шутливо:

— Какой позор: прилипнуть, как муха! Вполне вхожу в положение насекомых... Несчастные... Господин изобретатель, не считаете ли вы, что опыт закончен?—И совершенно машинально он оперся ладонью о ткань. Рука моментально прилипла. — Фу, мерзость! Ведь совершенно забыл!.. Это не липучка, а казнь египетская... Что же делать?..

— Простите, ваше превосходительство, но опыт не закончен... Мы условились, что вы освободитесь самостоятельно. Между тем...

— Вы настаиваете на продолжении? Но я, ведь, и так в положении умирающего гладиатора... Однако, как же освободиться... Ага, нашел! Попробуем вот так...

Он приподнялся и стал высвобождать ногу из ботинка. Высвободил одну и ступил на пол. Потом другую. Потом сбросил сюртук, затем, простояв секунду в нерешительности, расстегнул брюки и свободной рукой освободился и от них. И вытянулся, раскрасневшийся и довольный своей находчивостью. Но зрители разразились дружным хохотом. Фигура Альма была забавна. В жилете, с орденном «Почетного Легиона» на шее, в носках и нижнем белье, с гирляндой скрепленных липучкой предметов, висящих на ладони, к тому же красный и потный от усилий, он был комичен. Кроме того, лицо его силилось согнать смущение и водворить важность.

— Мы, господа, здесь свои,—с достоинством заговорил он,—мое дезабиле, надеюсь, никого не шокирует? Помимо того — мы ведь проводим опыт. А от него, быть может, станут в зависимость судьбы Франции! Не так ли, господа?

Он посмотрел на Бетье.

— Ваше желание, надеюсь, выполнено до конца? И теперь-то вы уж освободите меня от этого кровавого опыта?

— Да! Опыт выполнен с честью!

Химик слезил в портфель и еще раз извлек оттуда флакон, на этот раз с розовою жидкостью. Капнув несколько капель ее в стакан с водою, он полил на руку министра. Липучка вместе с прилипшими к ней вещами шлепнулась на пол.

— Вы можете вымыться...

— Да, сейчас... Извините, господа...

И министр исчез в двери, ведущей во внутренние покои. Через десять минут он снова появился одетый, веселый, довольный.

— Я к вашим услугам, мсье Бетье... Изобретение ваше должно составить эпоху... Итак, вы его предлагаете нам, а нашим врагам? Тогда зачем же нужны вам именно мы?

— Очень просто. Вы платите за то, чтобы я продал изобретение вашему врагу.

— А какая роль духов? — спросил Альма.

— Они сообщают ткани липкость. Жидкость представляет собою эссен-

цию из хвои одного вида ели, обработанную Н-лучами в присутствии некоторой эманации. Эссенция обладает свойством очень быстро испаряться. Достаточно минимальной дозы ее в атмосфере вокруг ткани, чтобы в ней начался процесс превращения в клейкое вещество. Баллоны с нею мы заготавливаем заблаговременно и в нужный момент выпускаем с ними летучую эскадрилью на врага.

— Разрешите спросить вас.—встал министр исповеданий,—ну, прилип враг, а какова же его дальнейшая судьба?

— Предписывайте ему любые мирные условия.

— Разве ему не вредно пребывать облепленным этой массой? Ведь, если она заклеит поры кожи, прекращается кожное дыхание? До подписания договора все могут перемереть?

— Конечно, могут. Все будет зависеть от милости победителя и от быстроты заключения мира. Однако, в липучке достаточно своего кислорода, которым она и будет обмениваться с телом человека недели две-три.

— Жидкость для уничтожения липкости вы также изготавливаете заблаговременно?

— Зачем? Она будет сфабрикована мною по заключении мира.

— А почему бы, — вставил префект,—не одеть в ткань и французскую армию, а потом, когда наступит время врагу прилипнуть, наши войска ткань с себя снимают...

Химик улыбнулся.

— Скомбинировано недурно. Однако и враг не дурак: узнав, что тканью пользуетесь и вы, он просто-напросто вздернет меня. В мои же расчеты это пока не входит.

Министр засмеялся.

— Этого маленького обстоятельства м-сье Рубо не учел. Сообщите теперь ваши условия...

— Их три, ваше превосходительство: первое: — это гарантия тайны изобретения до самого конца всего предприятия. Второе: — пожизненно вы каждый год выплачиваете мне по миллиону франков. Десять из них вы платите вперед—вкладом в банки каких-нибудь нейтральных государств. Например, — Швейцарии, Норвегии. Третье...

Фигура министра была забавна. С орденом Почетного Легиона на шее, и в нижнем белье, красный и потный от усилий освободиться от липучки, Альма был комичен..

Химик запустил руку в бездны своего портфеля и извлек какую-то бумажку.

— Третье: — вот по этому списку вы увольняете с их постов тридцать восемь человек. Предупреждаю сам: среди них значится один бывший президент республики, почти весь кабинет министров, правивший семь лет назад, два теперешних министра, полдесяточка сенаторов, с дюжину депутатов, остальные—мелкота: губернаторы, генералы и т. п. Вот и все мои условия. Не правда ли, они очень необременительны?

И он засмеялся ехидным смешком. Министры и префект переглянулись.

— Какой страшный пункт!

Альма остановил строгий взгляд на химике и категорическим тоном произнес:

— Он противен закону и принят быть не может. Я удивлен: зачем такое дикое условие?

— Как вам угодно. Без него я не продам изобретения. Вы говорите—закон? Но, ведь, закон подобен болоту: итти прямо, — конечно, увязнешь. Однако, всякое болото можно обойти, надо лишь знать тропинки. И вы-ли, военный министр великой державы, не знаете таких тропинок? С другой стороны,—неужели четыре десятка бюрократов весят на весах достоинства государства больше, чем само это государство?

— Странный, странный пункт! Не можете ли вы сказать, за что вы требуете их увольнения? Если не секрет...

— О, нет. Могу сообщить причину во всеуслышание: из личной мести.

— Мести?—заметил министр исповеданий,—это же низко!

— Возможно. Итак, приемлемы мои условия?

— Вы непреклонны? Разрешите, в таком случае, нам посоветоваться. Какой срок вы можете дать?

Химик почтительно согнулся.

— Срок — это мелочь. В крупной игре мелочь в счет не может итти. Поэтому—какой угодно вашему превосходительству. Честь имею откланяться. Мой адрес—на визитной карточке.

Он пожал министрам руки и, подрыгивая на ходу бедрами, медленно направился к выходу.

III.

ЕМУ не пришлось долго ждать: через неделю Англия объявила Франции войну, а еще через день за Бетье приехал курьер.

Едва химик показался на пороге кабинета военного министра, Альма живо вскочил из за стола и чуть не бросился Бетье в объятия.

— Заключаем договор! Итак, от третьего пункта вы не отказываетесь? На ваше счастье, в обсуждении договора в кабинете министров надобности не встречается. Мне предоставлены широкие полномочия по защите страны, и я беру на себя ответственность за заключаемые условия. Договор будет заготовлен и подписан нами, если вам угодно, сегодня же.

— Зачем—сегодня? Он может быть подписан сейчас.

Химик вынул из портфеля отпечатанный договор и подал Альма.

— Да? — удивился министр, — вы прозорливы. Что же, можно покончить и сейчас.

Подписав условия, Бетье немедленно соорудил лабораторию и заготовил в баллонах необходимое количество эссенции. Все предприятие сохранилось в строжайшем секрете. Уговорившись затем относительно тайны сношений с военным министром, химик через две недели был в Лондоне, а вечером того же дня уже показывал свое изобретение министру снабжений английской армии—лорду Доннесталю.

Лорд сидел, откинувшись в кресле, и исподлобья рассматривал химика. Движения министра были медленны, речь тихая и размеренная, как удары водяных капель, на бритом лице—все время спокойствие мумии, и лишь глаза изобличали, что лицо принадлежит живому человеку.

— Вы понимаете, сэр, — говорил француз: — вы имеете возможность заменить мою тканью все—от брезента до носового платка. Она универсальна. После войны я ею произведу переворот в промышленности.

Лорд сидел, откинувшись в кресле, и исподлобья рассматривал химика.

А ее ни с чем несравнимая дешевизна? Основной ее материал—дерево, но могут пойти и листья, солома, трава — вообще растительная клетчатка. Снабженная ею—ваша армия самая могущественная в мире!

Лорд Доннесталь переложил правую ногу на левую, постучал о стол пальцем и медленно произнес:

— Это хорошо, но плохо, что вы француз.

Бетье вскочил и стал в театральную позу.

— Я вам говорил, сэр, что я иду, а разве мечь считается с родственной или чужой национальностью? Кроме того — зачем нам, уважаемый лорд, играть в прятки? Ведь я твердо знаю, что вашей тайной полиции будет известно даже движение моих бровей, не только поступки.

Лорд усмехнулся и задумался. Потом сказал:

— А условия?

— Миллион фунтов при подписании договора и сто тысяч ежегодно. И... эскадрилья аэропланов в мое распоряжение.

Министр удивленно установился на химика.

— Сейчас, сэр, разъясню. Мстить, так мстить! Я обладаю еще рецептом взрывчатого вещества необыкновенной силы... Вы поручаете мне сорок аэропланов. Они сбросят над неприятелем бомбы. После того аэропланы мне не нужны.

Лорд опять впал в раздумье.

— Когда и где вы можете показать взрывы?

— Когда и где вам угодно.

Лорд встал.

— О ваших изобретениях и условиях я посоветуюсь... Завтра утром вы будете уведомлены о результате.

IV.

ВОЙНА велась по всем правилам науки и искусства.

Фабрику для приготовления ткани Бетье выстроил в Шотландии. Он работал на ней день и ночь. Россия, Канада и Норвегия доставляли туда лес. Власти постепенно проникались к химику доверием, но от окончательного присмотра за ним не отказались. Его особняк, где он спал и писал отчеты, помещался на холме, откуда открывался вид на океан.

Работа не мешала Бетье наблюдать и делать необходимые умозаключения. Однажды он решил, что пора действовать. Для начала он обратил внимание на мистера Самюэля Годвина, лейтенанта. Годвин всегда конвоировал партии ткани с фабрики в различные мастерские, где из нее изготовлялось военное снаряжение. Годвин был мечтатель. Целью своей жизни он считал

путешествие на полюс или в Конго. Кроме того он был беспечен и беден, как еж, на которого он походил внешностью.

Годвин расписывался в приеме 100 кип тканей. Бетье медлил выдачей документа и смотрел на лейтенанта. Они были одни. Заговорил химик:

— Возражали ли бы вы, мистер Годвин, если бы, примерно, тысяч десять фунтов переместилось из моей кассы в ваш карман?

— Думаю, сэр, что нет такого дурака, который стал бы возражать против собственного кармана. Но полагаю, что нет также и дурака, который поверил бы в возможность такого перемещения.

— Я спрашиваю вас совершенно серьезно. Согласились ли бы вы оказать мне небольшую услугу за эту сумму. А ее, кажется, достаточно, чтобы снарядить не одну экспедицию... Тропическая роскошь красок... имя путешественника... приключения...

Годвин стал против химика и вперил в него растерянный взгляд.

— Вы, конечно, шутите?

— Вы увидите, что нет. Но сначала дайте мне честное слово джентльмена, что разговор останется между нами.

— Даю, но...

— Можете ли вы найти мне ловкого, алчного и смелого человека? Например, крупного контрабандиста, морского разбойника?

— Я таких не знаю, но найти, думаю, мог бы.

— Найдите и приведите сюда, ко мне. Сроку вам три дня. Вы получите чек на 10.000 фунтов в один из нейтральных банков. Вот и все. А теперь—до свиданья, мистер Годвин.

Через три дня лейтенант вошел в кабинет Бетье с военным в форме полковника.

— Чарльз Смит, комиссионер по поставкам на нашу индийскую армию, лицо с выдающеюся активностью, сэр.

— Будьте любезны оставить нас вдвоем, мистер Годвин!

Химик встал, потер руки, прошелся.

— Я вас, мистер Смит, совершенно не знаю. Я полагаюсь лишь на реко-

мендацию мистера Годвина. Вам, мистер Смит, представляется редкий случай колоссально нажиться в несколько недель.

Смит приятно осклабился.

— Прошу располагать мною, сэр.

Глаза его были малы, взгляд медленный и внимательный. Говорил скороговоркой. Выражение лица было такое, точно он к чему-то прислушивался.

— Вам, мистер, вероятно, известен продукт, выпускаемый нашей фабрикой? Французы дадут за него огромные деньги. Возьметесь ли вы доставлять им его? Вы будете купаться в золоте!

— Для того, чтобы выросло золото, необходимо сеять также золото, сэр.

И полковник расплылся в улыбку.

— Я же говорю, что деньги вы получите с французов.

— Но, ведь, предварительно продукт надо на месте купить? А я не обладаю свободной наличностью.

— Вы будете получать его для армии. Следовательно, бесплатно. Понятно?

— Нисколько. Если лицо, выдающее продукт, не идиот, оно бесплатно не отпустит.

— Содействовать выдаче буду я.

— Давайте, сэр, будем конкретны. Какой вам расчет?

— Разве для вас не все равно? Ваши знания людей, мистер Смит, очень ограничены. Кроме идиотов есть достаточно категорий лиц, способных к настоящему великодушию и совершенно неспособных видеть в золоте что-нибудь большее, чем неокисляющийся металл. Во всяком случае—успокойтесь: бесплатный продукт вам гарантирован. И перестанем говорить о нем. Меня занимает другой вопрос: достаточно ли у вас ловкости? Я представляю себе дело так: у вас должен быть штат умных и юрких помощников, особенно на границе. Затем вы должны заручиться хорошими отношениями с заведующим складом, где хранится ткань. Вам надо также превосходно уметь фабриковать фальшивые ордера на получение из склада ткани и изделий из нее. На-

конеч, к вашим услугам должен на-
ходиться пароход—другой для отвоза
вещей к берегам Франции. Самое же
главное — вам самому необходимо
умение рисковать. Так я думаю...

— В изложенных вами указаниях,
сэр, я не нуждаюсь. Я нуждаюсь
только в деньгах...

— Однако, мне хотелось бы, все-
таки, узнать, какими методами вы
намерены располагать в этом деле?

Смит сонно оглядел химика.

— Метод, сэр, у нас один: пуля
или стерлинг.

— Неопределенно, мистер Смит.
Например, вопрос о тайне: как вы
предполагаете ее добиваться?

— Все тем же способом, сэр, и
больше никаким: нигде не жалеть ни
пуль, ни стерлингов! Только... к чему
подобные разговоры, сэр! Вы поку-
патель, я продавец. Вы покупаете мой
опыт. Извольте—я его продаю. Цена
такая-то. Согласны? Заключаем дого-
вор. Все остальное вас не касается,
сэр.

Бегте прощелся по комнате.

— Хорошо. Я не буду вас учить.
И попрошу только сказать, что вам
требуется с моей стороны сейчас.

— В первую голову сэр,—товар и
деньги. Ибо, начать хоть с того, что
хорошие отношения с заведующим
складом обойдутся... тысяч в тридцать.
Еще более ценные отношения необ-
ходимо установить на границе. Это
пахнет сотнями тысяч, ибо сейчас,
сэр, в стране военный режим, терять
голову никому не захочется. Нако-
неч, и у меня тоже не четыре го-
ловы...

Он опять улыбнулся.

— Ну, за свою-то голову вы полу-
чите с французов!

— Если ко времени полочки, сэр,
она будет благополучно сидеть на
плечах.

— А если не будет, тем легче: на
что вам тогда фунты?

— Жена, дети... Я — человек се-
мейный. Перед каждым предприятием
я даже страхую свою жизнь.

— Ну, а французское золото кому
на приход вы запишете?

— Это, сэр, мое счастье. Процент
на риск! Хе-хе-хе!

Химик смотрел на Смита с не-
скрываемым любопытством.

— Затем,—продолжал комиссионер,
я думаю, что меня надо всячески
оберегать. Если я попадусь...

— Ну и что же? Влепят в вас дю-
жины две пуль — только и всего.

— Мне кажется, сэр, что мы, так
сказать, становимся компаньонами по
делу. Следовательно, и ответствен-
ность за все предприятие и за жизни
у нас взаимная.

— Не много ли вы хотите, мистер
Смит? Учтите-ка: расходы—мои, при-
быль отдается вам целиком, товар
опять мой, да еще я буду на себя
брать и ответственность?

— Но я, сэр, ставлю на карту
свою жизнь!

— Не выгодно—не ставьте. Пои-
щем другого... Деньги на организа-
цию дела я дам. Для начала вы по-
лучите с десятков чеков на сумму
пятсот тысяч франков на различ-
ные заграничные банки, чтобы не
возбуждать подозрений. Но если вы
схватят, то в целях тайны я первый
буду настаивать на том, чтобы вас
немедленно повесили.

— Я не понимаю вашей позиции,
сэр.

— Вам и не надо ее понимать. Я
веду свою игру—какую—вам нет дела.
Итак,—согласны?

Мистер Смит тяжело и жалобно
вздыхнул.

— Вы неуступчивы, сэр. Что ж,—
придется согласиться!

— Только знайте, мистер Смит:
я плачу деньги не за то, чтобы вы
доставили французам какой-нибудь
ярд ткани или пару белья из нее.
Ваша конечная цель — насытить ею
неприятельскую армию, как насыще-
на армия английская. Понятно?

— Да, да, сэр. Я ведь также заинте-
ресован в возможно большем ее сбыте.

— И еще одна вещь, мистер Смит.
Чеки на всю сумму вы получите не-
медленно. Но... не думайте с ними
удрать. В таком случае остальные
свои средства я потрачу на то, чтобы
вас найти и соответствующим обра-
зом с вами расправиться. В этом
мне поможет и английское, и какое
угодно другое правительство...

— Что вы, что вы, сэр! Эти подозрения излишни. Между джентльменами все должно делаться без обмана! Будьте совершенно спокойны!

— О ходе операций вы должны мне периодически сообщать. Получите чеки! Желаю вам, мистер, успеха.

V.

ОДНАЖДЫ ночью Бетье проснулся от глухого трещанья у него под подушкой радио-телефонного звонка. Он достал аппаратик и приложился к трубке.

— Слушаю... Кто?

— Вы, м-сье Бетье? Говорю я— Альма. Должен вам сообщить убийственную вещь. Ваша ткань в довольно солидных партиях каким-то образом просачивается в нашу армию. Вы понимаете, чем это пахнет? Распорядитесь уведомить англичан, что кто-то крадет из их складов обмундирование и сбывает нам.

Бетье слушал, лицо его сияло и он едва сдерживался, чтобы не проявить своего восторга в неуместном восклицании. Смит работает хорошо!

— Я, конечно... приму все меры, м-сье. В свою очередь сообщу вам, что вчера ваша подводная лодка потопила два русских парохода, везших нам лес. М-сье! Из лесу, как вы знаете, мы производим ткань. Зачем же вам играть на собственное поражение?

— Мне об этом еще не доносили... Трудно что-нибудь предпринять... однако постараюсь впредь не допускать...

Эмиль Бантист Альма — военный министр и фактический диктатор Франции на время войны — сидел у себя и нервно постукивал пером по столу, читая донесение главнокомандующего с фронта:

«... Ткань эта называется «ассепсанитас»... Ею сплошь обслуживается английская армия. К нашему счастью, ткань в огромных количествах за последнее время проникла и к нам... Было бы очень хорошо поставщиков ассепсанитаса привлечь крупной премией, чтобы, не уступая врагу, снабдить им и всю нашу армию»...

Альма отшвырнул донесение и встал.

— Старый идиот! Ты тоже уже наверное оделся в ассепсанитас? Боишься пули, старый дурак, и не боишься прилипнуть?

И он зашагал по кабинету.

— Однако, что же делать, чорт возьми? И как я не учел этого обстоятельства!

Но действовать надо было решительно!

Он потребовал к себе инспектора снабжений и велел немедленно произвести изъятие всех предметов из ассепсанитаса, распространенных в армии.

В тот же вечер к нему прибыл сам главнокомандующий и вручил от имени штаба предложение отказаться от своего распоряжения, как не мотивированного и грозящего армии потрясением.

Министр вспыхнул.

— Всякого, кто осмелится не подчиниться моему требованию, немедленно предавать военному суду! Слышите? Во время войны должна быть и военная дисциплина, генерал! Известно это вам? Я вас не задерживаю, генерал!

В ту же ночь, запершись в кабинете, он снова вел по радио-телефону разговор с химиком.

— М-сье Бетье! Я уже отдал приказ по армии об изъятии ассепсанитаса и нахожу необходимым сегодня же вечером выпустить эскадрилью на английский фронт для разброски эссенции. Я вынужден сделать это срочно, ибо из-за ткани у меня происходят крупные разногласия со штабом.

Бетье молчал. Потом выговорил:

— Хорошо. Я только прошу отсрочить выпуск эскадрильи на сутки. Английская армия еще не сполна снабжена моей тканью.

Бетье после разговора немедленно отправился к лорду Доннестало с просьбой отпустить его на остров Урбан и прислать в его распоряжение эскадрилью.

Остров Урбан находился в 150 километрах от Шотландии. Бетье заранее соорудил там лабораторию и снабдил ее сырым материалом. Прибыв

туда и не теряя ни минуты, он занялся изготовлением, но не бомб, а эссенции, вызывающей у ассепсанта лихорадку. Через полчаса она была готова. Собственноручно он разлил ее во множество небольших черных баллонов. Каждый баллон мог автоматически распылять жидкость на большом пространстве. Затем велел со всюю осторожностью, как нечто действительно взрывчатое, нагрузить их на прибывшие аэропланы. Отдал инструкции, через какие интервалы бросать баллоны. К отлету в сторону неприятеля велел быть наготове, и в течение полусуток ждать сигнала от него, Бетье. Секрета бомб не знал ни один человек в мире, кроме него самого. Летчики и военные власти были убеждены, что эскадрилья сбросит на французов именно бомбы редкой взрывчатой силы.

Когда все было готово, химик снова переправился в Шотландию, на территорию фабрики. Отсюда, уединившись, он стал вызывать по радио Альма. Эскадрилью с эссенцией надлежало выпустить на англичан к утру, после того, как англичане обделают то же дело над французским фронтом.

Однако, ему никто не отвечал. Он не выпускал трубки целый час. Отклика не было. Что могло случиться? Французская эскадрилья не показывалась. Неужели его плану снова суждено сорваться? И когда! Когда он так близок к осуществлению! Два лагеря врагов в его руках, и через каких-нибудь трое-четверо суток две самые сильные и беспокойные в мире нации станут двумя стадами кротких овец. И они будут диктовать остальному миру не злобу и сокрушение, а мир... только мир.

VI.

ЧАСЫ шли...

Между тем истекло полчаса, а ни самого Бетье, ни каких-либо инструкций от него летчикам на о. Урбан не поступало. Тогда эскадрилья ночью, без ведома химика, только по приказу своего начальства, отправилась через Ламанш на врага.

Бетье узнал об этом, как о совершившемся факте. Как путались все

его расчеты! Чужая воля врывалась в его план и слепо, и нагло путала его игру!

Альма продолжал молчать.

Химик решил исчезнуть во Францию. Он очутился на французском берегу на рассвете следующего за ночью дня. В Париже он немедленно направился к военному министру.

— К Альма? Но ведь он арестован по подозрению в государственной измене. Он запрещал ассепсанта, когда ткань явно была необходима там, где жужжала пуля и рвался снаряд. Он приказывал бездействовать подводным лодкам и не топить вражеских пароходов, когда они везли лес для той самой ткани, которая явно давала неисчислимые преимущества врагу. Такие распоряжения могли быть продиктованы только изменой. Ах, идиоты! Теперь ему все понятно. Но тогда скорее к префекту, м-сье Рубо!

Префекту доложили о химике.

— Бетье—химик? Немедленно принять и немедленно после того, как он войдет ко мне, у дверей поставить двойной караул. Поняли? Бетье—государственный преступник!

Химик вошел.

— Вы пришли отдалиться в руки правосудия? Следовательно, вы раскаиваетесь?

— В чем? Я вас не понимаю, м-сье префект. Я пришел поторопить вас отправкой эскадрильи с эссенцией на английский фронт. Почему этого не сделали раньше?

— А я вас арестовываю! Вы предатель!

— Не понимаю. Разъясните, пожалуйста?

— Вы притворяетесь, м-сье! Разве вам неизвестно, что наша армия—героическая, непобедимая, святая армия—прилипла вчера ночью? А она должна идти разить врага! Мне хорошо известно, что кроме вас сделать этого никто не мог. Прилепить, как каких-то мух, своих соотечественников! Какое предательство! Вам грозит расстрел.

— Смеем вас уверить,—вы меня не расстреляете, ибо отлепить армию могу только я. Вообще, вопрос о моем

расстреле—праздный. Гораздо важнее — отчего до сих пор не послана эскадрилья, чтобы прилипли англичане? И почему арестован м-сье Альма?

Он задумался и прошелся два раза по кабинету.

— Вы со мной сию минуту поедете к президенту республики.

Английская эскадрилья ночью вылила над французским расположением баллоны с жидкостью Бетье...

— Праздный? Вы находите, что вы невиновны?

— Я не говорю ничего. Устанавливать виновность будем потом. Сейчас же спешно надо слать на врага эскадрилью.

— Об эскадрилье не заботьтесь: она послана без вас и дело свое сделала.

Лицо Бетье мгновенно изменилось: оно засияло радостью.

— Это правда, господин префект? Неужели? Когда? Почему же я ничего не знаю? Тогда о чем же вы беспокоитесь? Французская армия будет цела! Выпустите меня и предоставьте мне возможность делать, что мне нужно.

— Не знаю, есть ли основание для радости... Во всяком случае, я вас не выпущу. Я...

Между тем по городу, как клочки тяжелого тумана, уже поползли тревожные и странные слухи. Они были такие дикие и нелепые, что их передавали неуверенно и шопотом.

— Слышали—армия прилипла?

VII.

ПОТОМ слухи стали подкрепляться фактами: на фронт массами направляли врачей, с фронта партиями прибывали на вид здоровые люди и помещались в лазаретах. Они жаловались на то, что они «облипли». Говорили так же, что липкость появилась внезапно, ночью, после того, как англичане сбросили много каких-то бутылок, наполненных духами...

От президента республики, Бетье возвратился под усиленной охраной. Ему было предоставлено помещение одной из химических лабораторий и предложено начать выработку «дезассепса» — жидкости, избавляющей от липучки.

Он очутился в обычной лабораторной обстановке. Кругом перегонные кубы, реторты, колбы, печки. Но все свободные уголки заняты вооруженными солдатами, которым приказано беречь химика, как зеницу ока. Во главе стражи — полковник и два офицера. Они уселись на стульях у двери и не выпускали из вида ни одного движения пленника. Бетье заложил руки назад и медленно стал

прохаживаться взад и вперед. Он все ходил, ходил, думал, думал, повидимому, совсем забыв, где он и зачем сюда попал. Потом медленно подошел к полковнику и заявил:

— Так работать я не буду. Я требую абсолютной свободы.

— Это не от меня зависит, м-сье!

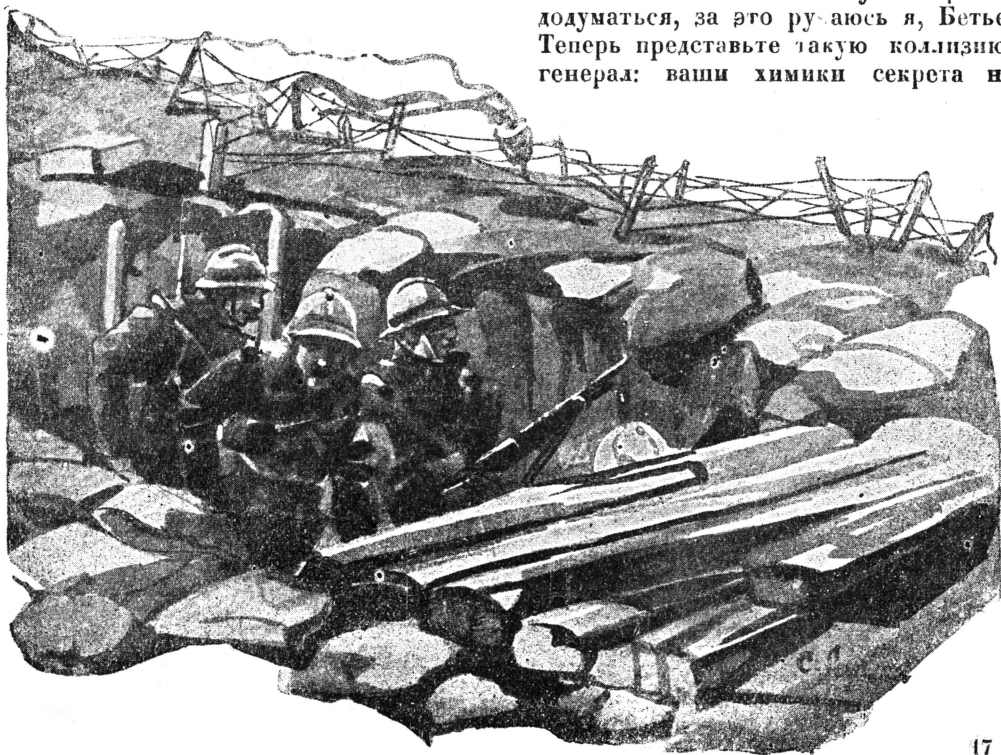
— В таком случае передайте мое заявление, кому следует.

Полковник вполголоса отдал приказание одному из офицеров, и тот исчез за дверью. Через полчаса в лабораторию явился военный министр, префект и несколько генералов.

— Какой свободы вы для себя требуете? Вы — тяжкий государственный преступник! И зачем вы переоцениваете свое значение, м-сье. Дело изготовления «дезассепса» мы можем передать нашим известным химикам. Они также найдут средство от липучки... да, да! Поэтому, если вы откажетесь от работы, вы будете пристрелены на месте.

Бетье зловеще усмехнулся.

— Сотая по счету угроза!.. а время уходит... Неужели до сих пор вы не знаете ваших химиков? Они тупы, как эти пустые реторты. До секрета моего дезассепса никому в мире не додуматься, за это ручаюсь я, Бетье! Теперь представьте такую коллизию, генерал: ваши химики секрета не

отгадали, и я уничтожен. Что вы станете делать? С другой стороны, допустите, что я уйду. Конечно, с моим уходом вам гарантируется три миллиона трупов, но ведь и с моею смертью вам их не миновать. Исполняя же мое требование свободы, вы оставляете у себя хотя один шанс на то, что дезассе не изготовляться будет. Не забывайте, кроме того, что на антилипучую жидкость поступят требования от англичан, у которых за нее вы имеете возможность выговорить ряд выгодных для себя условий. Поэтому уведите стражу и дайте мне приступить к делу!

Генералы шопотом совещались.

— Хорошо. Мы исполняем вашу просьбу.

И вся толпа военных ушла. Бетье остался один. Он долго возился с жидкостями, порошками и газами. Что-то пробовал растирать на руке, на колене, даже на щеке. Нюхал, лизал, прислушивался к бульканью жидкости, бурлившей в огромной бутылке. Наконец, перед вечером позвонил. На случай надобности, в соседнем здании обязаны были беспрерывно дежурить три служителя.

— Мне нужно большое чистое зеркало.

Когда оно было доставлено, Бетье заперся на ключ. Затем со стороны окон отгородился столами и ящиками, на одном из них установил зеркало, окружил себя мазями, пастами, порошками и маслами. Пальцами он смешивал порошки и мази и втирал себе в лицо, шею, руки до локтей, ноги до колен, в усы и бороду. Наконец, все верхнее платье он развесил в большом медном ящике, на дно которого насыпал порошок и зажег его. Ящик закрыл. Через десять минут вместо черного, пальто стало красноватого цвета, а пиджак и брюки — в тон лицу — светло коричневого. Он оделся.

Прежнего Бетье не было: в лаборатории стоял мулат из Эквадора.

Надвигался вечер. Мулат подошел к окну и стал пристально вглядываться в окружающие постройки. Он один? Он на свободе? Как бы не так! Ни они, ни он не настолько наивны, чтобы допустить такую мысль. И если десять часов тому назад, чтобы охранять его в стенах лаборатории, достаточно было сорока человек, теперь, незаметно ни для кого, его стерегло несколько сот пар глаз, запрятанных в соседних домах, подвалах, на бульваре, может быть, даже тут же, за углом его лаборатории, и готовых схватить его при малейшей попытке «к свободе».

В окна никто не смотрел. Тогда он спешно поставил в трех метрах от двери огромную реторту с синим блестящим порошком, направил нос реторты к двери и зажег под нею сильное пламя. Когда из реторты показалась струя яркого, светящегося голубого газа, он открыл дверь настежь. Струя удлинялась, удлинялась и перерезала улицу, по которой сновали прохожие и экипажи. Еще через минуту по пути струи стали появляться клубы пара, постепенно разрастающиеся в густое голубое облако. Оно остановило движение: через него опасались проходить. А все новые и новые порции продолжали истекать из лаборатории.

Мулат наблюдал за действием облака. Затем быстро, никем не видимый, вошел в него и под защитой его непроницаемости перешел улицу и очутился на противоположном тротуаре. А оттуда незаметно двинулся в толпу. Стража нашла необходимым проникнуть в лабораторию. Однако, помещение оказалось пусто. А мулат тем временем мчался на вокзал, к поезду, к швейцарской границе.

(Окончание в след. №).

Рассказ В. А. ПОПКОВА

Иллюстрации И. А. ВЛАДИМИРОВА

I.

— Взять!.. — по гл.дя на Дементия, произнес человек в золотых погонах.

Никто не двигался.

— Чего стоите?! Взять!

И Дементия взяли. Так просто, как вещь. И Дементий пошел. Безмолвно, как побитая собака. Шел медленно, спотыкаясь о камни. Ноги подкашивались, голова падала на грудь. Вели долго, впотьмах, по узким переулкам. Потом остановились. За скрипела дверь. Запахло сырым и промозглым. Точно из подвала. Кто-то толкнул его в спину чем-то тяжелым и твердым, и Дементий упал на сырое, скользкое. Ноги, зацепившись за порог, лежали выше головы. Чьи-то сильные руки обхватили колени и бросили все тело в темноту, как мешок. Дементий скользнул лицом по ослизному полу и слизь забила ему рот, нос, глаза. Потом он слышал, как захлопнулась тяжелая дверь и взвизгнула ржавая задвижка.

— Взять! — слышалось в этом железном звуке.

Дементий ощупал ногою под собою это скользкое, ослизлое — деревянный пол. Хотелось вытереть лицо, губы, глаза. Но руки туго притянуты к спине, и веревка режет набухшие жилы. Дементий лежал ничком, и когда хотел перевернуться на бок, то ноги скользнули, и он втянул в себя вонючую жижу с пола.

Вокруг мертвая тишина. Что-то прощуршало возле ног — крыса. Лежал долго, неподвижно. Ломило ноги, руки, всё тело. Голова была тяжелая. Хотелось уснуть, но спать он не мог.

Сделав усилие, перевернулся на спину. Но рукам стало больнее. Он навалился на них всей тяжестью своего тела. Высвободив их немного и повернувшись на бок, он припал головой к стене. Ухо коснулось перегородки, и Дементий услышал, как за стеной кто-то негромко сопел носом — спал.

Но вот за противоположной стеной хлопнула дверь, затопали сапоги и вошли люди. Ног было много. Послышались голоса. Глухие, тяжелые, как грохот их сапог.

— Чуть свет, взять этих троих и того, рябого! — слышал Дементий чей-то звонкий, медный голос и стук шашки о перегородку.

— «Взять», опять это слово, — подумал Дементий.

Как будто раньше, казалось ему, он никогда не слышал такого слова.

— Взять!.. — звенело в ушах Дементия. — Взять!..

Он и сам раньше говорил дома жене: возьми муки, возьми деньги, взять в долг. Но это какое-то другое слово. Новое. И он начал складывать его по буквам.

— В-з-я-ть... в-з-я-ть... То же самое, но другое.

Он вспомнил, как в детстве болел оспой, и мать не отходила от его кровати. Давала пить и держала руки, чтобы он не ковырял болячки. Держала — тогда они не были связаны. А на ночь скручивала их мягким полотенцем. Полотенцем, а не жесткой веревкой, от которой больно.

— За горкой? — спросил какой-то грубый голос.

— Как всегда, — ответил тот же металлический. Взять и расстрелять...

— Нет, это не меня, — думал Дементий. Это не про меня.

Три слова, как три гири, повисли в отяжелевшей голове. Три слова: — Взять. Расстрелять. — И одно, не страшное: — Рябого. — Совсем простое, не страшное слово.

— За что? — спрашивал себя Дементий. — Ведь я ничего не сделал. Шел, как и все. А когда отступали — отстал. Так что же я сделала?

— Расстрелять... — звенело во всех углах и отдавалось в сознании Дементия, заслоняя другое слово: «взять».

— Рас-стре-лять...

Он плотнее прижался к стене и силится уснуть. Но страшное слово сделалось уже не словом, а чем-то живым и большим. Огромным чудовищем.

Дементий лежал на боку, закрыв глаза. Открыть их было невозможно, — грязь склеила веки. Он не думал о том, что вот это связанное тело завтра будет бездыханным трупом и бросят его в черную яму и засыпают землей. Но что он не увидит больше солнца, не увидит никогда жены, детей — это Дементий знал. Он знает, что расстреливают всегда утром, на заре, и редко днем.

— Ведь я же ничего не сделал, — громким шопотом произнес Дементий и испугался собственного голоса.

Его сознание невинности не вязалось с мыслью о смерти. — Как же это?! Здоровый, сильный и должен умереть, когда смерти нет и умирать он не хочет! А как же жена — Марья, с маленьким Колькой! Дементий хотел крикнуть, что он не хочет, что он не виноват. Но кто его услышит. А если и услышат — разве поможет кто-нибудь. Он сжал зубы, сильно оттолкнулся ногами, поскользнулся и ударился головой о перегородку, хрустнула шея. Сделав еще усилие, при помощи связанных рук, пододвинулся к двери, уперся ногой в порог и почувствовал, что может встать.

В это время в перегородку кто-то постучал, и Дементий услышал голос:

— Смирно, не то приколю на месте!..

Дементий замер и затаил дыхание. Потом он слышал, как за стеной снова вошли люди. Много людей. Шумели, кричали. Кто-то пел песни. Потом зазвенели бутылки и стаканы. Стучали по столу кулаками, ругались. Грозил перерезать всех большевиков. Потом пришли женщины. Он слышал их пьяные голоса. Самые скверные слова висели в комнате и, казалось, бились о перегородку, где лежал Дементий. Кричали, перебивая друг друга.

Воспользовавшись шумом, Дементий кое-как поднялся с пола. Он стоял, стараясь высвободить руки. Но веревка сильно впилась в отекавшие кисти. Но вот за стеной все вдруг затихло и стали уходить. Дементий, точно испугавшись этой тишины, прижался в угол. Чувствуя себя бесильным — он заплакал. Потом повернулся лицом к стене и, в озлоблении, начал кусать зубами деревянную перегородку.

В это время за дверью слышались шаги, загремели винтовки и взвизгнул засов:

— Взять!.. — пропел он железным голосом.

Дверь открылась, блеснул свет и вошли люди в серых шинелях. Таких же серых, какая была у него и которую он бросил, когда отступали.

— Выходи!..

Дементий прижался плотнее к стене.

— Выходи, говорят!..

Он молча вышел из угла и остановился.

— Иди, ну!..

Опять чем-то твердым и тяжелым ударили по спине, потом по голове.

— Не расколи ложу!.. услышал он насмешливый голос. Тот самый, что кричал за спиной, когда Дементий хотел встать с мокрого пола и зашумел.

— Большевикскую голову по звуку узнать можно!.. — услышал он тот же голос, и на голову снова точно упало что-то тяжелое.

Дементий тихо застонал и споткнулся о порог. Глаза его были заклеены грязью, и он не видел порога.

— Брось, Игватка! Прикончишь раньше время—куда его девать!

— Протри глаза! Вымазлся, чу-чело!..

Дементий силился открыть глаза, но веки склеились. Кое-как, со страшной болью, он раскрыл правый глаз.

— Бежать!.. блеснула мысль в его мозгу, и Дементий остановился.

— Иди, чего остановился!— крикнул человек с винтовкой и ударил его прикладом в поясницу.

Из другой двери вышли трое, таких же, как он. И с ними пятеро с винтовками.

— Давай сюда!— крикнул низенький, что два раза ударил его прикладом по голове. Как видно, он был за старшего:

— Стань по два в ряд!..

Четверо безмолвно стали по два человека. Привычные ноги сдвоили ряды. Их окружили десять винтовок с острыми штыками.

— Шагом а-арш!..

— Ша, ша, ша, ша!.. шлепали тяжелые сапоги.

Низенький шел сбоку. Дементий старался попасть в ногу своим трем товарищам. Товарищам по смерти.

— В ногу, серый!..

Шли долго. Какими-то узенькими улочками и переулками. Поселок еще спал. Засылав шаги, из-под ворот залаяла собаченка. Дементий знал, что он идет по этим улочкам, и вообще идет сам— в последний раз в жизни. Но в то же время не хотел и не мог верить, что через какие-нибудь полчаса он не будет ни двигаться, ни смотреть, ни думать, ни говорить. Не мог себе представить, что вот его, сейчас живого человека, не будет вовсе.

Когда прошли последний домик, перед ним разостлался большой луг, а за ним лес, из-за которого чуть просачивались лучи солнца. Четверо шли, спотыкаясь о камни. На траве белела роса и на ноги налипла мокрая пыль. Позади загудело. Звук этот был знаком Дементию. Он слышал его когда-то давно, еще в деревне. Дементий и другие трое оглянулись. Люди остановились и наставили

штыки. В упор. И четверо снова понуро пошли по пыльной дороге.

Это позади шли три человека. Они несли лопаты. И их тоже окружали люди в серых шинелях со штыками. За лесом виднелась гора, а за горой длинная лощина, по которой протекала небольшая речушка. А дальше опять гора и снова лес. Вода узкой лентой темнела среди открытой лощины, спрятавшейся между гор. Тянуло свежестью. А над лощиной стоял туман, серый, густой, неподвижный. Пройдя первый пригорок, спустились вниз. Мокрая от росы трава шелестела под ногами:

— Ша, ша, ша, ша!..

Сквозь туман прорезался бугорок, который полуостровом шел от горы. Вдруг все остановились. Низенький, передав свою винтовку другому, скрылся за бугром. Потом вернулся, взял винтовку и все пошли за ним. За большим бугром были маленькие бугорки и свежескопанные холмики, которые, как бородавки, чернели среди зеленой, чуть приотпанной травы. Все снова остановились.

— Снимай рубаху!— сказал низенький.

Дементий молча смотрел на него и, казалось, не понимал. Низенький повторил те же слова. Дементий по-прежнему молчал. Только передернул плечами, точно стараясь освободить связанные руки.

— Э, твою мамушку!.. Руки!..— сказал низенький.

— Чего ругаться! Не такое дело!.. заметил ему другой и стал развязывать веревку.

— Снимай теперь!

Дементий покорно снял рубашку. Он посмотрел на затекшие руки и потер их одна о другую.

— Затекли?— точно стараясь быть ласковым, спросил низенький.

Дементий молча кивнул головой. Низенький, взяв рубашку Дементия, долго смотрел на нее и что-то соображал. Другой, в серой шинели, похлопал Дементия по спине и спросил:

— Холодно?

Дементий ничего не сказал. Он только что заметил, что трясется

всем телом и тотчас же подумал, что можно простудиться...

Все чего-то ждали.

— Хотя бы поскорее, — промелькнула мысль в голове Дементия, и он нетерпеливо передернул плечами.

Низенький разорвал рубашку на четыре части и стал завязывать Дементию глаза. Когда он почувствовал, что узел на затылке крепко затянут — ему стало легче. Потом он слышал, как впереди стучали лопаты и сыпалась сухая земля.

— Веди, — услышал он голос.

Кто-то взял его за руку и повел.

— Подымай ноги, — сказал голос.

Затем остановились:

— Садись тут! Снимай сапоги!

Дементий не двигался. Чья-то рука взяла его за плечо и придавила вниз. Дементий сел. Когда он снимал сапоги, слышал — как рядом тихо плакали.

— Не нужно!.. Не нужно!.. Не нужно!.. Я не хочу!.. Пустите меня! — вдруг услышал он возле дикий голос.

— Дьяволы!.. Черти!.. А-ай!.. А-а-ай!..

Голос раздираал душу, наполнил всю лошину и отдавался в лесу. Казалось, что это не один голос, а пять, десять, многие голоса. Потом вдруг замолк. Точно захлестнулся. Снова откуда-то вырвался и снова замолк. Точно ребятишки, когда они играют, закрывая и открывая рот ладошкой. Когда голос затих, Дементию велели встать. Затем повели по траве и поставили с кем-то рядом. И вдруг все замолчали. Рядом кто-то тяжело дышал.

Дементий вдохнул свежий, утренний воздух, и вдруг ему послышался запах деревни. Как будто потянуло дымом, овцой и дегтем, на миг промелькнуло перед ним его село и двор, жена, маленький Колька...

В это время он невдалеке услышал, точно кто-то отрывисто и тихо командовал:

— Раз, два...

«Три» Дементий уже не слышал. Что-то обожгло голову, и он точно покатился вниз. Что-то мягкое вслед за этим стало падать на его лицо, голову, руки. Потом от этого мяг-

кого становилось очень тяжело. Давило внутри. А дальше он не помнит. Дальше он уже не видел, как все вдруг побежали ложиной к лесу. Некоторые с винтовками, а другие — не успев их захватить.

II.

Дементий спал на жениной кровати и ему было жарко. А Марья наваливала на него мягкие платки, полушубки, шубы. Тяжело, а она все наваливает. Он хочет ей сказать — не нужно, но не может, хочет открыть глаза, но глаза не открываются.

Сделав над собою усилие, Дементий проснулся и почувствовал, что лежит на животе и на нем не тулупы и шубы, а что-то сырое и тяжелое. Через силу открыл глаза, но ничего не видел. А это тяжелое давит грудь и нечем дышать.

Вдруг сознание к нему возвратилось. Он, набрав силы, повернул голову. Но по темени будто ножом резнуло. Хотел поднять руку, но она была точно привязана и что-то мокрое и липкое скользнуло под пальцами. Возле него лежало что-то мягкое. Но это была не земля.

Собрав последние силы, он нажал плечом, стараясь сбросить с себя навалившуюся тяжесть. Вдруг это мягкое подалось, точно беззвучно отодвинулось, и он почувствовал, что между его телом и этим мягким, тоже похожим на тело, образовалось пространство, и он мог освободить руку. Нашупав землю, быстро, как крот, стал разрывать ее над головой. Страшная боль на концах пальцев, — видимо задралась, а может быть и вовсе отпали ногти, — но он все рыл и рыл. Хотелось освободить другую руку, но она лежала под чем-то очень твердым... И пальцами он нашупал стриженные волосы. В ужасе, он поспешно сгребал землю перед лицом. Земля осыпалась в образовавшееся между ним и тем, мягким, пространство. Боли он уже не чувствовал. Одна мысль — спасти жизнь — овладела всем существом. Одновременно напрягал остаток сил, чтобы освободить ноги. Но силы быстро ослабе-

вали. Чувствовал, что уже нечем дышать, и ясно сознавал, что если он сейчас, сию секунду, не освободится от навалившейся на него земли и не вдохнет свежий воздух, то уже никогда его не вдохнет. Чувствовал, что сердце останавливается, дыхания нет, — точно он с головой ушел глубоко в воду. В отчаянии и сознании, что через минуту может

подвижность... Но Дементий был наполнен счастьем, что он еще жив и готов был так жить всегда. Лишь бы жить и не быть мертвым!

Утренний воздух подкрепил его, но страшно хотелось пить. Сделав несколько глотков воздуха, он снова стал освобождаться от земли, но мучительная жажда отнимала последние силы. Он сосал влажную землю,

Когда он почувствовал, что узел на затылке крепко затянут, — ему стало легче. Он слышал, как впереди стучали лопаты и сыпалась сухая земля...

быть наступит смерть, — Дементий собрал все силы и сделал последнее, предсмертное усилие. Как дорога человеку жизнь и как отчаянно он борется за право жить! Вдруг... маленький проблеск света между сырыми кусками земли, и Дементий увидел голубое небо. В образовавшееся отверстие прорвалась струйка свежего воздуха, и он с жадностью стал вдыхать его грудью, на которой еще лежала тяжесть.

Крошечный клочек неба, тонкая струйка воздуха, почти полная не-

но вкус ее был пряный и чем-то пахло.

— Так пахнет на бойне, — вспомнил Дементий.

III.

Солнце высоко стояло над горой. Река переливалась у Кровавой Лощины. На берегу, в кустах, Дементий без рубашки и без сапог, в одних штанах — мыла окровавленную и испачканную глиной голову и руки, на которых не было ногтей.

Алая кровь окрасила воду. Острая боль резала пальцы. Остановив холодной водой кровь, он сел на берегу,

Дементий с жадностью стал вдыхать свежий воздух...

разорвал нижние штаны на узкие полоски и замотал пальцы. Голову перевязал оставшимся лоскутом. Солнце жарило голую спину, в голове стоял шум и тяжесть, точно ее налили свинцом, пальцы ныли и во всем теле ощущалась сильная усталость.

С трудом поднявшись с земли, Дементий зашел за кусты. Ноги едва двигались. Он лег в тени и скоро заснул. Сон был тревожный. Он ворочался, разбрасывал руки, бессвязно бормотал какие-то слова. Проснулся он от сильного шума. За горой рвались снаряды и трещали пулеметы. Наступали красные, оставаться в ложине было не безопасно. Если красные займут поселок, то для белых один путь отступления — через ложину.

Сон подкрепил Дементия. Солнце еще стояло высоко на небе. Поднявшись с земли, он перешел ложину и свернул в лес. Пройдя густыми зарослями, остановился под старой елкой и, прислушиваясь, решил ждать ночи.

Стрельба стала утихать. Дементий неподвижно сидел под елкой. Солнце заходило. Упали густые тени, наступила тишина и слышался таинственный говор леса. Только изредка разрезал воздух далекий выстрел и эхом

откликался в лесу и нельзя было угадать — с какой стороны стреляют. Дементий уже начинал дремать, но спать было нельзя, и без рубашки становилось холодно.

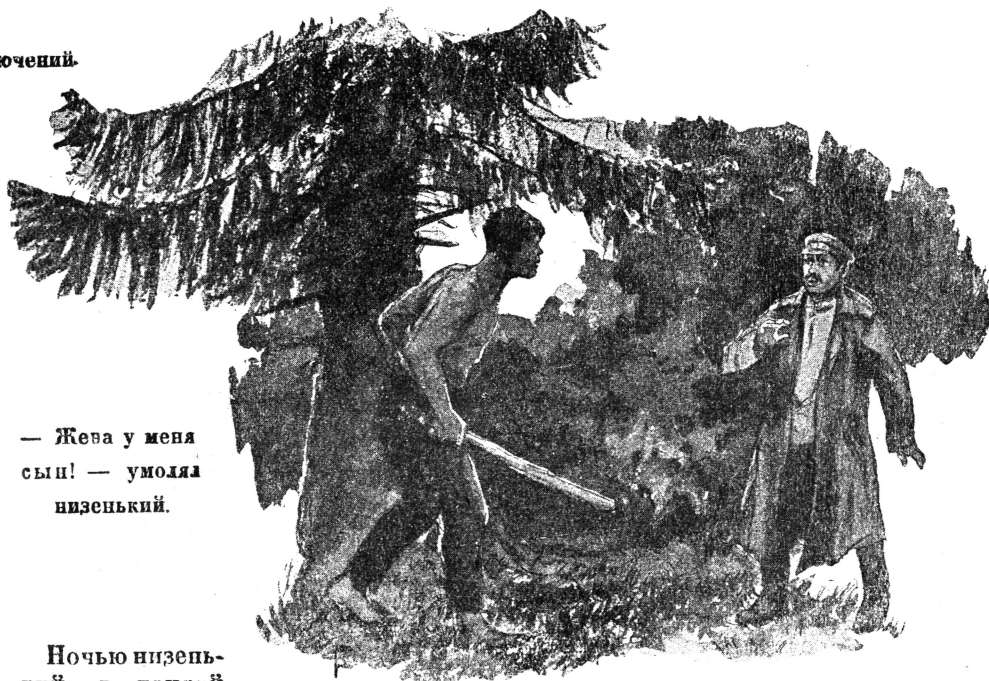
Вдруг — слышит: недалеко что-то зашумело, захрустели сучки. Дементий поднял дубину, которая тут же лежала в хворосте и, встав за толстой елкой, смотрел впереди себя. Шаги приближались. Вот они уже совсем близко.

Он вышел из-за елки. Перед ним, лицом к лицу, едва переводя дух, стоял низенький солдат в серой шинели. Увидя Дементия, он широко раскрыл глаза и застыл на месте. Дементий стоял без рубашки, с дубиной в руке. Низенький был безоружен.

— Брат! Товарищ! Не бей! — хриплым голосом сказал низенький, умоляюще смотря в глаза Дементию.

— Жена у меня, сын!

Дементий опустил руку. Он вспомнил Марью и маленького Кольку. Перед ним уже был не тот низенький, который завязывал ему глаза, а другой, у которого была жена и сын. Вспомнил, как он оборвал ногти на руках — лишь бы не быть мертвым.

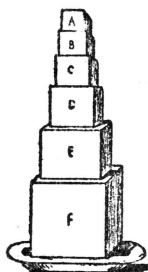
— Жена у меня
сын! — умолял
низенький.

Ночью низень-
кий, в тонкой
гимнастерке и Дементий в серой ши-
нели на голом теле переползали Кро-

вавую Лошину к поселку, занятому
красными войсками.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Задача № 64.

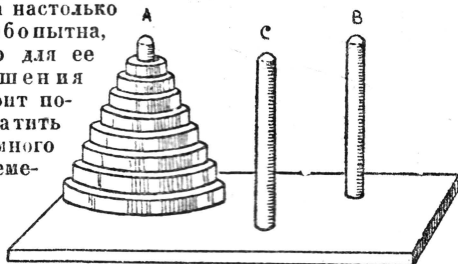

На одном из четырех блю-
дов поставлены один на другом 6
уменьшающихся по размерам
кубиков, А, В, С, Д, Е, F. Тре-
буется все кубики в том же
порядке, пользуясь запасными
блюдами, установить на второе
блюдо, соблюдая два правила:

переносить кубики можно лишь по одному и
не ставить больший над меньшим. Требуется
определить наименьшее число и порядок
необходимых перестановок (см. стр. 56).

Задача № 65.

Предыдущая задача не что иное, как
упрощение одной индусской задачи. Задача
эта настолько
любопытна,
что для ее
решения
стоит по-
тратить
немного
време-

ни. Вырезав из картона 8 небольших, пос-
тепенно уменьшающихся кружочков с отвер-
стием посередине, надо взять кусок картона
или небольшую дощечку и укрепить в ней

три палочки высотой в несколько сантиме-
тров (см. рис. внизу). Палочки эти обозна-
чим буквами А, В, С. Наденем на палочку А
наши картонные кружки, составив из них
пирамиду. Теперь требуется с палочки А
перенести всю пирамиду на палочку В,
пользуясь, как вспомогательной, третьей
палочкой С, при чем зараз можно перено-
сить лишь один кружок и класть его или
на свободную палочку, или на
кружок большего размера. Вме-
сто кружочков и палочек можно
взять восемь карт, начиная от
туза до восьмерки, и перекладывать их по
одной, не закрывая меньшее число очков
большим (см. стр. 56).

Задача № 66.

Начальник маленького железнодорож-
ного полустанка получил телеграмму, что
через короткое время проследует экстре-
нный служебный поезд и чтобы были при-
няты меры к незамедлительному его про-
пуску. Но в это же время у полустанка
на главном пути задержался товарный
поезд. Кинувшись переводить его на един-

ственную запасную ветку, но, как на грех—
ветка оказалась короче товарного поезда...
Назад пустить его нельзя: — экстренный
уже вышел, вперед—не успеет д'йти до
ближайшей станции и надолго задержит
начальство... Тем не менее начальник полу-
станка нашелся и сумел пропустить
экстренный поезд с самой ничтожной за-
держкой... Как он это сделал? (См. стр. 56).

О Волхтерре, графе Сциборе Мархоцком и Разбойнизе Минитте

Исторический рассказ В. БОЦЯНОВСКОГО

Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

Бывают иногда удивительные случайности. Недавно, проездом через Киев, я зашел во фруктовую лавочку и купил десяток груш, «дуль», как их здесь называют. Уже сел в трамвай, и только тут вдруг как-то бросился мне в глаза бумажный мешок, в котором лежали мои «дули»... Старинный, старый почерк. Знаете, такое «с» хвостиком вниз, «е», похожее на греческое «ε». Рыжие чернила, синеватая бумага... Вижу «генварь», а не январь... Прочитал все, что было снаружи; едва дождавшись остановки, выскочил и помчался опять во фруктовую лавочку с твердым намерением закупить все мешки.

— Не продаст,—решил я,—куплю у нее все груши, а мешки заполучу.

Дело устроилось, впрочем, проще, чем я думал.

Правда, моя просьба продать мне мешки произвела на лавочницу приблизительно такое же впечатление, как в свое время на Коробочку предложение Чичикова уступить ему мертвые души... Вконец кондов однако мы все же сошлись в цене, мешки оказались в моих руках.

Целых два дня мне пришлось потратить на приведение их в порядок, но если бы я потратил еще столько же времени, я об этом не пожалел бы...

Рукопись оказалась не то дневником, не то летописью, которую вел священник местечка Минковцы Подольской губернии. За хронологией Минковецкий летописец не очень, по видимому, гонялся, но все же ее можно установить вполне точно, это—конец XVIII и начало XIX века.

Вот первая запись:

«...Року божьего 1783. Прибыл к нам на жительство владелец имения граф Игнат Сцибор Мархоцкий... Сказывают, он женился на незнакомой особе и потому иначе в других местах ему жить невозможно... Сказывают, что»...

Дальше две строки тщательно густо зачеркнутых...

Без всякой даты, но очень подробно записана беседа с графом Мархоцким:

«...Когда я вошел в покои, именуемые кабинетом, то, по обычаю, хотел перекреститься... Однако, того...

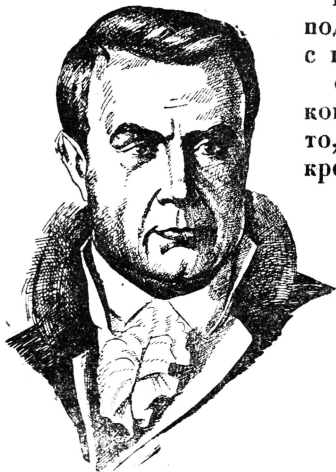
Сколько ни смотрел по углам, образов, ниже самого маленького, не оказалось. А граф, видя недоуменное лицо мое, изволил громко рассмеяться...

— Образов ищите, отец?—спросил.

— Именно, говорю, ваше сиятельство...

— А вот... Разве не видите?..

При этом он показал два, подлинно

Граф Игнатий Сцибор Мархоцкий.

С портрета 18 века, воспроизведенного в Большой Польской Энциклопедии, рис. П. Жилин.

на стене висевших изображения. На одном я узрел не то бабу, не то бритого догола мужчину, с длинным острым носом и пронзительными глазами, а на другом человека, тоже ничего божеского в себе не имеющего. А граф смотрит и только пуше смеется.

— Или, говорит, отче, не узнаете?

— Може, говорю, римско-католические?

— Угадали, говорит, отче, угадали... Вот это, говорит, святой и преподобный Вольтер, а это, говорит, его подобие Жан-Жак Руссо.

И понял я, что граф—Вольтерьянец. Тут же достал граф с полки две книжицы и, давая их мне, сказал:

— Вот их евангелия... Не хотите ли почитать?

— Я, говорю, ваше сиятельство, по французскому не обучен.

А он мне:

— Знаю. Но эта российским языком писана.

И как на лице моем явно появились и страх, и трепет, и отчаяние, то граф милостиво изволил книжечку обратно в шкаф поставить.

— Жаль, жаль, говорит... Это великие мудрецы...

— Да ведь, бога, говорю, они не признают...

— А бога, говорит, и нету. А есть только Разум, великий Разум.

И я подумал про себя: «рече безумец—несть бог»... Одначе, промолчал...»

«...Чудит наш граф, ну и чудит... Давеча, на мосту, идола поставили—Цидерон, говорит... В парке и саду—богиня обнаженных... Не знаешь, куда глаза деть... Сказывает садовник, еще выписан языческий бог Юпитер. О, господи, господи. Ужли такой же голый, как и тот, что в саду стоит?»

«...Заходил управляющий, эконо́м, пан Ружицкий... Жалуется на графа. Обижен.

— Страдаю, говорит, из-за каких-то паршивых хлопов. Слыхали? Никто не смеет называть их уже хлопами...

— А как же, спрашиваю?..

— Ага!.. Как же?! Они, проше пана, у нас—трудящиеся!.. Землепашцы!.. А!.. Распустил паршивых хлопов, прямо сладу нет. Но, погоди, пан Мархоцкий, кругом-то ведь паны с головами! Они тебе покажут землепашцев!.. Да... Покажут!.. Эту заразу сразу нужно прижечь... Уже ездили к губернатору. Очень растроил меня пан Ружицкий. И, правда, сам и по церкви замечаю: пахнет чем-то, да...»

«...Пан граф собрал сегодня сход у себя, перед палацом... И то, и се там говорил, и про Францию много... Вольтера своего все поминал. А потом вдруг так и ляпнул: «знайте, говорит, землепашцы, Иван та Степан с той же глины, что и паны». Так, скажу вам, даже хлопы и те друг на друга посмотрели... и ни гугу. Графу оно ничего, а хлопам не токмо что говорить, а и слушать такие речи небезопасно.

«...Машину печатную привезли... А с нею два немца. Книги, вишь, печатать будем!..»

«...Оглашал, по приказу графа, в церкви манифест: «божьей милостью, мы, граф на Миньковцах Мархоцкий, даруем крестьянам нашим полную волю»... Жидам еще раньше дозволено жить вольно, как и прочим поданным графским. Ицко уже землю приторговывает в нашем Миньковецком королевстве... Ой, и впрямь приходят последние времена».

Вчера забегал Ружицкий.

— Чорт знает, что только не выдумает граф. Приказал по всей границе своего имени поставить столбы с надписью: «граница владений графа на Миньковцах Мархоцкого с царем Русским»... Король Миньковецкий... Прямо король!

— Зачем же это, спрашиваю?

— Наполеон, говорит, идет... Так чтобы знал...

— Ужли, говорю, Наполеон наших Миньковец не видал?

Смеется.

— На графа, наверно, захочет посмотреть! Другого такого на свете, наверно, нет.

Вот так штука... А вдруг, да правда, Наполеон?!

«Так и думал... Наполеон со двенадцатью языки на силу унес ноги из России. В Миньковцы даже не заглянул».

«1814 год, 25 июля. Сей день требует подробного описания. Пан Мархоцкий справлял по случаю окончания полевых работ обжинки. Народу набралось тысячи. Хлопы, т. е. земледельцы, приехали со всех деревень. Паны тоже. Даже из Бердичева были... Купцов понаехало!

Как только кончилась обедня, я пошел и видел всю процессию, ибо и самому пришлось в ней участвовать. Спереди ехал литавщик на белом коне и был в литавры. Рядом с ним трубач, одетый в белый суконный плащ с позументами. За ними красная хоругвь. Графские музыканты играли марш. За музыкантами—верхом седой ста-

рик с серпом в руках. За ним двичата в два ряда, в лучших платьях. У каждой в руке—серп, пучок цветов или веточка дерева. Затем опять музыканты и хоругвь. Потом—бабы с серпами в руках и корзинками, наполненными овощами. Потом несколько голубых хоругвь с изображением земледельцев. Потом, в два ряда хлопцы с вилами, цепами и граблями. За ними верхом на серых конях двое трубачей в белых плащах и касках. Играли марш. Потом опять красные хоругви с земледельцами на них. Потом плуги... Триумфальный плуг везли шесть волов с позолоченными рогами, в ярмах золотых и украшенных цветами и лентами. На плуге сидел мальчик, сын графа, одетый как пастушок. Потом шла музыка и девушки с гирляндами цветов. Ну, а за ними... Рыдван, весь в коврах... Его везли шесть лошадей, в пополах с галунами. На рыдване трон, а на троне сам граф Мархоцкий в пурпурной тоге, с золотым трезубцем в руках!

Будто бы Юпитер! У самого трона красивая девушка с серпом. Вокруг трона 12 маленьких девочек в белом, с веночками на голове. Потом ксендзы и наш причт. Когда пришли на поле, я отслужил молебствие и освятил плоды. Рядом ксендзы сделали то же самое. Тут выступил граф Мархоцкий и сказал проповедь своим «землепашцам»... Филос. фия!.. Конечно и Вольтер, и Руссо, и Вергилий и всех дьяволов своих помянул... А что он говорил—вот, святой крест, ничего не понял. С поля вернулись в замок графа на Бельмонт, так он окрестил нашу гору. Тут в воротах, украшенных коврами, стоял трон... На троне восседала дочка Мархоцкого—Эмилия, которую он приказал величать Церерою! Перед ней—стол, покрытый красным барха-

стила горилкой... Также одарила и хлопцев. Конечно, был ужин, а после ужина пили и гуляли. Целую ночь гремела музыка. Целых три капеллы

Двигалось шествие... На рыдване трон, на троне сам граф Мархоцкий в пурпурной тоге, с золотым трезубцем в руке... будто бы Юпитер... Потом ксендзы и наш причт... Потом голубые и красные хоругви с землепашцами.

том, а на нем кучи серебряных рублей. К ней подошли сначала девушки, а потом хлопцы... Она каждой повязала голову лентой, подарила по рублю и уго-

дудили!.. Панночки танцевали с хлопцами, а пань с дивчатами. Панна Эмилия, Церера, выбрала себе Микиту Свиридового... Огонь, не хлопец... Глаза черные, усы черные... Сам, как картина, а уж танцует... Ну, прямо... до неба подскакивает!.. И панночка с ним так... того... Ну... вижу как будто поддразнивает... Она на него зирк... А Микита мой еще и еще: и ногами перебирает, и тебе руками, и тебе плечами... И так, и этак... Хлопнет по подошве, да в небо, что твой орел... Ох, и пляшет же хлопец... У нас говорят, что если пань не будут танцовать с своими подданными на обжинках, то на другой год не будет урожая... Кто его знает... А только, когда я вернулся домой, то даже матушке сказал:

— Ой, мать, смотрел я, как танцевала панна Эмилия с Микитой и подумал—не будет ли тут, правда, какого урожая?

Матушка даже разгневалась: «постыдился бы, говорит, на старости-то лет»... Чего там, постыдился.

— —

«Иулия 29. Так и есть. Приходит ко мне Микита. Приносит курицу, десяток яиц, бутылку водки.

— Что, говорю, Микита. Уж не задумал-ли жениться?

— Так, говорит, батюшка. Похоже что.

— Доброе дело, говорю. А кто нареченная невеста?

Молчит.

— На ком, говорю, жениться-то хочешь?

Посмотрел на меня так как-то особенно, да и говорит:

— На графине Эмили Мархольской.

Я даже сел. Потом засмеялся, да и говорю:

— Ну, правда, говори, на ком? Кто невеста-то?

А он на колени передо мной:

— Спаси, говорит, батюшка. Не могу. Помираю. После обжинок места себе не нахожу.

— О, говорю, Микита... Да ты, кажись, и вправду с ума сошел?

— Не знаю... батюшка, видели бы вы, как панночка со мной танцевала, как на меня смотрела... А говорила такие слова, такие слова...

— Брось, говорю, Микита, не дури.

— Нет, говорит, батюшка, что хотите возьмите, а помогите.

— Свят, свят, свят,—говорю. Да граф Мархольский, как только узнает, так не только тебя, да и меня со свету сживет... Чего выдумал.

— Э, говорит, батюшка. Сам граф Мархольский не раз говорил, что Иван та Степан с той-же глины, что и пан.

— Мало ли что говорится. Нет, Микита, тут я тебе не помощник.

— Да, я, говорю, прошу не много. Мне бы только в замок попасть, хоть лакеем, хоть козачком, хоть в садовники... Только бы встречаться бы и видаться с панночкой.

— Брось, говорю, теперь ты, спасибо пану Мархольскому, вольный. Есть у тебя кусок земли. Свой дом. Женишься. Мало ли дивчат не хуже твоей панны Эмили. А ты в лакеи, в дворовые... Ярмо на себя одеть хочешь.

— Нет уж, говорит, все я обдумал. И прошу только у вас одного. Как будет у вас экононом Ружицкий—поговорите вы с ним, замолвите свое слово.

— И не подумаю... Нет, хлопче, с тобой еще беды наживешь... Нет, нет... Бери, милый, свою курицу и прочие дары твои и гряди с миром... Нет тебе моего благословения...

Так и отпустил его. Посмотрел он на меня, махнул рукою и ушел».

— —

«Получил сегодня от графа Мархольского целых четыре книжки. Сам надруковал! Книга первая: «Право м. Миньковец»... Книга вторая: «Договор государя с подданными», «Право шляхетское для однодворцев»... «Право иностранцев»... Король, да и только!.. А книги-то я брошу в печку... Ему, графу, ничего, а если о. благодетельный или исправник увидит их, то меня по головке не погладят».

— —

«Вызывали в консисторию. Допрос снимали. Насилу отвертелся. Владыко только накричал: «как, говорит, ты, иерей бога высшего, дерзнул участвовать в языческом богослужении кумирической богине Церере»?!

— Я, говорю, только плоды благословил, как в требнике установлено. К Церере даже не подходил.

— А Юпитеру, говорит, последовал?

— Какому, говорю, Юпитеру? Дураком таким, знаете, непонимающим прикинулся.

— А такому, что на троне ехал... Ты, отец, у меня смотри. На этот раз прощаю, а боле, чтобы не было.

Слава тебе, Христос... А уж думал либо в монастырь на послушание, либо во причетники с запрещением священнослужения. Матушка прямо заплакала от радости, видя меня безвредно вернувшимся».

— —

«Заходил пан Ружицкий. Сказывал, исправник был. Строго-настрого воспрещено, дабы впредь языческого богослужения не происходило.

— А что же граф?

— А ничего. Кланяйся, говорит, там архиерею и прочим... А праздник Церере будет у меня попрежнему.

Тут ему исправник разъяснил, что значит, духовенству, нам, то есть, как православным иереям, так и ксендам, сие строго-настрого воспрещено. Так что вы думаете сей ересиарх ответствовал:

— Ряса, говорит, недорого стоит. Закажу себе красную шелковую рясу и освящу плоды не хуже вашего попоа...

Вы подумайте!.. Оле нечестия!.. Ох, долготерпелив бог и многомилостив. Однако, за рясу и прочее кощунство накажет рано или поздно, тяжко накажет... Обязательно не простиг!»

«А Микита-то?.. Уже служит в замке. Пришел сегодня, опять принес курицу, десяток яиц и бутылку водки...

— Что, говорю, выбил дурь-то из головы?

— Эх, говорит, батюшка, не дурь это... И когда, говорит, дом загорится, то уж его не погасить.

— Все значит, говорю, с тем же?

— Нет, не совсем...

— Так-то оно лучше.

— Я, говорит, уже служу в замке. Истопником определился. Графиню панночку каждый день выдаю. Каждый день с ней говорю. Ну и душа же у нее... Вот, говорит, батюшка, хотите верьте, хотите нет, а она меня любит.

— Ну?

— Ей богу.

— Так, так, так... О чем же она говорит с тобой?

— Когда как... О дровах, например... Мне, говорит, всегда жалко смотреть, как ты в печку дуб бросаешь. Рос бы он себе в лесу. Подумай, говорит, ведь что ни дуб—то сто лет... А для чего сто лет прожил? Чтоб его в печку бросили? Я, говорит, все дубы в нашем лесу знаю...

Богатыри все, красавцы. И тут прибавила: «как ты», говорит. Как бог свят.

— Врешь?

— Ей богу. Так и сказала.

— Может сие, говорю, нужно понимать, как хулу: дескать ты, Микита, дубина.

— Бросьте, говорит, батюшка. Не понимаю что ли! Слава богу, не маленький! А пришел я к вам с просьбой. С панночкой я уж там сам договарюсь. А вот с графом... Как он? Так вот ежели бы вы, батюшка.

— Это что же? В сваты меня зовешь?

— Похоже как будто. А уж я бы вам за это...

Я даже не стал дальше и слушать. Повернул его к двери, отдал ему его курицу и поскорее выпроводил.

Времяшится же хлопцу этакое!»

«Опять заезжал отец благочинный. Наказал строго воздерживаться от графского дома. Граф, говорит, явный волтерьянец и безбожник. Правительство бдит. Владыко прямо изволил сказать: не потерплю.

«Дивны дела твои, господи! Сегодня утром прибегает из замка казачок. Письмо от графа. Собственноручный рескрипт, чтобы прибыл в замок в 5 часу пополудни. Не чаял видеть того, что случилось. Ай, Микита, Микита... Жалко хлопца. Прихожу это я, а казачок уже ждет у двери. Пожалуйте, говорит, батюшка, в зало. Вхожу. Вижу граф наш мрачнее тучи. А, говорит, хорошо, что пришел. Тут, говорит, жених у нас — так надобно благословить на брак. Доброе дело, говорю. А кто, спрашиваю, ваше сиятельство? А вот, говорит, увидишь. Хлопнул граф в ладоши. Вошел дворецкий. Граф ему приказал: зови всех сюда. Вижу входят—панна Эмилия, ее сестры, брат, еще двое панов, что гостили в замке. Теперь, говорит граф, введите жениха. И что же вы думаете? Кто? Кто входит-то? Микита!.. Одет по-праздничному. Только он вошел — музыка в соседней комнате ему марш. Смотрит весело, радостно. Кончилась музыка. Граф говорит Миките:

— Подойди сюда. И дочери Эмили тоже приказал подойти и стать рядом.

— Вот, говорит, панове, какое дело. Хочу я, чтобы вы сами слышали, что услышал я. Красавец сей любил мою дочь Эмилию и просит ее руки. А? Что, панове, скажете?

Паны молчат, я молчу тоже. Что тут скажешь? А граф к Миките:

— Верно я говорю?

— Верно, правильно...

Граф тут давай хохотать. Паны — за ним. Смех пошел по всей зале. Вижу и панна Эмилия тоже смеется. А на Миките лица нет... Мрачнее тучи.

— Правда, панове, какое счастье? Я думал, у меня в доме истопник печи топит... А он шут, шутки умеет шутить... Вот как нас распотешил... А?... Микита?

— Я не шут вашей милости.

— Самый настоящий, говорит граф... Колпак бы тебе с бубенчиками нужно приготовить, да вот не успели. Батюшка! А, батюшка?! Ваш прихожанин!.. Что же вы ничего не скажете жениху-то? А?!

— Что же, говорю, Никита... Не хорошо... Как это тебе, говорю, в голову такое пришло... Хотел было притчу о талантах рассказать, да... Микита так на меня посмотрел, что у меня сразу язык к гортани прилип.

А граф к нему:

— О, говорит, да ты, говорит, совсем запугал своего отца духовного. Так, так... Ясновельможный пан Микита, нареченный зять графа Сцибора-Мархоцкогого... Да, вдруг как топнет да крикнет. У, пся кровь!.. Да, как у тебя язык повернулся так говорить с моей дочерью? С дочерью графа Сцибора Редукса-Мархоцкогого?.. А? Как ты смел?..

— Что-же я сказал панне графине... Я сказал ей только, что полюбил ее больше жизни...

— Только!.. Это называется только!.. Да разве ты можешь даже любить ее?.. Ты?.. Микита?..

Смотрю, выпрямился Микита, да прямо графу:

— Что же, говорит, пане графе, разве не правда ваши же слова, що

Иван да Степан с той же глины, что и пан?

О, подумал я, дождался пан Мархоцкий! Вот тебе твой Вольтер!.. Вот!.. Тут, вижу, граф язычек-го прикусил... Ой, выкрутился...

— Э, вот что, голубчик, говорит граф. Глина-то та же, да выделка разная. Вон, говорит, из глины горшок простой сделан, а там вот нежнейшая фарфоровая чашечка порцеленовая... Это, говорит, надо понимать. А горшков с чашками, говорит, рядом не ставят. А когда какой неуч поставил бы горшок в шкафик с чашками, то его бы засмеяли, а горшок-бы... А? Что бы с ним сделали? Горшок взяли бы за ушко, да вон и выростили бы, чтобы там не смердел. Молчишь? А ведь он, панове, видите, и правда поверил, что его сегодня с графиней Эмилией венчать будут!.. Вон как нарядился!.. Скажи, думал? Да?..

— Раз пан граф сам это сказал, почему же мне было не думать, отвечает Микита, а глаза, вижу, горят...

— Ага! Так, так.. Я, значит, панове, виноват!.. Не думал!.. Вот не думал!.. Ну, что же? Вот, пан судья. Он нас и рассудит. Паве Дмоховский, как там по нашему статуту выходит?

Вижу, пан Дмоховский достает книгу, сюда—туда посмотрел и говорит:

— 100 розок, говорит, полагается продерзостному холопу, дворянина оскорбившему, и отдать в солдаты на вечные времена.

— Слышишь, говорит граф? Но, поелику, говорит, в наших владениях телесное наказание нами милостиво отменено, то приказываем мы — уволить Микиту от должности в замке и поставить его на работу в свинушнике — ходить за свиньями, чистить их стойла в одной из наших отдаленных деревень. Прощай, — зятек... Ха-ха-ха...

Тут поднялся опять хохот. Вижу Микита стоит, как окаменел точно. Смотрит не на графа, а на панну Эмилию, что и та смеется.

Граф крикнул дворецкого.

— Проводите, говорит, ясновельможного пана Микиту в свинарню. Он, кажется, не знает дороги.

И опять смех. А Микита как закричит: ну, говорит, пане графе, на словах у вас одно, а на деле другое? Забыли вы про Гонту, так вспомните... И ушел. Прямо страшно было на него смотреть. Вот оно волтерьянство-то до чего доводит!»

«Микита пропал. Разослали верховых. Сам граф со сворой собак и всей охотой обскакал все поля, обшарил леса. Пропал, как в воду канул...»

Пропускаю несколько страничек в дневнике, заполненных записями о разного рода хозяйственных и приходских делах. Видно, что в местечко наезжали то благочинный, то исправник, все больше для снятия допросов о языческих богослужениях графа Мархольского.

Спустя несколько месяцев, появляются записи о разбойниках, жгущих помещичьи усадьбы.

«...Слышно, читаю в дневнике, объявился разбойник Кармалюк. Бедных не трогает, а больше панов грабит, но себе не берет ничего, а все, что возьмет, разделит между бедными».

Через несколько дней опять запись:

«... Кармалюк опять сжег целый панский будынок в Млыныщах...»

Через день запись:

«... Говорят, еще один разбойник—какой-то Гаркуша действует. И совсем, как Кармалюк... Горят панские палацы... Ох, кажется мне, не нашли ли это Микита работа?»

Действительно. Под «15 мая 1815-го року» записано:

«Кучер графа рассказывает всякие страсти. Собрался наш граф с дочкой Эмилией на бал, в Млыныща, к пану Верхлидкому. Только это, значит, проехали они Луку, Скоморохи, въезжают в лес, вдруг: «Стой»... Двое гайдамак лошадей за уздечки, «Стой»... Что тут поделаешь?... А кругом разбойники, да с ружьями все, да с саблями. А один подходит к пану, да так деликатно:

— Ишепрашам, говорит, пане грабе! Наш пан граф атаман просит вас отдохнуть у него. До Млыныщ еще далеко, да и на бал еще рано.

И все-то, видите, знают!.. Знают, куда граф едет и зачем!

Пан граф как закричит:

— Вы, говорит, разбойники. И атаман ваш тоже... Что вам надо? Денег? Берите, сколько есть, и не мешайте нам ехать по нашему делу.

А разбойники ему:

— Не смеем, говорят, ничего на это сказать сиятельному пану. Такой приказ атамана. Пожалуйте, говорят, к атаману.

Поворчал граф, поворчал и говорит панночке:

Ты, душко, подожди здесь, а я скоро вернусь.

Так нет. Приказали ехать вместе с панночкой, завернули лошадей и провели так шагов на триста, в середину леса, к полянке. Смотрят—горит костер, а у полотняной палатки сам атаман! Кто бы вы думали? Микита! Кучер Юхим даже сразу его не признал. Одежда на нем, как у шляхтича, сабля через плечо, за поясом пистолет. Сидит на ковре, а около него два разбойника. С ружьями. Вроде как бы телохранители. Юхим говорит, что пан граф прямо затрясся весь, как увидел Микиту... Так рассердился... А Микита встает и так это деликатно:

— А, ясновельможный граф и ясновельможная панна графиня, говорит, вот теперь я вижу, правду граф говорил, что Иван да Степан с той же глины, что и пан... Такие гости, такие гости!.. Эй, хлопцы, дайте же панам трон, чтоб им было, где присесть.

Принесли какую-то скамью... «Трон», смеется Юхим...

— Пожалуйста, пан Юпитер и панна Церера, сядайте, говорит Микита.

Тут граф не выдержал.

— Вы, говорит, разбойники... Когда нам тут сидеть... Что вам нужно? Деньги? Вот, все, что у меня есть... На, бери...

— Деньги, говорит Микита, это хорошо... Казначей... Прими деньги... Бедноты у нас много, пригодится.

— Ну, говорит граф, прощайте. Идем, Эмилия...

А Микита смут:

— Э, нет, говорит, ясновельможный пане, это не все.

— А я говорю все,—гордо так кричит граф.

— Нет, не все...

— Словом своим графским, говорит, заверяю, что все.

Тут Микита давай смеяться.

— Графское слово!.. Слово гонору!.. Знаем мы, что значит графское слово!.. На словах-то нет пана, нет хлопа, а все люди... А на деле...

— Можете,—кричит граф,—обыскать...

А Микита ему:

— Не о деньгах я говорю, ясновельможный пане. Деньги дешево вам стоят—они у вас легкие деньги... Дело не в них! Не все, говорит, еще счета у нас, граф, покончены... Должок, говорит, за вами, да и за панночкой...

— Какой такой должок?—злитесь граф.

— А помните, говорит, ясновельможный пане, как вы мне обручение с панночкой делали? Да в шута обратили? Да в свинухник сослали?..

— Ах, вот что?!

— Да, это самое... Ну, у нас тоже есть свой судья... Эй, Ничипоре, судья... Достань-ко кодекс, та посмотри, что там полагается...

Ничипор,—у, здоровенный гайдамака!—достал откуда-то книжку, сюды-туды посмотрел, да и говорит:

— Так, говорит, по нашему закону, по статье 1586 полагается: пана графа повесить за шею на березе или каком другом дереве, а панночку отдать в жены потерпевшему от нее.

Панночка тут в слезы...

— Ради, говорит, святого бога, пощадите, говорит.

Ага!.. Тут про бога вспомнила, а не про Вольтера!..

А Микита спрашивает Ничипора:

— Може, говорит, там есть какое примечание, чтобы полегчить наказание?

Ничипор опять в книгу:

— Нет, говорит, никакого замечания.

Опять панночка плакать... А граф прямо аж танцует на месте.

— Микита,—умоляет панночка,—заклинаю тебя, пощади отца.

Посмотрел Микита вокруг, да и говорит:

— Ну, вот что... Так как, хлопцы, мы, говорит, крови не проливаем и никого не убиваем, то и пана графа отпустим живым. Ну, а что нам делать с панночкой?..

А Ничипор тут и свои три гроша:

— Ежели, говорит, по кодексу, панночка должна оставаться у атамана за жену, кашу нам будет кому варить!

Кучер Юхим смеется:

— А, ей бо, говорит, так думаю, что панночка бы осталась, кабы ее воля. А только граф прямо даже слова не мог вымолвить, а весь побелел, как полотно.

Ну, Микита задумался, а потом и говорит:

— Так оно по кодексу... Так вот какое мое будет решение. Панночка каши варить не умеет, хлопцы, и с такой женой каши нам не сварить... Знаете ведь какую кашу мы заварили?!

Тут все гайдамаки зареготали:

— Да, крутую кашу... Кричат.

— Ну, говорит, Микита, то-то же... Так вот... Одначе без выкупа тоже отпустить не приходится... Только что ж нам взять с панночки? Разве вот что. Панночка танцовать умеет... Эй, где наши музыканты?.. Берите-ка бандуры и сопелки... Жарьте казачка, а мы с панночкой станцуем.

Затренировались бандуры, заиграли дудки... Кругом все хлопцы притоптывать начали. На что уж я, говорит, Юхим, а и я не утерпел, стою и притоптую...

Микита вышел в круг, орлом подлетел к панночке.

— Проще, говорит, панна Церера...

Панночка посмотрела на отца... Сначала как-то несмело, точно ей было стыдно чего, пошла... А потом... потом... Микита такие выкрутасы выделявал, что мертвый бы и тот стал танцовать!.. Не вытерпела и панночка... Танцуют вдвоем, прямо небу жарко... А потом Микита как подскочит к панночке.

— Вижу, говорит Юхим, обнял он ее, точно в себя вобрать хотел, прямо

впился ей в самые губы и точно замер. Потом оттолкнул, махнул рукой и сказал:— ну, теперь с богом, поезжайте на бал...

Конечно, какой там бал!.. Сели паны в свою карету и домой!

— Долго, говорит Юхим, молчали... Пан граф даже от-

Микита такие выкрутасы выделывал... Не вытерпела и панночка. Танцуют вдвоем, прямо небу жарко...

вернулся от дочери. И когда уже подъезжали к замку, панночка говорит:

— Папенька, говорит, ведь я же не виновата. Этот разбойник насильно меня поцеловал.

А граф ей:

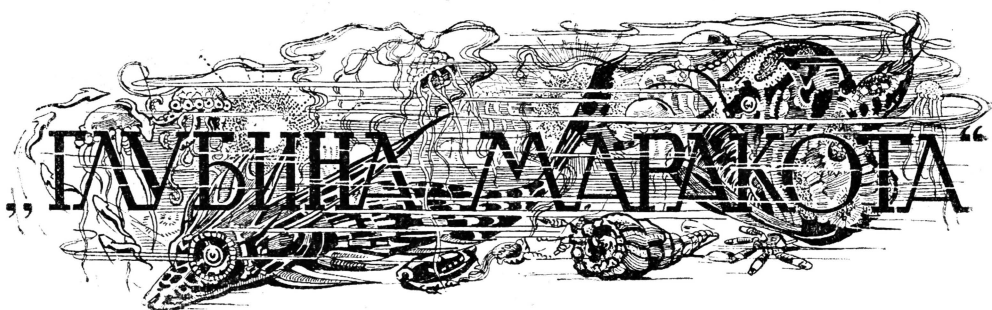
— Насильно, насильно... А почему, говорит, все время говорила: «ах, ах, ах»...

И, правда! Ох уж это женское словие!.. Им бы только танцовать да

целоваться... И порцеленовая чашечка с горшком может поцеловаться... А вы, думаете, не бывает?.. Исповедал я тут одну пани... Ой, прости господи, что ж это я чуть не согрешил, чуть было тайну исповеди не открыл... О, господи, господи...»

На этом кончается последний мой мешочек... Какая досада, что киевская фруктошница приобрела не всю партию. Оказывается, остальные мешки ее поставщик продал в другую лавочку, но куда—она не знает.

Новейший научно-фантастический роман КОНАН-ДОЙЛЯ

Иллюстрации Т. ПЕДДИ

От Редакции. В течение нескольких месяцев подряд английские журналы оповещали, что Конан-Дойль, один из популярнейших писателей на Западе, в Америке, — да, пожалуй, и у нас, — заканчивает научно-фантастический роман. Интерес к новому произведению плодотворного творца „Шерлока Холмса“ с его бесчисленными приключениями, увеличивался тем, что Конан-Дойль свой последний научно-фантастический труд выпустил, если не ошибаемся, уже года четыре назад. Богатая научная эрудиция автора и завлекательная манера его письма, создавшая ему такой успех и множество почитателей буквально во всех странах света, заставляли с интересом ожидать и нового романа.

В весьма распространенном английском ежемесячнике только что напечатана первая часть этого романа „ГЛУБИНА МАРАКОТА“ — так на шумевшего уже до своего появления. Пока еще нельзя судить о романе, но уже несомненны его интересная, совершенно научная основа, оригинальная для характера творчества Конан-Дойля фабула и интригующее изложение.

Нет оснований, чтобы русский читатель оказался в худших условиях, чем английский, и должен был бы терпеливо ждать, пока закончится весь роман. Мы даем теперь же первую часть „Глубины Маракота“ и будем знакомить читателей „Мира Приключений“ с этим произведением по мере опубликования его в Англии.

Так как эти бумаги были переданы мне для опубликования, я начну с того, что напомним публике о печальной гибели парохода «Стратфорд», который год тому назад отправился в путешествие с океанографическими целями — для изучения жизни морских глубин. Экспедиция эта была организована доктором Маракотом, знаменитым автором «Псевдокоралловых формаций» и «Морфологии чешуйчатых». Вместе с доктором Маракотом был мистер Сайрес Хедлей, ассистент Зоологического Кембриджского Института в штате Массачусетс. Капитан Хови, опытный мореплаватель, управлял судном, а экипаж состоял из двадцати трех человек, включая и американца механика с Меррибанкских заводов в Филадельфии.

Вся эта компания исчезла бесследно, и единственным известием, полученным о несчастном пароходе, было донесение норвежского баркаса, который своими глазами видел, как судно, точно подходящее по описаниям к этому пароходу, пошло ко дну во время большого шторма осенью 1926 года. Позднее, вблизи того места, где произошла трагедия, была найдена спасательная лодка с надписью «Стратфорд», вместе с решетками люков, спасательным буйком и мачтой. Все это, вместе взятое, при отсутствии каких бы то ни было известий, придавало полную вероятность предположению, что ни о корабле, ни о его экипаже не будет уже получено никаких сведений. Судьба этой экспедиции несколько выяснилась, когда было по-

лучено страшное радио-телеграфное сообщение. Хотя местами и несколько непонятное, оно все же оставляло мало сомнений в участи парохода. Это сообщение я приведу позднее.

В путешествии «Стратфорда» были некоторые примечательные стороны, которые в свое время вызвали различные толки. Одной из них являлась странная таинственность, сохранявшаяся профессором Маракотом. Он был известен нелюбовью и недоверием к печати, но на этот раз он довел их до крайности. Он не желал давать никаких сведений репортерам и не разрешил представителям газет посещать судно в течение недель, пока оно стояло в доке Альберта. Ходили слухи о какой-то странной и совершенно новой постройке судна, которая позволяла ему служить и на морской глубине, и эти слухи подтверждались толками из судостроительной конторы Гентера и Компания в Вест-Хартлпуле, где были произведены все изменения в постройке парохода. Одно время говорили, будто бы все дно корабля может отделяться от него, и эти слухи привлекли внимание страховых инспекторов Ллойда, которых с некоторым трудом удалось успокоить в этом отношении.

Вся история с пароходом была скоро забыта, но она становится важной теперь, когда судьба экспедиции таким странным образом снова встала перед вниманием публики.

Скажем несколько слов о начале путешествия «Стратфорда». Теперь имеется четыре документа относительно известных нам до сих пор фактов. Первый документ—это письмо, адресованное мистером Сайресом Хедлеем его другу, сэру Джемсу Тальботу, из колледжа Троицы в Оксфорде, и посланное из столицы Больших Канарских островов, при том, — насколько известно, — единственным случае, когда «Стратфорд» приблизился к суше, после того, как он покинул Темзу. Второй документ—странное радиотелеграфное сообщение, о котором я уже упоминал. Третий—та часть судового журнала о рейсе «Арабеллы

Наульс», которая касается стеклянного шара. Четвертый и последний—удивительное содержание этой стеклянной оболочки, которое является либо жестокой и сложной мистификацией, либо раскрывает новую страницу в человеческом опыте, значение которой безмерно велико.

После этого вступления я приведу письмо мистера Хедлея, которым обязан любезности сэра Джемса Тальбота и которое не было до сих пор опубликовано. Оно помечено 1 октября 1926 года.

«Я посылаю это письмо, мой дорогой Тальбот, из Порта-де-ла-Луц, куда мы зашли на несколько дней отдохнуть. Главный мой товарищ по путешествию—Биль Скэнлан, старший механик, который, и как мой земляк, и как очень интересный человек, естественно стал моим приятелем. Но сегодня утром я все же—один, потому что у него, по его выражению «свидание с юбкой». Вы видите, что он говорит именно так, как, в представлении англичанина, должен говорить каждый американец. Его признали бы за «чистокровного». Сам инстинкт подсказывает и мне употреблять американские выражения, когда я с моими английскими друзьями. Я чувствую, что они никогда иначе не поняли бы, что и я—янки. Но с вами-то у меня не такие отношения, поэтому дайте мне тут же уверить вас, что вы не найдете другого языка, кроме чистейшего оксфордского, в послании, которое я теперь отправляю вам.

Вы встречали Маракота и знаете, что за сухарь этот человек. Я, кажется, говорил вам, как он налетел на меня, чтобы завербовать меня для этого дела. Он навел справки у старика Сомервиля в Зоологическом Институте. Тот послал ему мою дипломную работу об океанских крабах, и это решило все. Конечно, великолепно путешествовать с целями, которые так отвечают моим вкусам, но я хотел бы совершать это путешествие не с такой оживленной мумией, как Маракот. Он совершенно не похож на человека своим уединением и предан-

ностью работе. «Самое жесткое, что есть жесткого в этом мире», — так говорит про него Биль Сканлан. И все же мы не можем не восхищаться такой полнейшей преданностью работе. Для него ничего не существует вне его науки. Я помню, что вы смеялись, когда я его спросил, что мне читать для подготовки, и он сказал, что для серьезного изучения мне следует прочесть полное издание его трудов, а для отдыха — «Plankton-Studien» Геккеля.

Я и теперь знаю Маракота не лучше, чем знал его тогда, в этой маленькой гостиниой, выходящей на Оксфорд Хай. Он ничего не говорит и его сухое, суровое лицо, — лицо Саванароллы или, может быть, вернее, Торквемалы, никогда не бывает веселым. Длинный, тонкий, неприятный нос, два маленьких сверкающих серых глаза, близко сидящих под горащими бровями, рот с тонкими, сжатыми губами, щеки, провалившиеся от постоянных дум и аскетической жизни, — все это так неприветливо. Он живет на вершине какой-то горы Разума, до которой не добраться простым смертным. Иногда я думаю, что он немного сумасшедший. Например, этот странный аппарат, который он соорудил... но я буду рассказывать все по порядку, и вы судите сами.

Я опишу наше путешествие с самого начала.

«Стратфорд» — отличное, предназначенное для морского плавания, маленькое судно, специально приспособленное для своей задачи. Оно водоизмещением тысячу двести тонн, у него большая, широкая палуба, и оно снабжено всевозможными приспособлениями для измерения глубин, для ловли рыбы неводом, для драгирования и для укрепления сетей по бортам корабля. У него, конечно, имеются сильные паровые ворота для подъема неводов, и множество других разного рода машин, из которых одни достаточно знакомы, другие — совершенно неизвестны мне. Ниже устроено очень удобное помещение с хорошей библиотекой для наших специальных занятий.

Еще до отплытия за нами установилась репутация таинственного судна, и я скоро убедился, что — не без оснований. Наши первые действия были довольно заурядные. Мы прошли к Северному морю и закинули раза два наши невода. Но так как средняя глубина здесь немногим больше шестидесяти футов, а судно наше предназначалось для работы на очень больших морских глубинах, нам это показалось простой потерей времени. Во всяком случае, кроме обычной рыбы для стола, акулы, медуз и некоторых отложений дна — обычной алювиальной глинистой грязи, мы не извлекли ничего такого, о чем стоило бы писать домой. Потом мы обошли Шотландию и двинулись к югу, к нашему нынешнему месту крейсирования, которое находится между Африканским материком и Канарскими островами. В одну безлунную ночь мы едва не сели на мель в Фуэрт-Эвентура, но, за исключением этого, наше путешествие прошло без всяких приключений.

В течение этих первых недель я попробовал сблизиться с Маракотом, но это было не так просто. Прежде всего — он самый занятой и рассеянный человек в мире. Вспомните, как вы улыбнулись, когда он дал мальчику у подъемной машины пенни, уверенный, что он в автобусе.

Половину времени он совершенно погружен в свои мысли и едва ли замечает, где он находится и что делает.

Во-вторых, он скрытен до последней степени. Он непрерывно работает над какими-то бумагами и картами, но сейчас же убирает их, когда я вхожу в каюту. Я твердо уверен, что у этого человека на уме какой-то тайный план, и пока нам еще предстоит зайти в какой-нибудь порт, он будет тщательно скрывать его. Вот впечатление, какое я вынес, и оказалось, что и Биль Сканлан того же мнения.

— Скажите, мистер Хедлей, — обратился он ко мне как то раз вечером, когда я сидел в лаборатории, исследуя степень насыщенности солью проб, взятых во время наших гидрографических исследований глубин, —

как вы себе представляете, что на уме у этого голубчика? Как вы думаете, что он собирается делать?

— Я предполагаю,—сказал я,—что мы будем делать то же, что до нас делали «Чэлленджер» и дюжина других специальных судов, и прибавим еще несколько образцов к списку рыб и еще несколько пометок на карту измерений глубины моря.

— Ничего похожего,—сказал он.— Если это ваше мнение, вам придется угадывать еще раз. Прежде всего—за чем я здесь?

— На случай, если что-нибудь произойдет с машинами,—сказал я наугад.

— Машины—пустяки! Судовые машины под наблюдением Мак-Ларена, инженера-шотландца. Нет, сэр, не для того, чтобы двигать донкой прислали из Меррибанка такого высокого специалиста, как я. Не даром мне в неделю дается пятьдесят монет. Пойдемте-ка со мной и я открою вам глаза.

Он вынул из кармана ключ, открыл дверь в задней стене лаборатории, и вниз по лестнице мы спустились в отделение трюма, которое было совершенно свободно, если не считать стоявших там четырех больших, блестящих предметов в огромных ящиках, полусвободных от соломы. Это были плоские стальные листы со множеством креплений и заклепок по краям. Каждый лист был около десяти футов в квадрате и в полтора дюйма толщиной, с круглым отверстием в восемнадцать дюймов поперечине.

— Что это, чорт возьми, такое?—спросил я.

При моем удивлении странное лицо Били Скэнлана,—он похож не то на водевильного комика, не то на профессионального борца,—растянулось в улыбку.

— Это мой детеныш, сэр,—произнес он.—Да, мистер Хедлей, вот для чего я здесь. У этой штуки имеется стальное дно. Оно—в том большом ящике. Потом есть крышка, вроде аркообразной, и большое кольцо для цепи или веревки. А теперь взгляните-ка на дно нашего судна.

Там находилась четырехугольная деревянная платформа с выдававшимися в каждом углу винтами, показывавшими, что она снимается.

— Тут двойное дно,—сказал Скэнлан.— Может быть, этот голубчик просто спятил, а может быть в башке его больше, чем мы знаем, но если я его правильно прочитал, он собирается построить что-то вроде комнаты,—окна сложены здесь,—и спустить ее через дно судна. У него тут электрические прожекторы, и я думаю, что он предполагает освещать ими воду через круглые отверстия и смотреть, что там кругом делается.

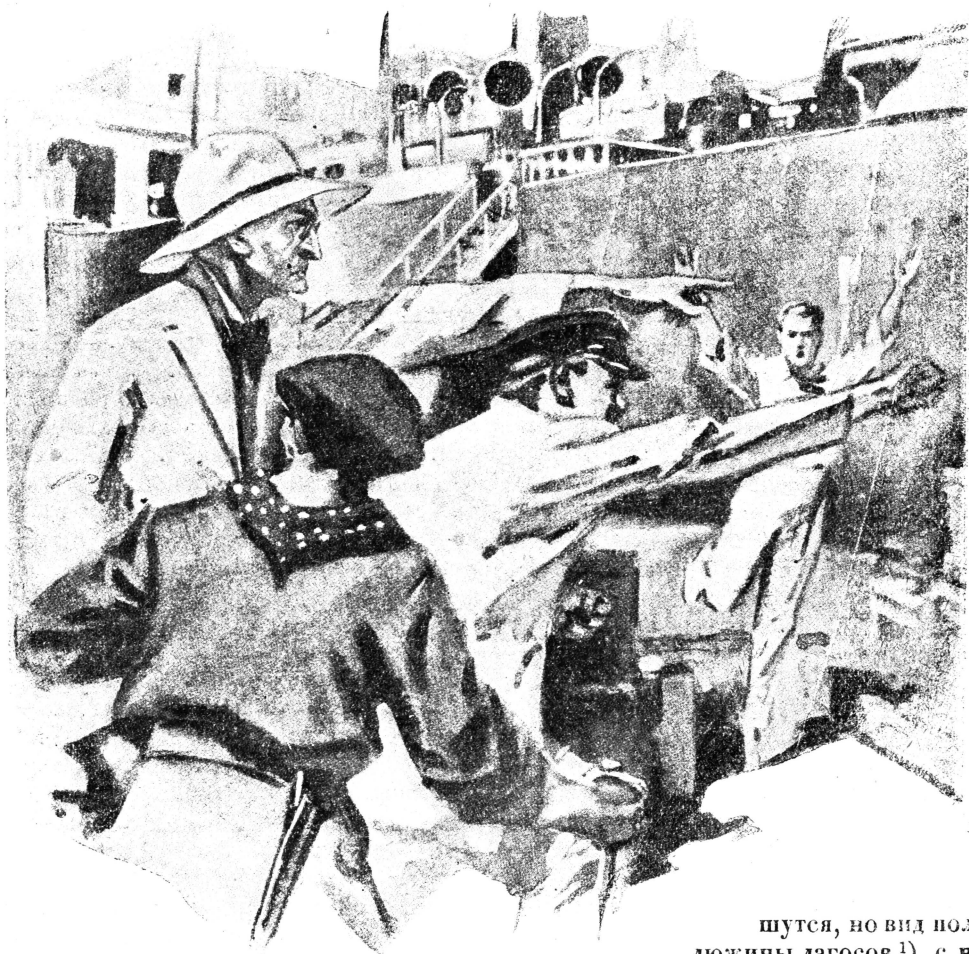
— Если бы это было у него на уме, он мог бы вставить стеклянную панель, как на судах на острове Каталина,—сказал я.

— Вы говорите умные вещи,—сказал Билль, почесывая голову.—Я теперь ничего не понимаю. Одно только верно, это, что я послан в его распоряжение, чтобы помогать ему как могу с этой дурацкой штукой. Он до сих пор ничего не говорил, ну и я сказал столько же, только я буду нюхать кругом. А если я не буду торопиться, я узнаю все, что нужно узнать.

Вот каким образом я впервые коснулся края нашей тайны. После этого мы попали в отвратительную погоду, а потом стали работать, ловя рыбу неводом на большой глубине к северо-западу от мыса Джуба, делая наблюдения температуры и ведя записи процентного содержания соли. Это—спортивное занятие, драгирование морских глубин с Петерсоновским неводом, раскрывающимся в ширину на двадцать футов для всего, что проходит мимо него. Иногда он опускается на четверть мили—и приносит наверх рыбу одного сорта, иногда на полмили—и улов совершенно другой. Каждый слой океана имеет своих особых обитателей так же точно, как и отдельные материки. Иногда мы поднимали со дна полгонны прозрачного розового студия, первобытную материю жизни, или это оказывалось тинной, превращавшейся под микроскопом в миллионы маленьких, круглых, образующих как бы сложную

сетку, шариков с аморфной грязью между ними. Я не стану утомлять вас всеми этими *brotulidae*, *macruridae*, *ascidae*, *holothuria*, *polyzonium*, *echinodermata*, но как бы то ни было, вы можете поверить, что в море имеется богатая жатва и что мы были усердными жнецами. Но у меня все время

чтобы прогуляться в последний раз в виду того, что мы отплываем рано утром. Может быть, я сделал и хорошо, что пошел, потому что на пристани был ужаснейший шум и в самом сердце его находились Маракот и Биль Сканлан. Биль—немножко задира, и руки у него постоянно че-

было такое чувство, что сердце Маракота не участвует в нашей работе и что в этой странной, высокой голове египетской мумии были совсем другие планы. Все это казалось мне испытанием людей и пробой условий, прежде чем начнется настоящее дело.

Я дошел до этого места в моем письме, когда я выбрался на берег,

шутся, но вид полудюжины дагосов¹⁾, с ножами в руках окружавших моих спутников, производил жуткое впечатление, и я как раз во-время прибежал к ним на выручку. Оказалось, что доктор нанял нечто, называемое тут экипажем, проехал половину острова, изучая его геологическое строение, но совершенно забыл, что

¹⁾ Примечание переводчика. Даго—переселившиеся на Канарские острова славяне или итальянцы, не говорящие по-английски.

у него не было с собой денег. Когда настало время расплаты, он не мог заставить понять этих идиотов в чем дело, и извозчик забрал его часы, чтобы быть уверенным, что ему заплатят. Это заставило Били Скандлан проявить свою деятельность, и они оба оказались бы на земле со спина-

— Нет,—ответил я,—не женат.

— Есть кто-нибудь на вашем попечении?

— Нет.

— Оглично,—сказал он.—Я не говорил о цели этого путешествия потому, что, по своим личным соображениям, желал сохранить ее втайне.

Вид полудюжины дагосов, с ножами в руках окружающих моих спутников, производил жуткое впечатление.

ми, похожими на подушки для булавок, если бы я не поправил дело долларом или двумя, отдавными извозчику, и пятидолларовой бумажкой для парня с фонарем под глазом. Таким образом все кончилось благополучно, и Маракот был более похож на человека, чем когда-либо до сих пор.

Когда мы вернулись на судно, он позвал меня в маленькую каюту, которую оставил себе, и поблагодарил меня.

— Кстати, мистер Хедлей,—сказал он,—насколько я знаю, вы не женаты?

Одной из причин было мое опасение, чтобы меня не опередили. Когда научные планы распространяются, кто-нибудь может оказать такую услугу, какую Амундсен оказал Скотту. Если бы Скотт держал свой план про себя, как это делал я, на Северном полюсе первым был бы он, а не Амундсен. У меня лично такая же важная цель, как и Северный полюс, и поэтому я молчал. Но теперь мы накануне нашего грандиозного дела, и никакому

сопернику не украсть моих планов. Завтра мы отправляемся к нашей настоящей цели.

— А что это за цель?—спросил я.

Он наклонился вперед и его аскетическое лицо осветилось вдохновением фанатика.

— Наша цель, — сказал он, — дно Атлантического океана.

Тут мне следовало бы прервать письмо, потому что я вижу, как оборвалось ваше дыхание, что было в действительности и со мной. Если бы я был писателем, я, наверно, оборвал бы на этом. Но так как я просто излагаю то, что произошло, я могу сказать вам, что я остался еще час в каюте старика Маракота и что я узнал очень многое и успею это рассказать вам до отхода последней лодки на берег.

— Да, молодой человек, — сказал Маракот, — вы можете теперь писать, потому что, когда ваше письмо дойдет в Англию, мы уже нырнем в воду.

При этих словах он захихикал, потому что у него свой особый, сухой юмор.

— Да, сэр, нырнем—это подходящее слово для такого случая, и это будет записано в летописях науки. Разрешите сказать вам, прежде всего, что я вполне убежден, что ходячее рассуждение относительно чрезмерного давления океана на больших глубинах — совершенно неправильно. Вполне ясно, что существуют другие факторы, нейтрализующие это давление, хотя я еще не могу сказать, что это за факторы. Это одна из задач, которую мы, может быть, решим. Теперь скажите мне, если смею спросить, какое давление предполагаете вы наблюдать на глубине мили под водой?

Он сверкал на меня своими большими роговыми очками.

— Не меньше тонны на квадратный дюйм, — ответил я. — Это, ведь, было совершенно точно установлено.

— Задачей пионера всегда было доказать, что положение, которое ясно определено, — не верно. Пустите в ход ваш мозг, молодой человек. Вы занимались последний месяц вылавливанием самых нежных плавающих форм

жизни, существ, таких нежных, что мы с трудом перекладывали их из сети в чан, чтобы не попортить их чувствительные тела. Находили ли вы на них доказательство этого страшного давления?

— Давление, — сказал я, — уравнивалось. Оно было одно и то же, как снаружи, так и внутри.

— Слова... одни слова!—воскликнул он, нетерпеливо мотая лысой головой. — Вы ловили круглых рыб, таких, как *Gastrostomus globulus*? Разве они не были бы сплюснены, если бы давление было такое, как вы воображаете?

— А опыт пловцов?

— Конечно, до известной степени он имеет значение. Они встречают такое увеличение давления, что оно влияет на, быть может, самый чувствительный орган нашего тела, — на внутреннее ухо. Но мой план таков, что мы не будем подвержены никакому давлению совершенно. Нас опустят в стальной клетке с хрустальными стеклами с каждой стороны для наблюдений. Если давление недостаточно сильно, чтобы вдавить полтора дюйма закаленной, двойного никелирования стали, тогда оно не может причинить и нам вреда. Это распространение опыта братьев Вильямсон в Нассау, с которым вы, несомненно, знакомы. Если мои расчеты ошибочны... что ж, вы говорите, что вы ни для кого не являетесь опорой. Мы умрем во время отважного предприятия. Конечно, если вы предпочтете остаться в стороне, я могу отправиться один.

Мне это казалось самым сумасшедшим планом, и, все-же, вы сами знаете, как трудно отказать дерзновению. Я дал себе время обдумать все это.

— Как глубоко предполагаете вы опуститься, сэр?—спросил я.

На столе его была приколотая карта и он концом компаса указал на точку, лежащую к юго-западу от Канарских островов.

— В прошлом году я производил измерения глубин в этих местах, — сказал он. — Там есть впадина большой глубины. Мы намерили там двадцать пять тысяч футов. Я был первый,

сделавший сообщение об этом. Действительно, я надеюсь, что на картах будущего вы найдете «Глубину Маракота».

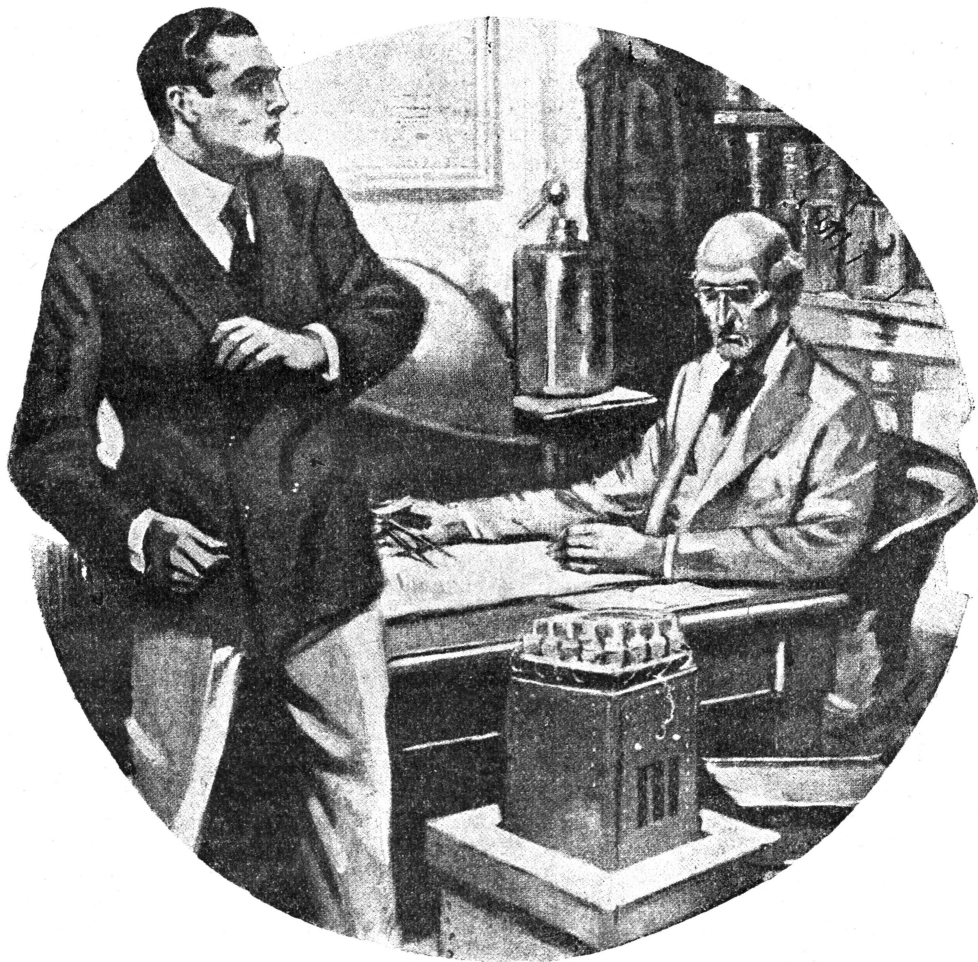
— Но, боже милостивый, сэр! — воскликнул я, — вы не предполагаете же спуститься в такую бездну!

— Нет, нет, — ответил он, улы-

глубже, чем на триста сажен под поверхностью моря.

— Триста сажен! Третью милю!

— Да, по грубому исчислению, это — треть мили. Мое намерение теперь состоит в том, чтобы нас опустили в нашей маленькой, застрахованной от давления наблюдательной станции, на

Не предполагаете же вы спуститься в такую бездну?

баясь. — Ни наши цепи для спуска, ни воздушные трубы не хватят больше, чем на полмили. Но я хотел вам пояснить, что вокруг этой впадины, которая, несомненно, была образована много лет тому назад вулканическими силами, находится высокий хребет или узкое плато, которое лежит не

этот подводный берег. Там мы сделаем доступные нам наблюдения. Разговорная труба будет соединять нас с кораблем, так что мы сможем давать ему наши указания. Трудностей тут не должно представиться никаких. Когда мы захотим, чтобы нас подняли наверх, нам нужно будет только сказать.

— А воздух?

— Его будут накачивать к нам вниз.

— Но, ведь, там будет совершенно темно?

— Боюсь, что это несомненная истина. Опыты Фоля и Сарасэна в Женевском озере показывают, что даже ультрафиолетовые лучи отсутствуют на такой глубине. Но разве это имеет значение? Нас будут снабжать электрическим освещением сильные корабельные машины, дополненные шестью двухвольтовыми сухими батареями Хеллесена, соединенными вместе так, чтобы давать ток в двенадцать вольт. Это, вместе с сигнальной военной лампой Лукаса в виде подвижного рефлектора, даст нам то, что нужно. Смущает вас еще что-нибудь?

— А если наши воздушные про- вода спутаются?

— Они не спутаются. А в качестве запаса у нас имеется в трубках сжатый воздух, которого должно хватить на двадцать четыре часа. Ну, удовлетворил я вас? Отправитесь вы со мной?

Не легко было принять решение. Мозг работает с быстротой, и воображение—очень живая вещь. Мне казалось, что я вижу этот черный ящик внизу, на первобытных глубинах, что я чувствую дурной, отработанный воздух, которым дышали уже несколько раз, и потом вижу, как стены вдавливаются, выпираются внутрь, разрываются в соединениях и вода бьет в каждую дыру заклепок и в щели, и врывается снизу. Это была медленная, ужасная смерть. Но я поднял глаза и встретил устремленный на меня горящий взгляд этого человека. В нем было вдохновение мученика науки. Он заразителен, такой энтузиазм, и если он и безумен, то, по крайней мере, благороден и не эгоистичен.

Я загорелся от его великого пламени и вскочил на ноги, протягивая ему руку.

— Доктор, я с вами до конца,—сказал я.

— Я знал это,—ответил он.—Я выбрал вас не из-за ваших поверхностных знаний, молодой мой друг,—

прибавил он, улыбаясь,—и не из-за вашего интимного знакомства с морскими крабами. Существуют другие качества, которые могут скорее пригодиться—это честность и мужество.

И с этим маленьким кусочком сахара меня отпустили. Я вручил мое будущее Маракоту, и весь намеченный мною план моей жизни был разбит. Но уже отходила последняя лодка. Пришли за почтой. Вы или не услышите больше про меня, дорогой мой Тальбот, или получите письмо, которое стоит прочесть. Если вы ничего не услышите, вы можете взять плавающую надгробную плиту и бросить ее где-нибудь к югу от Канарских островов с надписью: «Тут или где-то тут лежит все, что рыбы оставили от моего друга—Сайреса Д. Хедлей».

Второй, имеющийся по этому делу документ, это—непонятное радиосообщение, которое было перехвачено несколькими судами, включая и казенный почтовый пароход «Арройа». Оно было получено в 3 ч. ночи 3-го октября 1926 г. Это показывает, что оно было послано всего спустя два дня после того, как «Стратфорд» покинул Канарские острова,—что видно из предыдущего письма,—и это соответствует времени, когда норвежский баркас увидел, как гибнул в циклоне пароход в расстоянии двухсот миль к юго-западу от Порта-де-ла-Луц. Радиосообщение гласило: «Судно опрокинуто на бок. Боюсь положение безнадежно. Потеряли уже Маракота, Хедлея, Сканлана. Местоположение непонятно. Хедлей носовой платок конец измерительной проволоки морской глубины. Помогите нам бог! Пароход Стратфорд».

Это было последнее, бессвязное известие, полученное с несчастного судна, и часть его была такая странная, что ее приписали бреду того, кто посылал радио. Но, все же, казалось, что оно не оставляло сомнения в судьбе корабля.

Объяснение всего этого, если это может быть принято, как объяснение,

должно найтись в повествовании, заключенном в стеклянном шаре, и прежде всего следует развить очень короткий отчет, который до этого времени появился в печати относительно находки шара. Я беру его слово в слово из судового журнала «Арабеллы Наульс», веденного «шкипером» Амосом Грином, шедшим в заграничный рейд с углем от Кардифа до Буэнос-Айреса.

«Среда, января 5-го, 1927 г. Широта 27,14, долгота 28 Зап. Тихая погода. Голубое небо с перисты-

ми облачками. Море, как стекло. В две склянки средней вахты старший офицер сообщил, что видел, как прямо из моря выскочил какой-то блестящий предмет и потом снова упал назад в море. Первое его впечатление было, что это какая-нибудь странная рыба, но, рассмотрев в бинокль, он увидел, что это был серебристый шар или мяч и что он такой легкий, что

скорее лежит, чем плывет на поверхности воды. Меня позвали

и я увидел этот шар, — большой, как мяч для футбола, ярко сияющий, — с пра-

Штурман выловил таинственный стеклянный шар.

вого нашего борта в полумиле расстояния. Я остановил машины и отправил лодку под командой второго штурмана, который выловил эту вещь и привез ее на судно.

При рассмотрении это оказалось шаром, сделанным из крепкого стекла и наполненным таким легким веществом, что когда шар бросали в воздух, он летал, как детский воздушный шарик. Он был почти совсем прозрачный, и нам было видно внутри нечто, похожее на свиток бумаги. Но стекло было все же такое крепкое, что оказалось очень трудно сломать шар и достать его содержимое. Молоток не разбивал его, и нам удалось раздавить его только тогда, когда главный механик подложил его под колесо машины. К сожалению, я должен сказать, что шар тут разлетелся в сверкающую пыль, так что невозможно было выбрать кусок стекла, годный для исследования. Но бумагу мы достали и, рассмотрев ее и решив, что она имеет очень большую важность, мы отложили ее с тем, чтобы передать британскому консулу, когда мы дойдем до реки Плат. Я провел в море тридцать пять лет, был тут и мальчиком, и мужчиной, но это—самое странное, что когда-либо произошло со мной, и так говорит каждый человек на борту. Разъяснение всего этого я предоставляю головам поумнее моей».

Вот все о происхождении повествования Сайрсса Д. Хедлея, которое мы теперь приведем так, как оно написано:

«Кому я пишу? Что ж, я думаю, что я могу сказать—всему широкому миру, но так как это очень неопределенный адрес, я буду подразумевать моего друга, сэра Джемса Тальбота, из Оксфордского университета, по той причине, что мое последнее письмо было написано ему, и это может считаться продолжением. Я думаю, что тут один шанс из ста за то, что этот шар, даже если он и увидит свет дня и не будет проглочен по дороге акулой, будет носиться по волнам и попадет когда-нибудь на глаза плывущему мимо моряку. Но

все же стоит попытаться, и Маракот тоже посылает вверх другой шар, так что может случиться, что кто-нибудь из нас и сообщит миру нашу удивительную историю. Конечно, поверит ли этой истории мир—это другой вопрос, но когда люди увидят шар с его стеклянной оболочкой и обратят внимание на содержащийся в нем газ легче воздуха, они наверно поймут, что в этом кроется что-то необыкновенное. Вы, Тальбот, во всяком случае не отбросите его, не прочитав.

Если кто-нибудь захочет узнать, как все началось и что мы пытаемся сделать, он все это найдет в письме, написанном вам 1 октября прошлого года, вечером, накануне нашего отплытия из Порта-де-ла-Луц. Клянусь, если бы я знал, что нас ждет, я прыгнул бы в тот вечер в лодку, отходящую на берег. И все-таки... что ж, может быть, даже если бы мои глаза и были открыты, я бы не покинул доктора и прошел бы через все это. Когда я раздумываю об этом, я не сомневаюсь, что я бы поступил именно так.

Я продолжу рассказ о пережитом нами с того дня, как мы покинули Канарские острова.

В тот момент, когда с гаванью были покончены все счеты, старик Маракот просто превратился в пылающее пламя. Время действовать настало, наконец, и притушенная энергия этого человека ярко загорелась. Говорю вам, что он забрал в свои руки судно и всех, и все на нем и подчинил своей воле. Сухой, скрипящий, рассеянный ученый вдруг исчез и вместо него появилась человеческая электрическая машина, лопающаяся от жизненной энергии и трещащая от большой действенной мощи. Глаза его сверкали за очками, как пламя в фонаре. Казалось, что он одновременно повсюду: изучает расстояния на своей карте, сравнивает вместе с шкипером вычисления, подгоняет Биля Скэнлана, поручает мне сотни сравнений дел. Но во всем этом был метод и определенная цель. Он неожиданно проявил познания в электричестве и в механике, и про-

водил много времени, работая с Сканланом, который под его наблюдением тщательно собирал аппарат.

— Смотрите-ка, мистер Хедлей, как шикарно,—сказал Биль на второй день утром.—Войдите-ка сюда, да взгляните. Наш доктор молодец и преловкий механик!

Я испытывал очень неприятное впечатление, точно я смотрел на свой собственный гроб. Но даже и при этом я должен был сознаться, что это был прекрасный по своему устройству мавзолей. Пол был скреплен с четырьмя стальными стенами и окна ввинчены в центре каждой стены. Маленькая подъемная дверь наверху вела в камеру. Была и еще одна дверь у основания. Стальная клетка поддерживалась тонким, но очень крепким стальным канатом, который пробегал по блоку и выпускался или закатывался сильной машиной, употреблявшейся нами для неводов больших морских глубин. Канат, как я увидел, был почти в полумиллю длиной и был прикреплен к стальным стойкам на палубе. Резиновые дыхательные трубы были такой же длины, телефонный провод был соединен с ними, а также и провод, с помощью которого могли в машине на судне управлять электрическим светом внутри аппарата, хотя у нас была еще и независимая электрическая установка.

Вечером этого дня были остановлены машины. Барометр стоял низко, и тяжелые черные тучи, поднимавшиеся на горизонте, предупреждали о надвигавшихся неприятностях. Единственным судном в виду был баркас, на котором развевался норвежский флаг, и мы заметили, что он взял все рифы, точно в ожидании бури. Но в настоящий момент все благоприятствовало нам, и «Стратфорд» тихо покачивался на темно-голубых волнах океана, покрытых то тут, то там белыми гребешками от дыхания пассатного ветра. Биль Сканлан пришел ко мне в лабораторию, выказывая больше волнения, чем это ему обычно позволял его легкий характер.

— Послушайте-ка меня, мистер Хедлей,—сказал он,—они опустили эту

штуку в колодец в дне судна. Вы не думаете, что хозяин хочет спуститься в ней?

— Совершенно уверен, Биль. И я отправлюсь с ним.

— Ну, ну, вы оба спятили, если думаете о такой вещи. Только дешево я стою, если пушу вас одних.

— Это не ваше дело, Биль.

— Ну, а я так чувствую, что это мое дело. Да я пожелаю от желтухи, как китаец, если пушу вас одних. Меррибэнкс прислал меня сюда посмотреть за этой машиной, и если она спустилась вниз, на дно моря, так уж это верно, что и я буду на дне. Где этот стальной ящик, там и адрес Били Сканлана, сошли все с ума вокруг него—или нет.

Бесполезно было с ним спорить, и таким образом к нашему маленькому клубу самоубийц присоединился еще один человек, и мы только ждали приказаний.

Всю ночь шла усердная работа над приспособлением аппарата, и после легкого завтрака мы спустились в трюм, готовые к нашему путешествию. Стальная клетка была наполовину спущена в фальшивое дно, и мы теперь сошли один за одним через верхнюю подъемную дверь, которая была за нами закрыта и завинчена. Капитан Хови с похоронным видом пожал каждому из нас руку, когда мы проходили мимо него. После этого нас спустили еще на несколько футов, люк закрылся над нашими головами и дал доступ воде, чтобы установить, насколько мы годимся для моря. Клетка хорошо выдержала испытание: каждый паз подходил совершенно точно, и не было никаких следов течи. Потом нижний клапан в трюме был открыт, и мы повисли в океане под килем.

Комнатка наша, действительно, была очень уютной, и я удивлялся искусству и предусмотрительности, с которыми все это было устроено. Электрический свет не был зажжен, но полутропическое солнце ярко светило в каждое оконное отверстие через бутылочно-зеленую воду. Тут и там мелькали маленькие рыбки и качались серебряными черточками на зе-

лением фоне. Кругом маленькой комнаты находился диван, над которым были расположены измеритель глубины, термометр и другие инструменты. Под диваном был ряд трубок, которые представляли наш запас сжатого воздуха на случай, если нам изменят воздушные трубы. Эти трубы открывались над нашими головами и рядом висел телефонный аппарат. Нам был слышен похоронный голос капитана, говорившего снаружи:

— Вы, действительно, решили отправляться?—спрашивал он.

— У нас все хорошо,—нетерпеливо ответил доктор.—Вы начнете медленно спускаться, и у вас все время должен быть кто-нибудь у приемника. Я буду сообщать о нашем положении. Когда мы достигнем дна, оставайтесь так, как вы стоите, пока я не сделаю распоряжений... Нельзя слишком напрягать казат, но медленное движение из расчета нескольких узлов в час—будет ему вполне по силам. А теперь—спускайтесь!

Он выкрикнул это слово голосом сумасшедшего. Это был величайший момент всей его жизни, плод всех его мечтаний. На одно мгновение я был потрясен мыслью, что мы, действительно, во власти хитрого, тонкого маниака, помещенного на своей идее. Билу Сканлаву пришла в голову та же мысль, потому что он бросил мне взгляд с двусмысленной улыбкой и дотронулся до своей головы. Но после этого одного дикого взрыва, наш вождь сейчас же стал по-прежнему серьезным и сдержанным. Но и на самом деле, надо было только взглянуть на порядок и на заботливость, которые проявлялись в каждой мелочи вокруг нас, чтобы снова убедиться в силе его разума.

Но теперь все наше внимание было обращено на удивительные новые впечатления, которые нам давало каждое мгновение. Клетка медленно спускалась в глубины океана. Светло-зеленая вода превратилась в темно-оливковую. Эта вода снова сгустилась до удивительного синего цвета, богатого, глубокого, синего цвета, постепенно переходившего в темный багрянец. Мы спускались все ниже и

ниже—сто футов, двести футов, триста футов. Клапаны действовали безукоризненно. Наше дыхание было таким же свободным и естественным, как и на палубе парохода. Стрелка измерителя глубины медленно двигалась по светящемуся циферблату. Четыреста, пятьсот, шестьсот...

— Как вы себя чувствуете?—проревел испуганный голос сверху.

— Как нельзя лучше,—крикнул Маракот в ответ. Но свет мерк. Теперь были тусклые, серые сумерки, быстро сменявшиеся мраком.

— Остановитесь тут! — крикнул наш вождь.

Мы перестали двигаться и повисли на семистах футах под уровнем моря. Я услышал щелканье выключателя и в следующую минуту нас залил яркий золотой свет, который вылился из каждого из наших боковых окон и посылал длинные, блестящие дорожки в окружающую нас водную пустыню. Прижав лица к толстому стеклу, каждый у своего окна, мы смотрели на такие виды, которые никогда не представлялись человеку.

До сих пор мы знали этот слой морской глубины только по тем немногим рыбам, которые оказались слишком медлительными, чтобы избегнуть нашего неуклюжего невода, или слишком глупыми, чтобы ускользнуть от бредня. Теперь мы видели удивительный водный мир, каким он был на самом деле. Если целью творения было создание человека, то странно, почему океан настолько населеннее земли. Мы уже прошли поверхностные слои, где рыбы или бесцветны, или же настоящей морской окраски, ультрамариновые сверху и серебристые снизу. Тут же были существа всех возможных окрасок и форм, какие только существуют в море. Хрупкие *Leptocephalus* или личинки угрей пронесли мимо, как полоски блестящего серебра в сверкающей дорожке света. Медленные, змеевидные мурены, многие морских глубин, извиваясь, проплывали мимо, или черный рогозуб, весь состоящий из острий и рта, глупо разевал пасть на наши выглаживавшие лица. Иногда мимо проплывала, глядя на нас жут-

кими человеческими глазами, коренная каракатица. Иногда всей картине придавала прелесть, похожая на цветок, кристально-прозрачная форма морской жизни *cystoma* или *glaucus*. Огромный *sarax* или *прямун* бешено

снова и снова бросался на наше окно, пока его не затемнила тень семифутовой акулы, и он исчез в ее раскрытой пасти. Доктор Маракот сидел, как зачарованный, держа на коленях книгу для записей, внося свои на-

Мы смотрели на такие виды, которые никогда не представлялись человеку...

блюдения и бормоча монолог научных толкований.

— Что это такое? Что это такое? — слышал я. — Да, да, *Chimoera mirabilis*, такая же, как найденная Майкелем Сарс. Боже мой, вот *lepidion*, но насколько я могу судить, — новый образец. Обратите внимание на этого *macrurus*, мистер Хедлей. Окраска его совершенно другая, чем та, что мы получаем в сети.

Он был смущен только один раз. Это случилось, когда мимо его окна, сверху, с очень большой быстротой, промчался длинный, овальный предмет, оставивший за собою трепещущий хвост, который растянулся так далеко над нами и под нами, как только мы могли видеть. Сознаюсь, что я был так же поражен, как и доктор, и разъяснил эту тайну Биль Сканлан.

— Этот олух, Джон Симней, пустил наверно свой лот рядом с нами. Похоже на шуточки... чтобы мы не чувствовали себя одинокими.

— Конечно! Конечно! — хихикая сказал Маракот. — ...новый вид, мистер Хедлей, с хвостом, как струна роля, и лотом в носу. Но им же нужно измерять глубину, чтобы остаться выше рифов, глубина которых обозначена. — Все хорошо, капитан! — крикнул он, — можете опустить нас вниз.

И мы стали спускаться вниз. Доктор Маракот потушил электрический свет, и все кругом снова погрузилось в полный мрак, за исключением светящегося измерителя глубины, который тиканьем отмечал наше постепенное опускание. Чувствовалось легкое покачивание, другое движение мы едва ли ощущали. Только эта движущаяся рука на циферблате говорила нам о нашем ужасающем, непостижимом положении. Теперь мы были уже на глубине тысячи футов, и воздух стал заметно тяжелый. Сканлан смазал клапан воздушной трубы, и дело пошло лучше. На полутора тысячах футов мы остановились и качались среди глубин океана. Тут наши огни засверкали снова. Мимо

нас прошла какая-то огромная темная масса, но мы не могли решить, была ли это меч-рыба или акула глубоких вод, или же чудовище неизвестной нам породы. Доктор поспешно закрыл свет.

— Тут скрыта для нас главная опасность, — сказал он, — на глубинах есть существа, против натиска которых эта оправленная в сталь комната так же не могла бы устоять, как улей перед носорогом.

— Киты, может быть, — сказал Сканлан.

— Киты могут опускаться на большую глубину, — ответил ученый. — Известно, что один гренландский кит утащил за собой чуть ли не милю каната, нырнув по перпендикулярной линии. Но кит опустится так низко только, если он испуган или сильно ранен. Это могла быть гигантская каракатица. Их находят на всех уровнях.

— Ну, мне кажется, что они слишком мягки, чтобы причинить нам вред. Ну, и потеха была бы, если бы эта рыба могла пробить дыру в никелированной стали Меррибэнка.

— Тела их могут быть мягки, — ответил профессор, — но «клюв» большой каракатицы пробил бы железо, и одного удара этого «клюва» достаточно для того, чтобы пробуровать эти окна в дюйм толщиной точно они из пергамента.

— Ура! — закричал Биль, когда мы снова начали наше путешествие вниз.

Потом, наконец, совсем мягко и осторожно, мы остановились. Толчок от соприкосновения был так легок, что мы едва почувствовали бы его, если бы огни, когда их зажгли, не показали, что мы обвиты кольцами стального каната. Этот канат представлял большую опасность для наших дыхательных труб. Он мог испортить их, и, после настоящего крика Маракота, он был снова подтянут кверху. Циферблат показывал тысячу восемьсот футов. Мы неподвижно лежали на вулканическом хребте, на дне Атлантического океана.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В ДЕКАБРЬСКОМ НОМЕРЕ.

В каждой книжке «Мира Приключений», начиная с декабрьской, будет печататься по одному рассказу на премию в 100 рублей для подписчиков, то есть в течение 1928 года будет дано 12 рассказов с премиями на 1200 руб.

Основное задание этого Систематического Литературного Конкурса нового типа — написать премируемое окончание к рассказу, помещенному без последней, заключительной главы.

Цель этого Систематического Литературного Конкурса — поощрить самодеятельность и работу читателя — будущего писателя — в области литературно-художественного творчества.

Условия Конкурса будут помещаться каждый раз непосредственно после рассказа, представляющего литературную задачу.

Читателям предлагается прислать на русском языке недостающую, последнюю, заключительную главу к рассказу. Лучшее из присланных окончаний будет напечатано с подписью приславшего и награждено премией в 100 рублей.

В Систематическом Литературном Конкурсе могут участвовать все граждане Союза Советских Социалистических Республик, состоящие подписчиками «Мира Приключений».

Никаких личных ограничений для конкурирующих авторов не ставится, и возможны случаи, когда один и тот же автор получит в течение года несколько премий.

Рукописи должны быть напечатаны на машинке или написаны чернилами (не карандашом!), четко, разборчиво, набело, подписаны именем, отчеством и фамилией автора, и снабжены его точным адресом.

На первой странице рукописи должен быть приклеен печатный адрес подписчика с бандероли, под которой доставляется почтой журнал «Мир Приключений».

Примечание. Авторами, состязавшимися на премию, могут быть и все участники коллективной подписки на журнал, но тогда на ярлыке почтовой бандероли должно значиться не личное имя, а название учреждения или организации, выписывающих «Мир Приключений».

Во избежание недоразумений рекомендуется посылать рукописи заказным порядком и адресовать: Ленинград, 25, Стрелянная, 8. В Редакцию журнала «Мир Приключений», на Литературный Конкурс.

Не получившие премии рукописи будут сожжены и имена их авторов сохранятся втайне. В журнале будет сообщаться только общее число поступивших рукописей — решений литературной задачи.

Р. БРУСИЛОВСКОГО

Иллюстрации А. Шпира

I.

Тихо звенят янтарные четки. Зерно к зерну,—зерно к зерну, пока благостный вечер не сядет на узорчатые крыши базара. Благословенно солнце, мечущее пламенные стрелы зноя, но лучше, о, лучше—синие тени вечера, когда путник отдыхает на прохладных плитах мостовой, вытянув усталые ноги. Тогда раскрываются низенькие двери чай-ханэ, в узеньких переулках дрожит и замирает, и вновь рождается шорох и шопот; веселые тени пляшут на белых стенах домов, веселые тени гуляк и ласковых женщин...

Тогда с облицованных фаянсом минаретов звенит печальное пение муэдзина. Красно обые дрозды тихо посвистывают в платанах, из тусклых окон кофейни льется свет и широкими пятнами ложится на розовую пыль дороги. Да будет благословен Милосердый, создавший ночь для отдыха очей и светлой радости жизни!...

Зайди иностранец в лавку Райсулла-бая. Все, чего захочет твой вкус и избалованная прихоть, ты найдешь в душистой полутьме лавки. Медленно поднявшись, Райсулла-бай поведет тебя в тайник, скрытый от грубых взоров, и ты увидишь редчайшие Сунгарийские ковры и драгоценную кисею из Баар-Данэ, с вышитыми зелеными лунами, и янтарные мундштуки, работы Дикого Старца из Лунной Пади, и хрустальные чашки с опалами,

изумрудами и яшмой. Ты увидишь в шелковых пакетах опиум и нард, и странный яд твоей страны, веселящий душу и зажигающий глаза блеском молодости!...

Зримо за зерном звенят четки,—тихо в лавке. С утра до вечера сидит под навесом Райсулла бай в голубой чалме, благоухающий, неподвижный, прикрыв седеющими ресницами зоркие глаза. Иногда забежит сарбаз за колечком для невесты, иногда веселая «лая» купит несколько капель розового масла. Она разотрет их между смуглыми своими грудями, и поцелуй возлюбленных будут напоминать им сады далекой родины. Ушли «франги» из Тегерана, а лавка Райсулла-бая не для нищих поденщиков, о нет! Бисмиллах! Они слишком бедны, чтобы окутать тело возлюбленной Басорским газом и покрыть любовное ложе коврами.

Тихо в лавке...

Кофе кажется горьким Райсулла-баю и азиатский табак пресным для языка его. Уже приходили не раз гонцы, посланные купцами Гариры Адурасаба за долгами. Они встряхивали кожаными мешечками для золота и сокрушенно вздыхали, и почтительно качали головой, ибо Райсулла-бай был купцом старинного рода, он был честным и благочестивым купцом. И гонцы уезжали и приходили вновь, и уже презрительно молчали, сощурив глаза. «Франги» ушли. Лавка Райсулла-бая не для нищих. Денег нет. Иншаллах! Перенесем удар Милости-

вого с сердечным смиреннем. Подождем лучших дней...

II.

Аллах не запрещает любить даже флейтисту из чай-ханэ, труд его не позорен. Но если возлюбленная его — дочь самого Райсуллы-бая, — что остается делать флейтисту, который молод, беден и бездомен? Скажите мудрые «ишаны», и вы дервиши, сидящие у ступеней храма, томимые полуденным солнцем. Не все ли горести человеческих душ вливаются в ваши уши и не исцеляет ли ваша молитва огорченные сердца? Он не выкупит ее ни певучей флейтой, его сестрой и другом, ни крепкими зубами, ни смуглым телом, ни своим искусством, заставляющим старых «хаджи» слушать его часами в душных комнатах кофеен. Гафи проходит не раз и не два мимо лавки Райсуллы-бая, он проходит ежедневно и, глядя мимо купца в просвет двери, почтительно кланяется ему, касаясь дрожащими пальцами лба:

— Да будет внимателен Аллах к твоим молитвам, высокочтимый Райсулла!

— Иди с миром, — равнодушно идет купец сквозь зубы, лениво посадивая кальян.

И Гафи проходит с глухой скорбью в душе. Сегодня ее нет в лавке. В прошлый четверг она выглянула из-за двери, приподняв узкой рукой полотняный навес, и приветливо кивнула ему головой. В тот вечер он сыграл на флейте «Влюбленного шейха из Лаоры» и гости цокали языком и удивленно качали головой, слушая дивные рудалы флейты...

III.

Купец — это завоеватель. Подобно Искандеру Великому, он врзается где хигростью, где силой в неприступную твердыню неприятельской страны. Для отважного человека непроходимых дорог нет. Его ведет меткий глаз и тврдая нога, а руки его поддерживают дочери Победы. Товары Райсуллы-бая не нужны Тегерану. Это верно. Но

есть другие «франги» за дикими отрогами Угурвана. Они беспокойные люди, эти владыки огромной страны. Глухие вести передавали о них гонцы, идущие с путей Великой границы. Они убили своего царя и разметали за рубежи всех баев, они забыли бога и обычаи своей страны, и все милосердие своей властью отдали беднякам. И Джаладин-Гир, самый неутомимый и алчный из гонцов, рассказывал потом, что он видел в поле за Дурганом, как стальной бык, гремя и фыркая, взрывал землю под засев, и черные пласты земли летели легче пуха на осеннем ветру. Бесплодную землю засевали тяжелым зерном и земледелец с сожалением бросал это зерно в землю, ибо он не видел за всю жизнь такого полновесного зерна. И стальная ак-арба катилась по взрытому полю, а пахарь шел за ней, обнажив волосатую грудь и пел песню о Великом Вожде, облегчившем тяжкий труд его...

Райсулла-бай слушал его молча, вдумчивый и серьезный. И в первый раз он почувствовал надежду и открыл ей гонцов. Так начался день Спелых Вишен, и этот день был первой ступенью к могиле Гафи...

IV.

Ранним утром сел Райсулла-бай подшитый навес лавки и долго сидел, ожидая флейтиста. Проворный кафеджи трижды перебежал из лавки в кофейню, звонко шлепая туфлями. В сутолоке базара медленно капились часы. Гафи показался в переулке базара. Он шел, опустив голову, и флейта его, обернутая полотняным чехлом, висела на его груди.

— Мир тебе, — неожиданно сказал купец. — Войди, Гафи.

Флейтист поднялся по ступенькам и стал у столба террасы.

— Войди в лавку, — ласково сказал Райсулла-бай, — мы побеседуем, и ты сыграешь мне на флейте.

Гафи сел на коврик и тихо провел губами по флейте. Он сыграл «Ночь в пустыне», когда верблюды храпят во сне и путники звенят оружием при ночном нападении. Купец слушал,

перебирая четки, погруженный в глубокое раздумье.

— Слушай, — наконец заговорил он, — когда ты проходишь мимо моей лавки, ты опускаешь глаза и у тебя дрожат колени. Мудрому дано читать в сердцах людей. Я знаю твою тайну, Гафи...

— О, господин, — пробормотал флейтист, загораясь стыдом и опуская флейту.

— Ты скоморох, нищий, — жестко продолжал купец, глядя на него в упор — Ты многого хочешь, Гафи!...

— Прости, Райсулла, — глухо сказал Гафи, приподнимаясь с коврика и делая шаг к выходу.

— погоди, — остановил его купец. — Я еще не кончил. Ты можешь взять Аджему, если...

— Если? — хрипло вымолвил флейтист и зрачки его глаз сузились.

— Если ты разбогатеешь, — равнодушно процедил купец, поправляя складки халата. Гафи закрыл лицо руками. Райсулла молча глядел на него, поглаживая голову.

— Если ты разбогатеешь, — повторил купец, наклоняясь к флейтисту. — Слышишь, Гафи?

— Слышу, — ответил Гафи, затрепетав всем телом.

— Слушай дальше, — продолжал купец, медленно подвигаясь к нему. — Мне жаль тебя. Я хочу тебе помочь. Ты будешь моим сыном, ибо я стар и болен. И Аджема будет твоей женой...

— Клянусь дыханием уст моих, — сказал Гафи, скрещивая руки на груди, — я буду поддерживать твою старость, пока тебя не позовет к себе Милосердный.

— Ты должен перебраться через границу к «франги», у которых стальные быки...

— Я был там, — прошептал Гафи, — я знаю дорогу. Говори, господин.

— Я дам тебе — тюки драгоценного шелку и дам белого яду их страны, веселящего душу. Ты пронесешь его через ущелья и будешь неутомим и бдителен в пути. В городе ты продашь товар, который возьмешь с собой. И тебе дадут за него много денег, ибо товар этот там в цене и

купцы платят за него сколько захочешь...

— Сколько захочу, — как эхо пробормотал Гафи.

— Когда ты вернешься трижды из пути, и я увижу, что ты честен и ловок, в тот день я прикажу Аджеме, и она станет твоей женой. Ибо я стар и болен...

— Дни наши в руках Мудрого, — ответил Гафи решительно. — Не забудь, Райсулла, положить у тюков оружие. За это платят кровью... Я пойду...

— Ты понял меня, — сказал купец, выпей кофе, мой друг. — И флейтист сел рядом с Райсуллой и пил кофе как равный, а флейта лежала на полу, но он забыл о ней...

V.

Легкие ноги у путника, идущего по пути надежд. Студеные ручьи, стремглав летящие с вершин, поют ему о счастье, и серебряные короны гор охраняют его отвагу. Потаенными межами идет Гафи, он бредет дикими ущельями Угурвана, где глухо стонут кедры и кричат орлы. Тюки с товарами плотно увязаны за спиной. Трижды в день, опустив измученные ноги в бегущий поток, отдыхает Гафи и съедает горсть вареного рису. В опасном пути тело должно быть легким и мысли ясными. Горсть рису, крупинка за крупинкой, съедает Гафи в короткие минуты отдыха... Бегут часы. В медленном круговороте пройдя раскаленное небо, падает солнце, как зрелый плод в корзину садовника. Высокие ели протягивают длинные тени, и свежая прохлада струится с далеких горных высот. Бесшумно всходит луна. День кончен. Бережно снимает Гафи тюки с натруженных плеч и прячет во впадине скалы, завалив тяжелыми камнями. Тело его дрожит от холода, зубы стучат, но он не разводит огня. Там, за каменистым перевалом, бредут ночные разъезды урусов. Верхом, не смыкая глаз, рыщут они на косматых конях по горному кряжу Угурвана. Они увидят сверкающий глаз огня, а кони их и во тьме найдут дорогу... Смыкаются глаза. Тихо в пещере. Внизу звенит и плачет водопад, воют

шакалы. Шуршат опавшие листья под упругой лапой леопарда. Глухо урча, он прыгает с камня на камень и тычет узкую морду в расщелину скалы. Он кружится у входа, хлеща хвостом по лоснящимся бедрам, и свет луны играет в зеленом золоте его зрачков.. Бегут часы... Тени становятся короче.

Уступы гор рдеют на восходящем солнце, потоки огня бегут по излому скал. Гафи встает и умывается ледяной водой, он бодр и весел. Слава Аллаху! Сегодняшний день—последний. Скоро покажутся хижины пахарей, и голубой дымок очага обрадует его сердце. Он войдет в город с во-

няют дыхание. Ноют израненные ноги, разбитые острыми краями скал. Но нет преград для влюбленного и дуновение смерти не смущает его покой. В городе, в хижине последнего пастуха, он вдохнет жадными ноздрями благоухание кипящего пилав, омоет тело и освежится спокойным сном у догорающего очага...

— Погоди, остановил флейтиста купец, — ты можешь взять Аджему, если...

сточной стороны, наймет осленка у мечети Эль-Могата и неторопливо пройдет по базару. Он—мирный странствующий торгош, не больше. О, эй! Дайте дорогу!...

Последний перевал крут и опасен. Мелкий щебень крошится под осторожной ногой и с шумом падает вниз. Хватаясь за дикие корни, ползущие по обрывам, раздирая обувь о подводные камни, по пояс в воде, сжигаемый солнцем в просветах чащ, бредет Гафи в далекий желанный город. Последняя горсть рису съедена. Последняя крупинка благословенного зерна упала в его иссохший рот. Тюки с товаром давят спину и затруд-

Последнюю грядку холмов одолевает Гафи. Тропинка вьется над глубокими обрывами. Внизу клубится лиловая мгла, вверху гранитный кряж тяжело уперся в холодеющее небо. Наступает час намаза...

— О-гэй-й-й... там на дороге... стой!...

Скачущие тени мчатся через сожженное поле. Гафи, дико оглядываясь, прыгает с уступа на уступ. Багровые лучи заката хлещут по лицу, застывая глаза...

— Стой!...

Во имя Пророка! Куда укрыться? Литая стена гранита блещет и искрится в лучах догорающего солнца...

Внизу—бездна... Гафи оборачивается и с хриплым криком бежит назад. За ним дрожит и обрывается дикий свист погони...

Обрывая руки, Гафи карабкается по шершавой скале. Тюки раздавливают спину. В глазах мечутся красные круги, из-под ногтей сочится кровь...

Залп.

Раскинув руки, Гафи падает на жесткий щебень. Скорченные пальцы судорожно царапают холодный камень. Сцепив руки последним усилием, он хочет приподняться, но тяжелые тюки тянут вниз. Гафи слабо вздыхает и, откинув голову, лежит неподвижно. На его смуглое лицо падают косые тени смерти. Последние лучи солнца зажигают курчавый кустарник, ползущий по обрыву края, вспыхивают и тонут.

На льдистом небе расцветают хрустальные звезды...

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ.

Задача № 64.

Перенос кубика с блюда 1 на блюдо 2 можно сделать посредством 17 перемещений:

А на 2	В на 4	Е на 3	Д на 4	А на 1	В на 2
В на 3	А на 4	Д на 3	Е на 2	В на 3	А на 2
С на 4	Д на 2	Е на 2	Д на 2	С на 2	

Задача № 65.

Напишем табличку, где показан ход переложений, обозначая кружки цифрами, начиная сверху.

Число переносов.	Пал. А.	Пал. С.	Пал. В.
0	1,2,3,4,5,6,7,8	—	—
1	2,3,4,5,6,7,8	1	—
2	3,4,5,6,7,8	1	2
3	3,4,5,6,7,8	—	1,2
4	4,5,6,7,8	3	1,2
5	1,4,5,6,7,8	3	2
6	1,4,5,6,7,8	2,3	—
7	4,5,6,7,8	1,2,3	—
8	5,6,7,8	1,2,3	4
9	5,6,7,8	2,3	1,4
10	2,5,6,7,8	3	4
11	1,2,5,6,7,8	3	4
12	1,2,5,6,7,8	—	3,4
13	2,5,6,7,8	1	3,4
14	5,6,7,8	1	2,3,4
15	5,6,7,8	—	1,2,3,4

и так далее.

Как общее правило, можно заметить, что на вспомогательную палочку С, когда она свободна, надеваются лишь нечетные кружки, а на В—при этом только четные. На перестановку двух кружков надо было сделать три переноса, для перестановки трех—семь переносов, для перестановки четырех—пятнадцать переносов, а вообще для перестановки n кружков надо совершить $2^n - 1$ переносов. В нашей задаче с восемью кружками надо, таким образом, сделать $2^8 - 1$, или 255 переносов.

В Индии существует легенда, будто в одном из храмов жрецы заняты переносом 64 золотых кружков, надетых на алмазные острия, и, когда все кружки будут переложены, наступит конец мира. Несомненно, жрецам придется поработать немало времени, т. к. при 64 кружках надо совершить двадцатизначное число перестановок. На это потребуется, считая по секунде на перестановку, пять слишком миллиардов веков.

ЛЮДИ - КРОТЫ

Наружный вид города троглодитов с 12.000 населением в Матмате. Это—громдная долина, изрытая, как видно на фотографии, гигантскими колодцами—жилищами людей.

Очерк Г. ЭШТОНА, члена Британского Географического Общества.

Фотографии с натуры.

ТРОГЛОДИТЫ ПУСТЫНИ.—ТАИНСТВЕННЫЕ ПЛЕМЕНА АФРИКИ.—ПОД-ЗЕМНЫЕ ГОРОДА.—ЛЮДИ ЖИВУТ В БОЛЬШИХ КРУГЛЫХ КОЛОДЦАХ ИЛИ ПРОКАПЫВАЮТ СЕБЕ ЖИЛИЩА В СКАЛИСТЫХ ГОРАХ.

В трехстах милях к югу по прямой линии от древнего Карфагена, в горах, известных под названием Плато Матмата, в ямах, выкопанных в земле, живет племя, численность которого доходит до 30.000 человек. Вся жизнь этих людей протекает под землей, а когда они умирают, их выносят наверх и хоронят на поверхности земли в неглубоких могилах.

Люди эти принадлежат к расе, появившейся в Северной Африке еще до арабов, и происхождение этой расы теряется в глубокой древности. Нет сомнения, что две тысячи лет назад они вели жизнь пастухов и обитали в палатках на склонах гор, но армии Цезаря, покорив Карфаген, направились на юг и были такой угрозой для мирного горного народа, что он прорыл себе пещеры в горах, завалив за собой вход в эти пещеры и упорно выдерживал осаду за осадой, пока армии Цезаря не ушли.

Племя это и сегодня живет точно так же, как в те дни, когда завоеватели покинули их места. Жизнь в пещерах так просто разрешает вопрос о жилище в стране, где почти совсем нет дерева. Пользуясь одним слоем камня, как полом, другим слоем, как потолком для своего жилища, они углубляются в сравнительно мягкий мергель. В этих вырытых пеще-

рах они делают себе по несколько комнат, размерами футов в 20 длины, в 8 ширины, и с потолком, образующим правильную арку, высотой в 8 футов. Укрепляют они жилища цементом, да еще покрывают стены известкой.

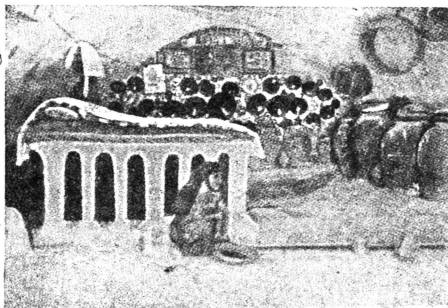
Комнаты такой подземной квартиры обычно однообразной величины, иногда в них вход из среднего помещения, но часто бывает, что у каждой комнаты свой независимый выход.

Мебели в этих жилищах почти нет никакой: кровать, часто полка в глубине комнаты, фута на три над полом—и это все. Иногда эта полка делается из дерева и на нее накладывается штукатурка. Громздные кровати покрываются множеством толстых одеял, сотканных самими женщинами. Только в одном доме я увидел нечто

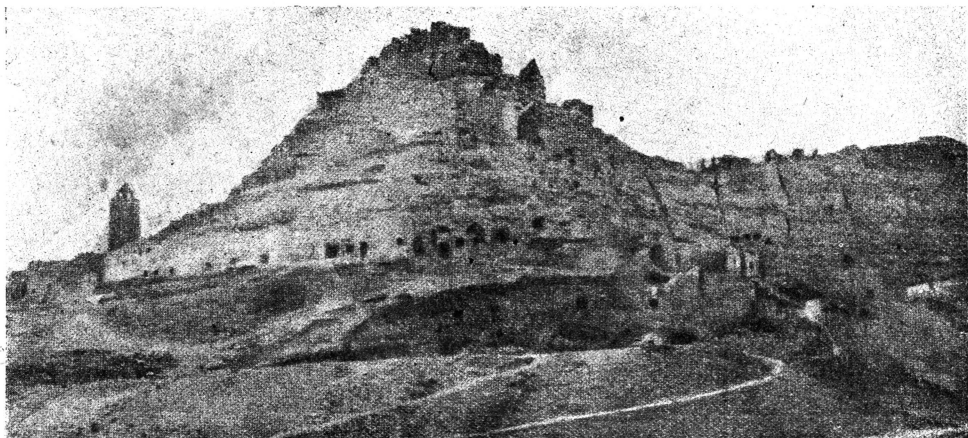
похожее на стол, и то это было в доме шейха Магомета Лафета. В его личной комнате стоял небольшой стол.

Стульев в комнатах нет, и все сидят на полках-диванах, устроенных вдоль стен. В помещении для женщин—классические глиняные кувшины с оливковым маслом, финиками и винными ягодами.

Перед каждым из этих жилищ имеется дворик, огороженный каменной стеной. У дворика—многозначений. Прежде всего,

Внутренность женской комнаты у троглодитов Матматы. На первом плане—огромная кровать троглодитки. Владелица ее сидит возле. Справа видны большие глиняные сосуды с оливковым маслом и другими запасами. В глубине—множество глиняных горшков, воткнутых на палки. Это—своеобразный буфет пещерных обитателей. Фотография снята, конечно, при магнии.

Гора—жилище «карабкающихся троглодитов». Большинство жилищ скрыто глубоко внутри горы, так что издали лишь кое-где видны выходы наружу.

в этот дворик выходят подышать воздухом женщины племени. Все они мусульманки и усердно прячут свои лица с самого детства. Во-вторых, в этом дворе живут птицы и даже верблюды, а в третьих—он служит крепостью во время осады врага.

Оригинальные города троглодитов обычно прорыты в конусообразных горах этой местности, иногда на высоте ста футов и более. Улицы идут террасами или огромными ступенями и сходятся на вершине горы у крепости, или «ксара». Это помещение служило складом для провiantа во время бесчисленных войн, еще недавно постоянно смущавших покой забытого народа.

Из этой крепости открывается великолепный вид на окрестные долины и горы. Особенно прекрасна эта картина при закате солнца. Тогда скалистые горы из красного песчаника подергиваются голубоватой дымкой и кажутся дальше и точно выше поднимаются к небу.

Люди эти известны под именем «карабкающихся троглодитов».

Любопытно отметить, что знаменитый римский писатель Саллюстий 2.000 лет назад нашел улицы троглодитов такими же, какие они и сейчас.

Ветви этого же племени раскинулись на сотни миль в сторону. Жилища этих родственных племен похожи на жилища «карабкающихся троглодитов» только формой и размерами их комнат. В Ксур Меденине и в области Фум Татуин дома уже стоят на поверхности земли. Они похожи с виду на караван хлеба и строятся так, что одним ставится на другой. Бывает, что так накладывают до шести домов—один на другой.

Говорят, что этот обычай остался с тех времен, когда нужно было защищаться от разбойников-туарегов, которые постоянно нападали на этот мирный пастушеский народ, расхищая не только его запасы, но и уводя с собой и женщин.

Эти дома-караваны, называемые «рхурфа», служат либо складами для запасов, либо жильем для слабосильной части племени.

Восемьдесят же процентов этого племени, в противоположность «карабкающимся троглодитам», ведут кочующий образ жизни. Они гонят стадо с пастбища на пастбище и собирают по пути свою жалкую жатву. Старики остаются, и до осени исполняют роль сторожей при складочных помещениях.

В шестидесяти милях к западу от Меденина находится самый странный город троглодитов Матмата. Обитатели Матматы относятся к той же расе, что и «карабкающиеся троглодиты», но жилища их устроены совсем иначе. Это—огромные колодцы, покрывающие долину на таком протяжении, как может охватить глаз.

Долина Матматы раскинулась больше, чем на три квадратных мили. Она окружена невысокими горами, на вершине самой большой из которых виднеется древняя крепость. Иностранца поражает необычный вид долины, сплошь покрытой отверстиями больших круглых колодцев, футов в 60—70 в диаметре и футов в 30 глубиной.

И в этой долине живет, говорят, около 12.000 чел., точно кроты в подземных норах.

В эти странные подземные дома входят длинным, спускающимся вниз туннелем, разветвляющимся по дороге в маленькие пещерки по бокам. Туннель этот выводит в круглое помещение, футов на 30 ниже уровня земли. Из этого помещения прорыты во все стороны пещеры, служащие комнатами для жилья.

Троглодиты в большинстве случаев приветливый и гостеприимный народ. До Матматы и Меденина теперь уже стали добираться на автомобилях из Южного Туниса, но города «карабкающихся троглодитов» стоят на высоких горах, к ним ведут крутые, опасные для европейца тропинки, и редко случается, когда мул привозит сюда кого-нибудь из другого мира.

Но троглодиты и не проявляют особого желания поддерживать связь с этим миром. В их пещерах тепло в холодные дни и прохладно—в зной, а времена, когда их беспокоили разбойничьи набеги, отошли теперь уже в область прошлого.

Гротеск Н. МУХАНОВА. Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

Солнце неизвестно чему смеялось.

Вероятно тому, что, несмотря на безоблачное небо, юркий ветер гонял по вснаханьому, развороченному проспекту целые смерчи слепящей пыли.

Преждевременно сорванные листья, как несбывшиеся надежды, печально шелестели по дорожкам сквера.

Был сентябрь, и было утро, час десятый. В относительном будущем гримасничала осень, а в непосредственном — желудок Тузлукова. Пора непогод и время завтрака надвигались неумолимо. Сидя на скамейке, Тузлуков с грустью сознавал это всем своим существом. Обволакивающий сознание минор не предавал ничего хорошего, — необходимо перестроиться помажорнее. Элегантным движением Тузлуков подтянул дудки коротких брючек, — солнечно сверкнули желтые шелковые носки, в тон ослепительным джимми, — независимо откинулся на спинку скамейки и, наслаждаясь звоном серебра, долго шелкал по крышке портсигара дорогой папирсой, — единственной.

Внешне, по гордой, слегка пренебрежительной манере держаться, по изящному, дорогого покроя платью, его можно было принять, по крайней мере, за представителя дипломатической миссии. Внутренно...

Впрочем, не будем бесцеремонно залезать в душу человека, который

не сделал нам ничего дурного. Да и ослепительная пикейная манишка, казалось, громко кричала о незапятнанности содержимого, которое она целомудренно прикрывала. Скажем лишь, что гражданин Тузлуков накануне вечером прибыл со скорым московским поездом по ему одному известному делу. Он всю ночь неторопливо обзирал близлежащие садики, с видом скучающего Рокфеллера отсиживаясь там, где это позволяли обстоятельства. И сейчас, несмотря на очевидный час завтрака и настойчивые зовы желудка, он медлил покинуть свой наблюдательный пункт. На все это, вне всякого сомнения, существовали самые серьезные и уважительные причины, о которых мы не знаем решительно ничего.

Теперь, предупрежденный о бессонной ночи гражданина Тузлукова, внимательный наблюдатель мог бы отметить некоторую интересную бледность его породистого лица, синеватую ретушь под ресницами и слегка наэлектризованный блеск выразительных ореховых глаз.

Необходимо оговориться, что в нашей истории все условно, не исключая и самой фамилии гражданина Тузлукова. В силу причин социального порядка, каждому индивиду полагается иметь какую-нибудь фамилию, и наш герой широко пользовался этим правом. Итак, солнце неизвестно чему

смелось, а гражданин Тузлуков неизвестно почему продолжал сидеть в сквере, бездушно следя за полупроснувшимися прохожими.

Впрочем, с некоторого времени в его мозг настойчиво стучалась одна мысль довольно отвлеченного характера: «Возможно ли в Республике Советов слоноводство?»

Изгнанная, в силу своей бесполезности, из одного полушария мозга мысль через минуту возвращалась в другое. Процесс изгнания сопровождался легким движением головы, поэтому гражданин Тузлуков производил впечатление человека, отрицающего доводы какого-то невидимого собеседника.

Два толстяка с портфелями — бритый, с коленями, выгнутыми в форме буквы О, и бородатый, с коленями, вогнутыми в форме Х, — замедлили шаги перед скамейкой Тузлукова.

— Возможно ли в Республике слоноводство? — снова ударила короткая волна в мозг Тузлукова.

— Присядем, вздохнем немного, — предложил Х.

— Разве на минуту, — согласился О.

Портфеленосцы опустились рядом с Тузлуковым, заметно вдавив скамейку в землю.

— Возможно ли у нас слоноводство?..

— Рынок выдохся, — вполголоса шипел Х, борясь с великоленной музыкальной асгмой. — Вот, если бы... партию (сумажных тканей... недурное дело... Как вы на этот счет?..

— Только шерсть, только шерсть, уважаемый. Бумага — дрянь... Не советую, не советую, — энергично мотал головой О.

— Вы позволите... вечером... заглянуть к вам?

— Буду рад... Буду рад... Европейская, 17... От 9—10...

Х — шипел отсыревшей ракетой, О — стрелял, как из пушки.

— Возможно ли у нас слоноводство? — копошилось в мозгу

Тузлукова. Он употребил героическое усилие, стараясь затушить нелепый рефлекс. Только шерсть, только шерсть! хлестнула новая волна.

— Когда обратно... в Москву? — шипела ракета.

— Завтра к вечеру... Если успею, — стреляла пушка.

— Двигаемся?..

— Попробуем..

Слегка раскачав туши, толстяки отделились от скамьи.

— Одно непонятно мне. Госплан... — начал на ходу Х.

— Пхе!.. — выпалил О. — Госплан — одно, наш план — другое...

Уплыли.

— Возможно ли в России слоноводство?.. Только шерсть, только шерсть! Ворочаясь в голове Тузлукова два течения.

Досадливое движение головой — рядом, на скамье, лежит солидный новенький портфель крокодиловой кожи.

Уверенным жестом собственника Тузлуков потянул находку к себе, намереваясь подняться.

Худенький человек, с розовыми пятнами на щеках, опустился около на ска-

Тузлуков задержался на пороге в позе Наполеона на Воробьевых горах...

мью, застенчиво покашливая. Тузлуков брезгливо покосился на неожиданного соседа и стал рыться в портфеле. Какие-то счета, фактуры, десяток карточек различных текстиль трестов, — хлам!

— Осмелюсь обратиться к вам, — закашлял сосед. — Обстоятельства... Буквально голодный... и буквально нездоров... Семья... самому лечиться надо... Несколько копеек...

— Безработный?

— Третий месяц... Служил у частного... по мануфактурной части — эксплуатация... Сокращен... В союзе не состою... Ну, и умирай с голоду... Верите ли, второй день крошки во рту не было...

Нам никогда не случалось видеть царственных повелителей, от которых зависят судьбы их подданных, но, исходя из сценических образов, думаем, что тот величавый жест, который Тузлуков бросил человеку с розовыми пятнами, вполне соответствовал идее кино-царственности.

— Следуйте за мной!

С гордо откинутой головой, сросшись с портфелем из крокодиловой кожи, Тузлуков величественно шествовал по направлению к проспекту. Худенький человек, похожий на движущийся вопросительный знак, неуверенно семенил сзади.

Идея царственности замыкалась немым вопросом.

У Гостинного — вереница таксомоторов. Один — уютен, располагающ, внушителен, цвета свежей телячьей крови. Тузлуков остановился около, кивнул шоферу, кивнул спутнику:

— Садитесь. На переднее.

Через две минуты такси остановился около биржевого кафе. Короткое «жди» — шоферу, и милостивый кивок спутнику.

— Кстати, ваше имя?

— Кошницын... Иван Иванович...

— А я — товарищ Тузлуков. Моссуно. — Только шерсть, только шерсть, — пролагал себе путь через мозговые извилины новый рефлекс.

Тузлуков задержался на пороге в позе Наполеона на Воробьевых горах.

Винувата ли царственная доминанта в особе Тузлукова или тонкое знание эффектов сценичности, только необходимо отметить момент, когда гул кафе на мгновение стих, и все взоры шляп и кепок скрестились в одном фокусе — на крокодиловом портфеле вновь прибывшего.

Заняв центральное место, Тузлуков принял на себя главнокомандование над официантами. Пятна на щеках Кошницына рдели, как осенние розы. Голодная горячка обжорства давно уже уступила место негорюпчивому

Взоры шляп и кепок скрестились в одном фокусе на крокодиловом портфеле вновь прибывшего.

деловому насыщению. По мере укрощения аппетитов у него явилась способность говорить.

— Я здесь всех знаю, — тихо шептал он, замечая выдавленные слова слоеными пирожками. — Вот этот, с проплешинами — крупный спекулянт мануфактурой... Миллионы изжил... Рыжий — представитель из Суртреста... Это — крупные частники...

Откинувшись на спинку стула, с сигарой в опущенном углу рта, еле поворачивая голову, Тузлуков с глубочайшим презрением обозревал плотоядно рыкающую публику. Когда Кошницын окончательно утратил способность наполняться, Тузлуков намеренно громко попросил:

— Не в службу — в дружбу, спросите сегодняшнюю «Промышленную Газету».

Человечек с розами отошел к буфету. Немедленно его окружило несколько любопытных. Пересиливая отрывку, он торопливо старался потушить все многочисленные вспыхивающие вопросы.

Тузлуков, сидевший к ним спиной, улавливал отдельные слова:

— Моссукуно... Новый зав... Сегодня прибыл... Не могу сказать... Новый план... Шишка... Думаю, может...

Возле столика Тузлукова смыкался зачарованный круг. Многие из отдаленных уголков кафе пересели поближе. Просмотрев газету, Предмоссукуно неторопливо поднялся и подошел к телефону.

— Европейскую... Это я... Представитель Моссукуно... Раньше восьми дома не буду... Кто по делу — попросите явиться к этому времени.

Голос уверенный, властный, отчетливый. Слышен во всех уголках кафе.

Не дальше. Ибо говоривший, по рассеянности, нажал мимо кнопки.

Звякнула рубка. Конфиденциальный разговор с буфетчиком. Повернулся к столу. Шляпы и кеки, облепившие его спутника, как тараканы сладкий торт, — торопливо переместились к своим местам. Тузлуков, скупая, вернулся обратно.

Эластичный гражданин, — ассирийская каштановая борода при свежесбритой верхней губе, — музыкально шаркая подошвами полуаршинных

ботинок, чечоточной походкой приблизился к столику Тузлукова. Изысканно козырнул.

— Pardon!..

Ласковый, проникновенный голос. Чистейший ярославский прононс.

— Pardon!.. Вы представитель Моссукуно?..

Кивок, могущий означать и «да», и «убирайся к чорту».

— Pardon!.. Только одну справочку... Вы разрешите?

Сложное балетное па, игра со стулом, ассирийская борода — сидит около. На верхней свежесбритой губе алмазами сверкает мелкая испарина волнения.

— Предвидится ли какая-нибудь возможность... Я предполагаю — в ближайшее время... Насыщение внутреннего рынка солидными бумажными тканями? В виду предстоящего сезона...

Тузлуков, смотря поверх собеседника, энергично трясет головой и в порядке нисходящей гаммы несколько раз повторяет:

— Только шерсть, только шерсть, только шерсть...

Бритая губа от волнения выходит из берегов. Ассирийская борода не замечает наводнения. Она каждым волоском впивает изречения оракула, вкладывая в равнозначущие слова различный смысл, — в зависимости от музыкальных нюансов. Губа слегка косится на Кошницына и тоном любовного признания начинает:

— Видите ли, глубокоуважаемый товарищ... К слову, — разрешите представиться...

Пружинное действие стула, сложная чечотка джимми, спина под прямым углом, голос, просящий о капле любви:

— Красный купец, Евпл Евплович Сладкий... Прошу любить и жаловать...

— Моссукуно... злуков...

Пируэт по Голейзовскому. Снова на стуле.

— Видите ли, не знаю, можно ли быть откровенным...

Взгляд в сторону Кошницына. Полукивок Амфитриона.

— Мы, красные купцы, незаслуженно обижены... Можно даже сказать, угнетены... Мы согласны пла-

тить деньги, но не можем получить товара... Так вот, если бы можно было надеяться — хоть чуточку...

Просящий взгляд, способный размягчить гранит.

Тузлуков, повидимому, ведет в уме сложный подсчет. Глаза полузакрыты, брови деловито нахуплены. Но вот они принимают нормальное положение и проситель облегченно вздыхает.

— Mersi... Тысячу раз горячее русское mersi... Я буду надеяться...

Дрожащая рука копошится под мышкой, затем конвульсивно лезет под газету, брошенную небрежно на стол. Тузлуков снова закрыл глаза — соображает. Кошницын весь ушел в рассматривание плаката на стене.

— Разрешите навестить вас от восьми до... четверть девятого... Только на несколько минут...

Милостивый кивок и протянутые два пальца Тузлукова в знак окончания аудиенции. Счастье первого обладания любимым предметом разливается по лицу красного купца. Он священнодейственно дотрагивается до выхоленных пальцев подателя благ и задом оттанцовывает в исходное положение.

Лицо Тузлукова непромокаемо.

— Возможно ли у нас слоководство?..

Он слегка отгибает угол газеты, видит, что она благополучно разрешилась кучкой незвенящих червонцев и впервые дает уверенный ответ на мучительный вопрос:

— Да. Вполне возможно.

Новорожденных поглощает крокодиловая кожа, роженица остается лежать на месте. К столику подтанцовывает новый персонаж. Хореографическая программа продолжается. Она еще только началась. Через час плодородие «Промышленной Газеты» истощено. Вконец изматая спазматическими схватками, она корчится в послеродовой горячке. Промышленность может отметить новую эру своего развития — слоководство.

Общий милостивый кивок головой и пионер слоководства, в сопровождении отяжелевшего Кошницына, усаживается в такси цвета свежей те-

Эластичный гражданин с ассирийской бородой четочной походкой двинулся к столику Тузлукова.

лячей крови. Отъехав несколько шагов, Тузлуков в упор смотрит на своего спутника и задает странный по мнению того, вопрос:

— Скажите, возможно ли у нас слоководство?

Кошницыным, от неожиданности и очевидной нелепости вопроса, овладевает икота.

— Не думаю... Разве чуть-чуть, для увеселения цирковой публики...

Впервые за время их знакомства лицо Тузлукова расцветивается веселой, заразной улыбкой.

— А я думаю—возможно. И в довольно значительных размерах...

Он переправляет потомство «Промышленной Газеты» из портфеля в карман, пишет что-то на листке блокнота и сует в большой конверт.

— Этот портфель вместе с запиской я попрошу вас доставить в Европейскую гостиницу сегодня ровно в восемь часов и передать толстому гражданину из семнадцатого номера. Возможно, что я запоздаю. А вот это вам за труды.

Он велит остановить машину, высаживает свидетеля своих слоноводческих операций и, когда тот смешивается с толпой, спрашивает шофера:

— Когда ближайший поезд на Москву?

— Минут через сорок, — отвечает тот.

— На Октябрьский!

Безработный Кошницын бережно, как реликвию, несет портфель из крокодиловой кожи. У него в кармане лежит червонец и его подмывает гаркнуть на всю улицу:

— Жить можно!

Сопроводительный конверт заклеен небрежно. Грех любопытства, доставивший столько неприятностей человечеству, начинает обуревать Кошницына. Он тщетно борется с искушением. Наконец шмыгает в ворота с надписью «уборной нет», лукаво затушевывая свои истинные намере-

ния непривычным переполнением желудка.

В глубине двора, между штабелем дров и облупленной стеной, он осторожно извлекает интригующую записку:

«Как честный человек, — кстати, пообедавший только позавчера в Москве, — возвращаю вам ваш портфель, подобранный в сквере. Если вас случайно кто спросит: «Возможно ли у нас слоноводство» — смело отвечайте: Да! С помощью магической формулы: «Только шерсть».

Мог бы подписаться любой из десятка имеющихся в моем распоряжении фамилий, но предпочитаю остаться

Неизвестным».

Планета, на которой возможны такие катаклизмы, неожиданно приобрела колоссальную силу притяжения, и безработный Кошницын свинцовым грузом вдавился в землю, вместе с портфелем из крокодиловой кожи...

Солнце весело смеялось.

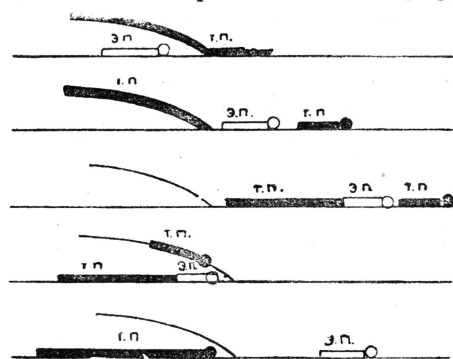
В следующей, декабрьской книжке будет напечатан отчет о присуждении читателями „Мира Приключений“ премий на Литературном Конкурсе 1927 года, опубликованы имена авторов премированных рассказов и помещены их портреты и автобиографии.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ.

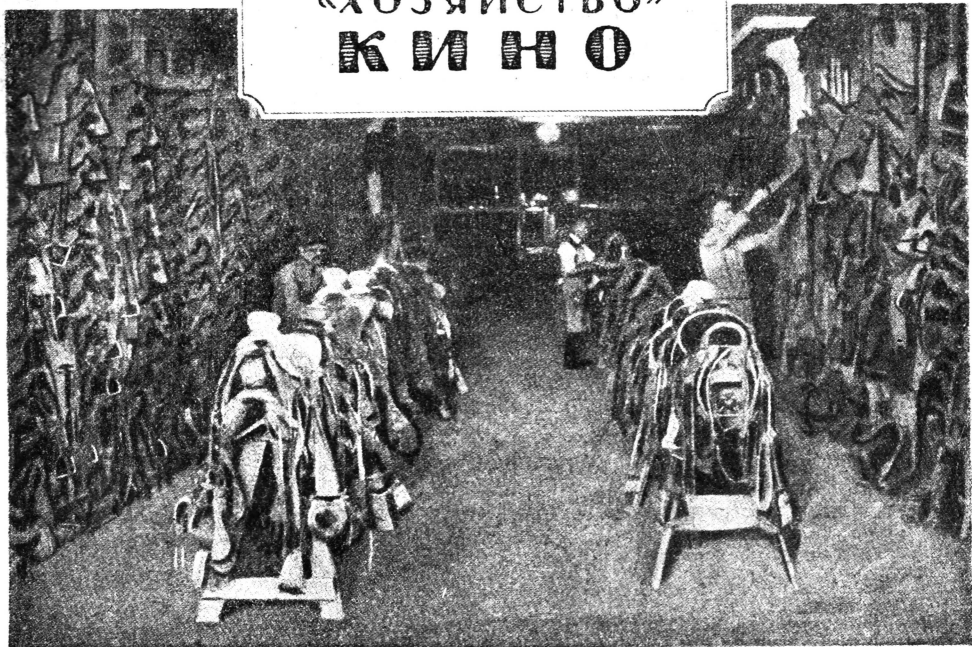
Задача № 66.

Товарный поезд помещают насколько возможно на запасную ветку и отцепляют паровоз с частью вагонов, оставшихся на главном пути. Приходит экстренный поезд. В чем дело? Начальник полустанка рапортует. — Ага, отлично! Экстренный медленно проходит мимо ветки, осаживает назад, зацепляет товарные вагоны с запасной ветки и выводит их на главный путь, очутясь таким образом между головой и хвостом товарного. Затем экстренный поезд, толкая хвост товарного, дает задний ход и снова минует стрелку, куда немедленно задним ходом въезжает передняя часть товарного поезда. Экстренный расцепляется с товарным, дает свисток и несется дальше, а паровоз товарного с пе-

редней частью поезда снова въезжает на главный путь, прицепляет заднее, слева стоящие вагоны и продолжает свой маршрут.

ГРАНДИОЗНОЕ «ХОЗЯЙСТВО» КИНО

Познакомив читателей «Мира Приключений» с хитрыми трюками кино и с явными опасностями, которым подвергаются артисты при рискованных съемках, в коротком очерке обрисует и еще одну любопытную сторону подготовительной работы в кинематографе.

В Лос-Анжелосе есть организация, которая специализировалась на том, чтобы без задержки отвечать на самые невероятные вопросы и снабжать всем, начиная со скелетов и кончая кораблями.

— Алло! — вызывает голос из сумрачной кинематографической студии. — Какого роста была Клеопатра?

— Пять футов, два с четвертью дюйма, — следует немедленный ответ на вопрос, на разрешение которого эксперту кинематографической студии пришлось бы затратить не меньше месяца.

Чтобы дать представление о размерах этой организации, называющейся Западной Костюмерной Компанией, надо сказать, что в здании этой компании имеется достаточно одежды, чтобы одеть 25.000 человек, и различной обстановки, чтобы обставить их жилища.

Справочная библиотека этой организации имеет для кинематографических режиссеров огромную цену. Она оценивается в сотни тысяч долларов. Полка за полкой стоят книги, драгоценные и редкие тома. Тут представлена каждая отрасль науки, но преобладают книги о путешествиях.

Этими книгами заведует «директор изысканий», Эдвард Ламбер. Он снабжает справками комедийного директора, когда

тому нужно знать, как эскимос говорит «я вас люблю», и по своему дает в нескольких словах содержание «Гамлета»:

— Видите ли, один человек убивает своего котенка из мести за то, что тот убил его отца. Центр пьесы — мешанина из мечей и яда.

Прогулка по двенадцати этажам, занимаемых организацией, похожа на путешествие вокруг света, начиная с доисторических времен, кончая не только настоящим временем, но даже будущим. Многие из хранящихся здесь предметов никогда не существовали и родились в чем-то воображении. Несомненный продукт фантазии — существо с рыбьим хвостом, крыльями орла и головой мумии. Там есть миниатюрные корабли и крошечные линейные морские суда, фигуры святых, старые ликерные бутылки, гроба, стеклянные глаза и даже чучела слонов.

Коллекция медалей, в которой имеется дубликат каждой известной модели медали, отлитой со времен Юлия Цезаря, считается одной из лучших коллекций в мире. Оригиналы медалей так же, как и музыкальных инструментов, оружия, седел и бесчисленного множества других античных вещей, никогда не выпускаются из здания. Для постановок пользуются только копиями с них.

Коллекция обуви содержит тысячи пар, привезенных со всех концов света. Персидские сапожки, индейские мокассыны, китайские деревяшки и меховые сапоги из Гренландии, деревянные сабо, соломенные башмаки, бумажные, суконные, ко-

жанные всех размеров и фасонов аккуратно хранятся тут.

В арсенале собраны, вероятно, все роды оружия, когда-либо употреблявшиеся человеком. Тут есть все — начиная с дубинки и каменного топора и кончая ружьем самой большой силы.

Тут же хранятся штыки, ручные гранаты и всевозможные мечи, в обилии — времем Крестовых походов, и даже меч Ричарда Львиное Сердце. Какое оружие ни потребовал бы режиссер, здесь найдется все, что ему только может понадобиться.

Коллекция оружия сверкает, как хорошо начищенное серебро. И неудивительно. Ее содержат в образцовом порядке. Изобретен был состав, с виду совершенно похожий на металл, но легкий, как войлок. И это на самом деле войлок: — композиция, покрытая сверху металлом.

Если мимоходом заглянуть в костюмерное отделение, то тут увидишь характерные костюмы всех народов и периодов истории. Тут и наряд ковбоя, и одежда китайского кули, все роды военных и морских мундиров. Можно сказать, что здесь собрано все, что носили люди с начала времен.

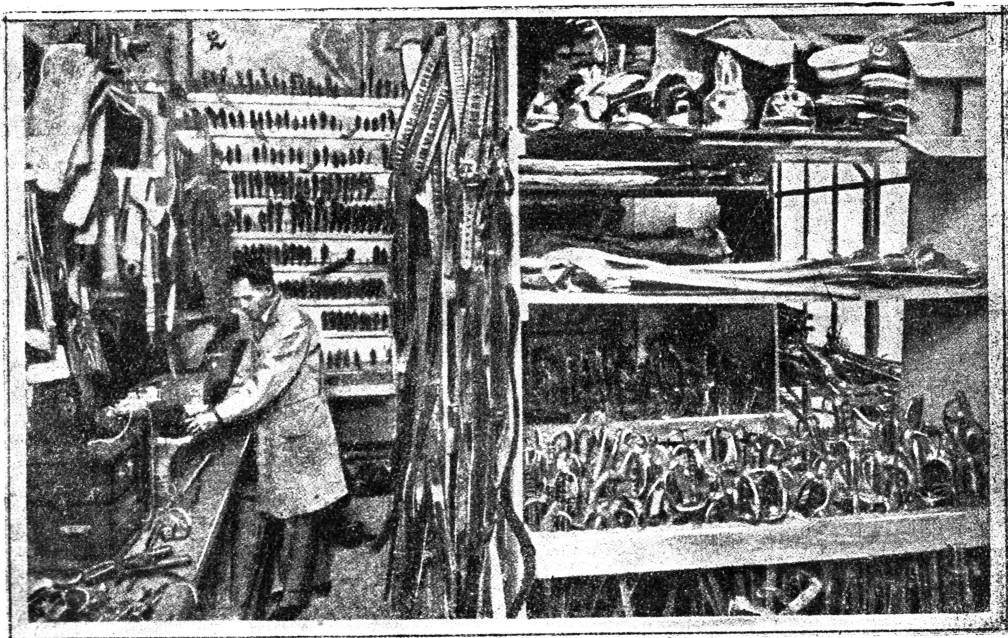
Кинематографические аппараты так усовершенствовались за последнее время, что с поразительной ясностью передают до-

стоинство и род тканей. Поэтому для кинематографа все делается из лучших шелков, шерстей, полотен и мехов, и кроется по мерке.

Ваша любимая кинематографическая звезда частенько появляется на улице и в обществе в бутафорских платьях, но если вы на сцене видите античную обстановку, то можете быть уверены, что она именно такова, какой кажется. Обмана зрения тут не бывает.

Чтобы иметь представление о том, как быстро работает здесь портной, можно указать на случай, когда в течение месяца было сделано 1.500 военных мундиров со всеми деталями формы. Часто четыре или пять костюмеров получают заказ приготовить в течение часа 150 костюмов. Эти, конечно, берутся из складов.

Раз кто-то продал на тряпки груды старых костюмов. На следующий же день с верхнего этажа затребовали тряпок, много тряпок. Делались костюмы для нищих и нужны были именно старые тряпки. Новые тряпки не годились. Они выходили на фильме новыми. Для глаз кинематографического аппарата нельзя давать фальшивого. Поэтому сохраняются теперь и самые истрепанные костюмы в ожидании того, что по телефону передадут требование тряпок, скажем, — времен Парижа в 1870 году.

Психологический этюд В. ПОЛТАВЦЕВА.

Иллюстрации П. ЖИЛИНА.

— Да, здесь, в горах, несчастья часто случаются, — говорил проводник сидевшим вокруг костра экскурсантам. — Бывает: только поставит человек ногу на камень, уж на что кажется твердо лежит, а он — возьми да покатится, и летит человек в пропасть вместе с камнем. Потом и косточек не соберешь.

Проводник остановился, закурил кем-то протянутую папироску и начал рассказывать длинную историю о гибели туриста на дне Дарьяла.

Рябинину стало скучно и он отошел от костра. Несколько раз прошелся по площадке, полюбовался на красоту кавказской ночи, а потом осторожно подошел к чернеющему краю пропасти. Со дна доносился глухой шум воды и еще какие-то другие неясные звуки.

— Что, если свалиться туда? — подумал Рябинин, и мурашки пробежали

у него по спине. Однако он сделал еще шаг и, придерживаясь за кусты, заглянул в пропасть. По глазам точно ударил черный, холодящий мрак. — Брр... неприятное местечко, — подумал Рябинин и почувствовал легкое головокружение.

Ему вспомнились рассказы о неосторожных путешественниках, нашедших себе могилу на дне ущелья.

— Интересно, как далеко здесь до дна? — и Рябинин осторожно толкнул ногой камень. Тот покатился в пропасть. — Раз, два, три... — считал Ряби-

нин секунды падения:—шестнадцать, семнадцать, восемнадцать...—Но стука камня о дно не было слышно.—Н-да, неприятно было бы туда пропутешествовать!

И глазам Рябинина ясно представилась бесформенная окровавленная масса на дне пропасти.

Он хотел сделать шаг назад, но вдруг почувствовал, что земля ускользает из-под его ног, и он стремительно летит в пропасть. Сердце упя-

отчаянный вопль рассек тишину ночи. Вздрыгнули, испуганно вскочили на ноги, но крик больше не повторился.

— Где же однако Рябинин?—спросил кто-то, но никто не видел, куда он девался. Тревожно переглянулись между собой.

— Рябини-и-и! — крикнул кто-то во весь голос.

Взволновались. Хотели идти на поиски, но проводник запротестовал, говоря, что надо подождать до утра.

ло. Мгновение он ничего не ощущал, кроме дикого, животного ужаса. Потом он почувствовал, что от быстроты падения у него захватило дыхание и сердце мучительно сжалось... Какие-то железные обручи больно стянули грудь... В легких не хватало воздуха... Не мог перевести дыхание...

И, вдруг, сознание, что это конец, молнией прорезало мозг. Из груди Рябинина вырвался дикий, нечеловеческий крик...

Сидевшие у костра спокойно обсуждали планы завтрашнего дня, когда

Молча расселись опять вокруг костра и тревожно вслушивались в шорох ночи. Время от времени начинали хором кричать:

— Рябинин! Ряби-и-нин! — но ответом было только далекое эхо да шум Терека, глухо доносившийся со дна ущелья...

Спать никто не ложился и на рассвете отправились на поиски. Вскоре они нашли Рябинина мертвого, навзничь лежащего на краю пропасти. На лице его застыла маска животного ужаса...

А внизу, на тридцатисаженной глубине, Терек нес свои мутные воды.

Реформируя в 1928 г. этот популярный среди читателей отдел журнала, Редакция будет помещать только часть задач с решениями в одном и том же номере. В каждой книжке будут помещаться задачи на премии. В качестве премий за решения задач, среди многих других научных и художественных изданий, в 1928 г. будут даны подписчикам следующие книги:

ЧЕЛОВЕК И ЗЕМЛЯ,—Элизе Реклю, изд. Брокгауза, 6 томов в кожаных переплетах, со множеством цветных и черных рисунков и карт. (Цена 54 р.).

КРАСОТА ФОРМ В ПРИРОДЕ,—проф. Геккеля, большого формата атлас со 100 красочными таблицами и текстом, в переплете (Ц. 26 р.).

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА,—3 тома в роскошных переплетах (1938 стр. с 986 рисункам и 48 отд. приложениями), изд. «Просвещение» (Ц. 40 р.).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА,—А. Гюнтера. 2 тома и атлас in folio с 90 таблицами (Ц. 25 р.).

НАРОДОВЕДЕНИЕ,—Ратцеля. 2 тома в пер. с 1103 худ. рисунками, 30 хромолитографиями, 26 картинами и 6 картами в красках (Ц. 15 р.).

ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЖИВОТНОГО МИРА,—Гааке, с картой в красках, 469 художественными иллюстрациями, 9 картами и 11 хромолитографиями (Ц. 7 руб.).

НАУКА О НЕБЕ И ЗЕМЛЕ,—Е. Игнатьева с 332 рисунками и 6 картинами в красках (Ц. 5 р.).

ЖИЗНЬ РАСТЕНИЙ,—Кернера. 2 тома, с 448 иллюстрациями, 24 картинами, 40 хромолитографиями и картой в красках (Ц. 15 р.).

МЕРТВЫЕ ДУШИ,—Н. Гоголя, большой том в художественном переплете, с 10 гелиогравюрами и 355 иллюстрациями лучших художников (Ц. 30 р.).

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН,—А. Пушкина, художественное издание с красочными иллюстрациями (Ц. 40 р.).

ДЕМОН,—М. Лермонтова, художественное издание с красочными иллюстрациями (Ц. 8 р.).

АЛЬБОМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. А. СОМОВА в красках, с пояснительным текстом (Ц. 10 р.).

ГРЕЗ, художественное издание с красочными иллюстрациями (Ц. 4 р.).

ЛИС ПАТРИКЕЕВИЧ,—Гете, большой том с 36 эстампами на меди и 24 гравюрами (Ц. 15 р.).

СТАРИННЫЕ МАСТЕРА,—Фромантэна, со множеством иллюстраций (Ц. 4 р.).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КЕРАМИКА,—Н. Роона, со 169 иллюстрациями и чертежами (Ц. 2 р.).

НАТАН МУДРЫЙ,—художественное издание, с 11 гравюрами на меди и 35 рисунками (Ц. 10 р.).

ФАУСТ,—Гете, со множеством иллюстраций (Ц. 2 р.).

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ,—А. Толстого, художественное издание, со множеством рисунков, в художественном переплете (Ц. 10 р.).

ПОСЛЕЗАВТРА

Очерк Ф., Г., А. и В.

Немного уже осталось до нового года. И, приближаясь к рубежу его, беглым взглядом окинем наше близкое будущее, это „ПОСЛЕЗАВТРА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА“, в свете научных достижений и грядущих возможностей. В сжатом очерке здесь предлагается читателю обзор того, что делают наука и техника во всех областях человеческого знания, и куда они ведут нас.

Вдумчивому читателю есть над чем поразмыслить...

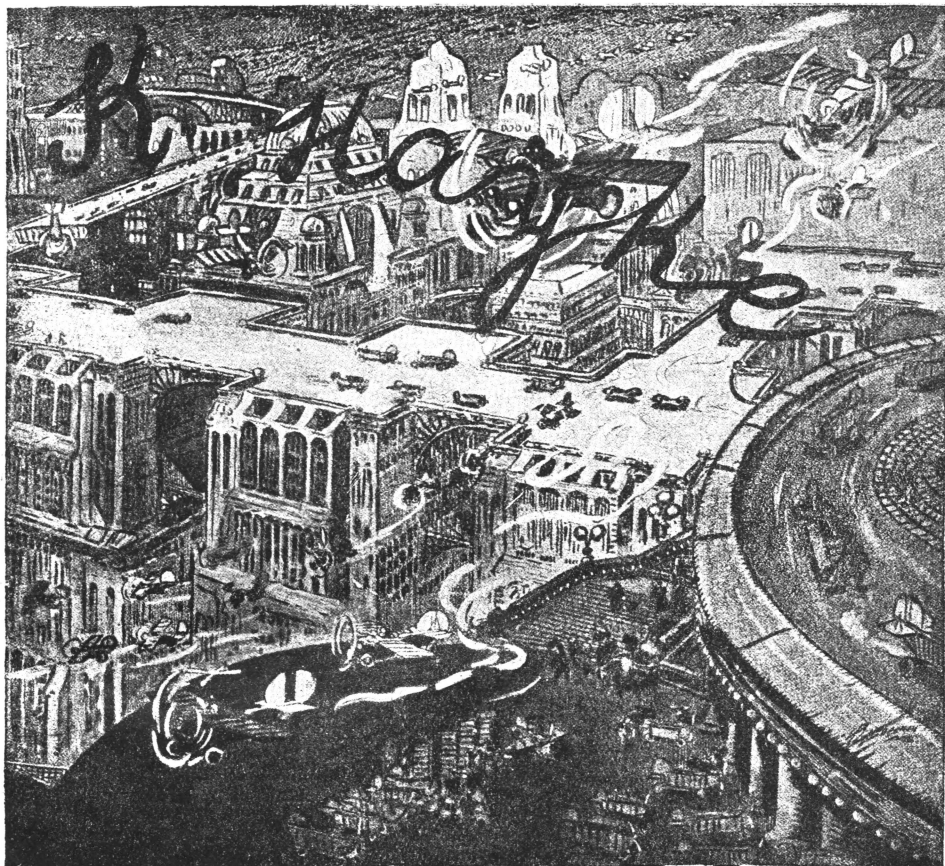
Ищущему сюжетов для научно-фантастических рассказов автору — есть откуда почерпнуть достойные разработки темы...

Вглядитесь внимательно в иллюстрации к очерку. Несмотря на кажущуюся фантастичность их, они только бледное отображение и архитектуры будущего города, и жизни в нем.

Суммируйте впечатления от прочитанного, и, быть может, глядя на рисунки, вам удастся в воображении пережить хотя на несколько минут волшебную сказку, которую сулит нам величайшая из земных сил — сила человеческого знания; удастся вообразить себя гражданином этого города, который неустанно, изо дня в день, строит Наука.

За последние сто лет человеческая жизнь на больших пространствах земной поверхности изменилась коренным образом более, чем, быть может, за шесть тысяч лет предыдущей истории. Несомненно, что в течение

будущих пятидесяти, или даже менее лет, произойдут еще большие перемены, более поразительные, более невероятные. Каким будет это «После завтра человечества»? Не станем заглядывать в него, как

ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уэльс, воображение которого с такой легкостью перепрыгивает в далекое будущее, а вспомним просто о фактах и планах, относящихся к последним научным теориям.

* * *

Ученые в своих лабораториях делают эксперименты над нашей жизнью, мы — оперируемые ими пациенты — сплошь дядя и не знаем про эти операции, не видим, как ученые строят планы для нашей будущей жизни. Эти затворники, замкнувшиеся от шума и суеты людской толпы, спокойно смотрящие в свои микроскопы на органическую и неорганическую жизнь, в пробирках и ретортах изучающие химическую реакцию различных комбинаций элементов, исследующие историю жизни головастиков, крыс и бактерий, занимаются всем этим не только ради исследования. Результаты их трудов внесут множество перемен в привычки и в обыденную жизнь людей, знающих и не знающих того, что готовят для них.

Труды ученых, без всякого сомнения, внесут такие глубокие перемены в культуру, что большая часть работы, которую

делают теперь люди, будет свалена «Послезавтра» в кучу всякого старого хлама и иной совсем станет жизнь человека и самая улица жизни поведет, быть может, совсем в иной мир.

* * *

Все знают, как сильно изменилась жизнь около века назад, когда несколько человек, по большей части очень скромных, в результате изучения силы пара, производящего давление в ограниченном пространстве, дали замену человеческой силы — силой машины. Это породило промышленную эру с богатыми городами и взрывающимися дым заводами. Почти совершенно сошел на нет старый медлительный ручной труд, медленная человеческая работа. Это ускорило темп человеческой жизни после тысячелетий, вырождение которых большинство людей, — кроме мореплавателей, купцов, ученых и правителей, — гнули спины над матерью-землей, трудились в поте лица ради удовлетворения самых простых нужд. Круг их жизни был ограничен полем и деревней, интересы сужены, сообщения с окружающим миром затруднительны.

Достижениями последних ста лет было огромное умножение одной человеческой силы новыми методами овладения естественной энергией с помощью машины. Пар, электричество, водяная энергия помогают человеку освободиться от проклятия подземного труда.

Генри Форд дал миру около трехсот миллионов подвижных лошадиных сил. Весь мир употребляет только двадцать три миллиона неподвижных лошадиных сил.

Люди науки готовятся дать человечеству бесконечно умноженные механические силы, с которыми едва можно будет сравнивать достижения прошлого.

ВОЗДУШНЫЙ ВЕК.

Шаги вперед заметны теперь главным образом в быстроте сообщений между умами и группами людей. Открываются и испытываются новые источники энергии.

«Транспорт и сообщение,—по меткому замечанию одного ученого,—ограничены только быстротой света. Наши труды направлены к тому, чтобы любые два человека на земле могли бы приблизиться друг к другу в $\frac{1}{24}$ секунды. Мы никогда не достигнем этого, но это граница, к которой мы вечно будем стремиться».

Что касается транспорта, то, вероятно, меньше, чем через двадцать пять лет, изменятся все наши методы общественных и хозяйственных сношений. Мы еще только на заре Воздушного Века.

Сегодня и завтра.

Еще не прошло двадцати лет, как пионеры воздуха делали первые слабые и роковые попытки подняться над землей на аппаратах тяжелее воздуха. Но победа шла быстрыми шагами. Сегодня во всех культурных странах существуют воздушные пути сообщения между большими городами. Транспорт этот так же регулярен и пунктуален, как поезда. Завтра можно будет напиться утром чаю в Ленинграде, позавтракать в Берлине, пообежать в Париже, провести часок в Лондоне и поздней ночью вернуться домой, на берега Невы.

Каждый месяц, чуть ли не каждая неделя, дает новые рекорды длины и быстроты полета. Рекордный безостановочный полет в марте 1927 г. был совершен двумя французскими летчиками Костом и Риньо, перелетевшими из Парижа в Персию расстояние в 3390 миль в тридцать два часа. 21 мая весь мир был взволнован перелетом молодого американца Линдберга через Атлантический океан в Париж. За этим следовал новый рекорд Чэмберлина и Левина, перелетевших через Атлантический океан в Берлин.

Все это, конечно, только состязания на быстроту и выносливость, и каждый рекорд вскоре побивается другим. Важны не эти рекорды. Для обыкновенных людей цену имеет регулярное сообщение и развитие этого сообщения. Вот, что изменит жизнь.

Уже в Австралии другой стала жизнь людей, обосновавшихся вдали от удобных

сообщений и живущих одиноко. Теперь письма, посылки и гости привозятся к ним по воздуху. Один австралийский писатель картинно говорит, что пилоты коммерческого воздушного сообщения для людей, живущих там в глуши, повернули часовые стрелки по крайней мере на сто лет вперед. Чем только ни нагружаются в Австралии почтовые аэропланы! Два или три пассажира, несколько туш бараньи, почта, гроб, повешенный снизу, дамские шляпы и стеклянная посуда... Все это грузится за один раз и летит сотни миль по воздуху.

В Куинсланде, где отдельные лица имеют огромные стада, аэропланы употребляются владельцами, чтобы делать проверку этих стад. Недавно семидесятилетний старик сделал в течение дня 1200 миль, тогда как прежде проезжал это расстояние верхом целых шесть недель. Разведочные аэропланы посылаются на поиски одиноких золотоискателей, умирающих от жажды, или приносят спасение людям, нуждающимся в медицинской помощи.

Вместе с быстротой увеличивается и безопасность полетов. Куинсландское воздушное сообщение проделало больше 4.000.000 миль, не причинив пассажиру даже легкой царапины пальца.

Все это говорит о развитии, которого в скором времени достигнет передвижение по воздуху даже в отдаленных Австралии и Африке. Вспомним, как каждая страна в Европе усиливает свою воздушную деятельность. Германия уже заняла первое место в области воздушного транспорта и перевозит пассажиров с одного конца Европы на другой. Италия недавно назначила большие суммы на развитие воздушных сообщений. В СССР строится много машин. Наши летчики совершают труднейшие перелеты в Китай и Японию и запросто пересекают всю громадную, необозримую территорию СССР.

Аэроплан заменяет автомобиль.

И все же мы еще только на заре Воздушного Века. Все значение этой новой эры в жизни обыкновенного человека станет ему понятно тогда, когда он будет также свободно садиться на аэроплан, как теперь садится в автомобиль; когда движение на воздушных проезжих дорогах будет так же оживленно, как теперь на улицах городов. Нет сомнения, что все это будет. Надо только изобрести дешевый аэроплан, несколько более безопасный, и завести массовую продукцию.

В Лондоне теперь можно купить аэроплан так же просто, как лошадь и экипаж. Это—машинка, называемая «Мотылек» и стоящая 4-5 т. рублей. Крылья ее складываются назад, так что ее можно ставить в маленький гараж. Существует восемь аэродромов, на которых можно учиться летать на ней. В марте этого года были квалифицированы пилотами этого аэроплана пятнадцатилетний юноша и шестидесятилетний мужчина после очень непродолжительного срока обучения. Когда такой аэро-

план будет стоить несколько сот рублей и рассрочку, и риск полета будет меньше для начинающего, небо будет полно бабочек и мотыльков. И, если верить пророкам авиации, случится это не позднее, чем через двадцать пять лет.

Новые города.

Тогда автомобиль отойдет в область прошлого, потому что у аэроплана будут и колеса, чтобы передвигаться по земле. Дороги будут разгружены, национальные границы станут насмешкой. Изменится архитектура городов, которым понадобятся аэродромы в центре и площадки для спуска на крышах домов. В густо заселенных странах, как Англия и Германия, жители городов перестанут тесниться в больших центрах, а будут рассеиваться по более просторным местам. Деловой человек сможет жить в сотнях миль от места работы и будет попадать туда так же быстро, как он доезжает теперь по подземной железной дороге из предместья в город. При таких воздушных сообщениях несомненно создадутся свои правила езды в воздухе. Придется расчислить места для того, чтобы аэропланы могли садиться в промышленных и людных частях города.

Нет границ между государствами.

Все это — материальные перемены, поражающие и увлекательные человека. Но начало Воздушного Века внесет неизмеримо более важные перемены в сношения между одним племенем людей и другими. Могут ли сохраниться старые таможенные границы, или сознание обособленности нации, искусственные границы и разделяющие людей властолюбие и вражда, когда небо свободно и каждый из нас может спуститься на заднем дворе соседа? Не объединит ли Воздушный Века более широкое пространство земли в смысле свободного промышленного обмена, свободы сношений, общих законов, какой-нибудь общего языка и кооперации в производстве и распределении всего необходимого для жизни?

Конец цивилизации или объединение человечества?

Тут может быть, конечно, одно возражение. Может случиться так, что небо не будет свободно. Может случиться и так, что заря нашего Воздушного Века будет концом этой нашей цивилизации. Но тут все зависит от самого человека. Если снова вспыхнет война между народами, то вместо того, чтобы спокойно лететь по различным делам на аэроплане, человек залезет в какую-то дыру в земле и будет бояться выглянуть, потому что над головой его будут воевать воздушные эскадрильи. Но, чтобы избежать этого, надо, чтобы человек двигался вперед и умственно, и нравственно с такой же быстротой, как развиваются силы, которые даются ему в руки учеными.

А силы эти все прибывают. Ученые исследуют много новых источников сил, или

вернее, — вечный источник силы, недавно обнаруженный.

ОСНОВНАЯ ЭНЕРГИЯ И НОВОЕ ПИТАНИЕ.

Ученых тревожат мировые запасы угля, нефти и пищи.

— Мы легкомысленно тратим в год, — говорит один профессор, — такое количество запасов пищи, какое хватило бы нашим предкам на сто лет. Истощение запасов энергии, которым и пользуется мир, предвидится уже не в такой далекой перспективе.

Истощение угольных и нефтяных областей является теперь уже только вопросом столетий.

Что касается пищи, то равновесие между промышленной частью людей и сельскохозяйственной частью, которая снабжает пищей, уже не регулируется. Города заселяются все гуще людьми, бегущими с полей. Пресекая или ускоряя старые эпидемические болезни, люди науки сохраняют жизнь множеству младенцев, огромный процент которых прежде умирал. Автомобили, граммофоны и другие продукты промышленной цивилизации изливаются на людей, но если производители их не смогут сменить их на пищу, они умрут или уйдут обратно в поле, чтобы выработать себе там кусок хлеба из земли.

Искусственная пища. — Чудеса с.-хоз. культуры. — Жизненное электрическое топливо.

Очень возможно, что длительный сельскохозяйственный процесс заменится в будущем синтезом пищи, приготовленной в аптеке. Эта химическая пища будет содержать жизненное топливо, необходимое человеческой машине, и его действие и реакции будут точно те же, что и химических элементов, вводимых в наше тело современной пищей.

Более смелые физиологи и химики предсказывают, что настанет день, когда человек просто обратится к жизненной силе, к источнику жизни, полученному от солнца и заключенному в атомах. Соединяя себя с особой электрической машиной, человек сможет впитывать в себя с центральной силовой станции то жизненное топливо, которое необходимо ему.

Но более вероятно, что в ближайшем будущем займется усилением продукции посредством химического воздействия на почву и растения и посредством защиты злаков от вредителей и суровости климатов. Искусственный туман, изобретенный для дымовых завес во время войны, употребляется теперь в Норвегии, чтобы защищать злаки от мороза, покрывая их теплыми парами.

Очень возможно, что в ближайшем будущем будут выращивать с помощью прививок новые типы фруктов и овощей, и одно и то же растение будет давать различные сорта плодов в одно и то же время. Это похоже на сказку, но профессор де-Ренн во Франции вырастил гибрид, удачно растущую томаты над землей и картофель под землей.

Но все эти способы, конечно, не разрешают вопроса.

— Челове-
чество, — гово-
рит один выдаю-
щийся химик, — все
еще исключительно
живет энергией, извле-
ченной из солнца. В зе-
мельском процессе эта
энергия превращена в потен-
циальную энергию пищи и та-
ким образом использована в жизни.
Но и паровая, и нефтяная машина
также работают с помощью солнечной
энергии, которая в давние времена со-
хранялась в растениях, а теперь хранится
в угле и нефти.

Солнечная энергия заключена в самих ато-
мах, которые составляют материю. Это откры-
тие будет иметь огромные результаты.

Новая сила и старые.

Открытие радия женщиной, известной Кюри, повело
к тому, что ученые стали искать способа овладеть этим
неиссякаемым запасом энергии, который обнаружился радио-
активностью. Эта сила находится в действии бесчисленные
миллионы лет, но количество энергии, освобожденной раздробле-
нием атома, сохраняется без видимой потери в первоначальной
материи, которая отдает непрерывное выделение радиации.

Тепло, получаемое от радия, так велико, что фунт радия мог бы
произвести ту же работу, что и 150 тонн динамита. В материи, окружаю-
щей нас, имеются непрерывные запасы этой энергии. Если ученые сумеют
овладеть этой силой, освободить и использовать ее, то человечество получит
такую безграничную силу, что уголь, нефть и вода останутся в пренебрежении,
и человек станет властелином самого источника силы.

Но пока это не достигнуто, химики работают над различными видами топлива
для замены угля и нефти. Очень может быть, что вернутся к использованию
энергии старейшими способами, быть может снова заставят ветер вертеть колеса.
Предсказывают, что настанет время, когда поля будут покрыты рядами металлических
мельниц, движущих электрические моторы.

Роторная лодка представляет новую попытку покорить фурий ветра и сделать их
покорными рабами человека, работающими усерднее, чем тогда, когда они дули на паруса.

Один немец, Антон Флеттнер, прислушался к ревушей буре и сказал себе: «какая потеря энергии!» Он, как мы сообщали в «Мире Приключений», установил принцип цилиндра, вращающегося на ветру. Германское правительство заинтересовалось его планом двигать суда без топлива и без парусов и построило такой ветряной корабль в 3.000 тонн.

РАДИО И СЛУХОВИДЕНИЕ.

Наконец, отметим еще одну задачу современной науки—передать энергию на расстояние без труб и проводов, помощью воздушных электрических волн. С этим мы только что в прошлом месяце познакомили читателя.

Стремление к тому, чтобы транспорт и сообщения победили расстояние, неминуемо повлечет за собою и развитие, и облегчение умственных сношений между всеми разветвлениями человечества. Тут мы тоже стоим еще только на пороге нового века. Беспроволочный телеграф или радио является той силой, которая даст возможность человеку овладеть жизнью, если он только сам захочет этого. Радио—другая форма атомной энергии. Это—сила, которая должна совершенно изменить кругозор человека. Уже многим людям радио открыло новые области знания, поставило их в соприкосновение с другими странами и людьми.

Видеть и слышать за тысячу миль

Мужчины и женщины в разных частях света скоро получат возможность разговаривать друг с другом так же просто, как разговаривают теперь по телефону в одном городе. Между Соединенными Штатами и Англией уже происходят такие переговоры посредством беспроволочных волн. СССР слышала Канада. Эта простота сообщений между умами и нациями должна способствовать развитию человеческой личности.

Разговор на расстоянии влечет за собой телевидение, то-есть видение на расстоянии. Можно будет и слышать, и видеть в одно и то же время, и для этой

двойной силы придумано название — слуховидение.

Совсем на днях наш ленинградский инженер Рчеулов опубликовал известие, что близится к концу конструирование его прибора, дающего возможность видеть лицо, с которым говоришь по телефону.

В советских газетах уже печатаются переданные по радио изображения, и инженер Шорин обещает вскоре радиолюбителям доступный аппарат для воспроизведения портретов.

— Через двадцать пять лет, — говорит один ученый, — во всех домах будут стоять аппараты для слуховидения. Мы сможем одновременно слышать и видеть живые сцены и картины.

Но это будет больше, чем забавой. Это даст возможность слышать и видеть, как живут люди в тысячах миль от нас.

Подумайте! Трудовая школа в Ленинграде во время урока географии будет видеть египетские пирамиды и слышать заунывную песню феллаха, обрабатывающего поле.

Предмет превращается в звук.

Изменится ценность и времени, и пространства. Доктор Александерсон изобрел телефотографию, но телевидение работает в двадцать тысяч раз быстрее, делая таким образом возможным передачу целых сцен. А профессор университета штата Огио, Рессиг, сделал поразительное открытие, что картины могут быть переведены на звук. Каждый видимый предмет имеет собственный звук, когда вибрации от него достигают диафрагмы микрофона. Говорят, что некоторые человеческие лица, переведенные в звуки, производят очень неприятные пумы. Иные же очень приятны человеческому уху.

НОВЫЙ „СЕКУНДНЫЙ“ ТЕМП ЖИЗНИ.

Издание газет будет, очевидно, со временем сокращено и изменено потому, что каждый человек сможет увидеть на полотно в своей комнате все новости мира, как они происходят. Газеты будут только нужны, как напоминание о вещах, слышанных и виденных, с соответствующими комментариями.

Нужны ли будут газеты и книги?

Но даже и эта сила печатного слова может отойти в прошлое. Когда телевидение достигнет полного развития, чтение, вероятно, останется только слабостью старомодных людей и больших ученых. Может быть, это заставит сойти на-нет людей пера. У кого будет время для чтения, когда темп жизни так ускорится, и все, пережитое нашими предками за целую жизнь, уложится у нас в несколько часов? Кто захочет читать книги или изучать историю, когда мысли человека будут переноситься к новым впечатлениям даже скорее, чем наше тело, которое так быстро будет перелетать с одного места на другое? Может

быть, люди со временем даже разучатся писать и читать. Ведь, так просто будет переговариваться и слушать то, что говорится в большом расстоянии от нас. Настоящее будет полно такими новыми интересами и развлечениями, что, очень может быть, что новые изобретения уничтожат культуру, полученную нами в наследие от веков.

К сожалению, это уже происходит. Радио заменяет в семьях чтение, кинематограф давно уже соперничает с книжной лавкой. Ведь, гораздо легче смотреть, чем читать.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ ГИБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?

Недавно стали делаться опыты с инфракрасными лучами. На особым способом приготовленных пластинках становятся видимыми предметы, находящиеся в полном мраке. Инфра-красные лучи проникают туман так же, как и мрак, и авиаторы и моряки будут пользоваться ими, чтобы видеть окружающее их.

Ученые уже рассматривают возможность беспроводного управления танками и подводными лодками. Уже сегодня возможно управлять подводными лодками с аэронавта и аэронавтами с земли.

Познай самого себя!

И теперь ученые стали изучать умственные и телесные качества человека. Они торопятся усовершенствовать его, пока еще их наука не повела его к гибели. Человек не изменился с начала времен, — говорят они, — так поторопимся же с его эволюцией. Физиолог задает себе вопрос: — почему одни люди добры, другие жестоки? Одни храбры, другие трусливы? Одни высоко развиты, другие идиотичны? Все это зависит от внутренней секреции, — говорит доктор Луи Берман.

Для того, чтобы изменить человеческий характер, нужно только усилить или ослабить эти физические секреции. Преступник станет хорошим членом общества, алкоголик перестанет пить, беспутный человек переродится. Так уверяют ученые.

В судах будущего, полагать надо, не станут выносить смертных приговоров, но будут предписывать незначительную и почти безболезненную операцию социально опасному и дегенерату. Неделю спустя индивидуум, снабженный новым характером, еще раз вступит на путь общественной жизни.

Биологи заняты другим вопросом. Зачем так ограничена человеческая жизнь, что человек теряет жизнеспособность именно тогда, когда приобретенный им опыт мог бы так пригодиться его ближнему? Почему не удлинить эту жизнь, или, по крайней мере, период молодости с подвижностью ума и тела?

Доктор Воронов и Штейнах претендуют на возвращение молодости старому возрасту. Метод Воронова уже успел даже стать слегка устаревшим.

А новые работы ленинградского ученого Манойлова дают ключ к трем царствам природы, доказывая их родственную близость и устанавливая гормональную функцию даже у растений.

Возможно, что веское слово скажет д-р Манойлов и в области омолаживания.

Ученые—акад. Павлов и акад. Бехтерев своими трудами по рефлексологии открывают новые горизонты, имеющие в будущем и большое практическое значение.

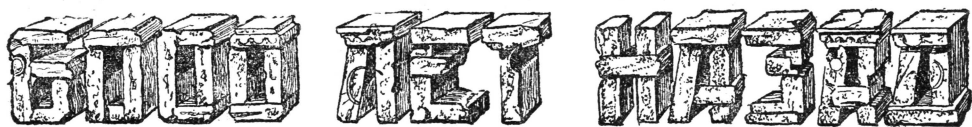
Затем встает вопрос о наследственности. Дети со слабыми умами и телами ведут нацию к гибели. Тут снова выступает биолог. Джулиан Хексли достиг того, что меняет пол головастика. Он изучил законы физической наследственности и влияние дорожной обстановки и химических изменений на живой организм. Тут представляется случай ускорить эволюцию человека, изменить его физические и умственные черты, установить закон евгеники.

Профессор Хэльдэн, работая в этой области, достиг в 1925 году взращивания эмбрионических крыс в серуме. Он говорит, что «Послезавтра», быть может в 1950 г. можно будет производить искусственных детей.

Мы сделали бы ошибку, если бы думали, что эти мысли не имеют серьезных оснований. Ведь уже теперь ученые делают попытку изменить и направить нормальную физическую жизнь человека и так воздействовать на его ум и тело физиологическими процессами, химическими действиями, хирургическими экспериментами и разрушением старых нравственных законов и традиций мысли, чтобы ему дольше оставаться молодым, возможно продлить срок разумной жизни.

Принесет ли это счастье человеку? Или же ученые только внесут в жизнь новый ад, так что люди готовы будут уничтожить всех ученых, чтобы освободиться и телом, и душой.

В следующем номере мы попытаемся нарисовать ПОСЛЕЗАВТРА ЧЕЛОВЕКА, а теперь с бескрайних далей опустимся вниз, сразу в глубину ШЕСТИ ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД, куда тоже проник острый глаз Науки.

НА РАСКОПКАХ ДРЕВНЕГО ВИБЛЕЙСКОГО ГОРОДА УР. — ЧТО ДРЕВНЕЕ: СУМЕРИЙСКАЯ ИЛИ ЕГИПЕТСКАЯ КУЛЬТУРА? ОТКРЫТЫ НОВЫЕ ТАЙНЫ СТРАНЫ ХАЛДЕЕВ.

За последнее время производится множество археологических раскопок. Все шире и шире раскрывается перед нами картина древнего мира.

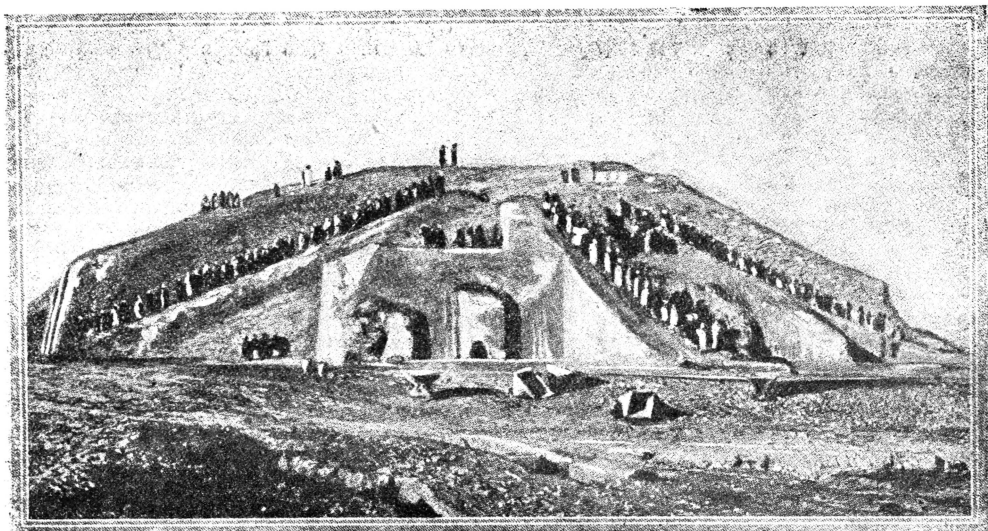
Мы имеем возможность ознакомить читателей «Мира Приключений» с только что опубликованными результатами большой экспедиции из представителей Национального музея, университета Пенсильвании и Британского музея, работающей на раскопках древнего города халдеев Ур, из которого, по сказанию Библии, Авраам и отец его Фарра отправились в землю Хаанаанскую. Экспедиция эта добыла уже достаточно материала, чтобы восстановить картину жизни в той местности, которая называется пустынной Месопотамией. Сняты покровы с истории халдеев на протяжении 6.000 лет до наших дней. Из засыпавших его песков пустыни восстал теперь древний, когда-то значительный город Ур, стоявший у слияния рек Тигра и Евфрата.

Уже давно известно, что Ур один из древнейших городов мира. Он упоминается еще в 11 главе книги Бытия, где говорится:

«И взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура халдейского, чтобы идти в землю Хаанаанскую».

Раскопки подтвердили всю древность этого города. Люди углублялись в века через остатки древней цивилизации, изучая отлично обожженный кирпич, отмеченный печатью различных царств, затем слои менее искусно сделанного строительного материала, пока не добрались до последних камней фундамента и не открыли необожженный кирпич, сделанный тогда, когда человек еще не научился заменять огнем высушивающую жару солнца.

Археологи открыли кладбище, гробницы которого насчитывают около 5.500 лет. Во время этих раскопок удалось установить, что в Месопотамии культура стояла на высокой степени развития еще до времени первой династии в Египте. Это открытие дает толчок к разрешению вопроса, какая культура древнее — сумерийская или египетская. Экспедиция раскрыла более 400

Храм божества Луны в Уре во время раскопок. Уже сваты горы песка, засыпавшие его.

гробниц, и в них нашлись поразительные коллекции золотых и серебряных предметов и скульптура такого же совершенства, как известные образцы искусства эпохи 3.000 лет спустя.

В гробницах найдены золотые булавки, ожерелья, туалетные принадлежности. Некоторые украшения сделаны из тонких листов золота, покрывающих медь, иные же из массивного золота.

Этот памятник древности раскрывает новую главу из дней легендарных царей династии Эрех, каждый из которых царствовал будто бы по несколько сот лет. Печати этих царей, вытисненные на глиняных цилиндрах, окончательно определяют, что Ур был царской резиденцией до времен Авраама, и новые раскопки заполняют пробел истории между потопом и временем библейских патриархов.

В одном из своих последних докладов, директор музея Леонард Вулей указывает на то, что редкостные предметы, найденные в гробницах Ура, сходны по работе с предметами времени Навуходоносора, хотя они были сделаны больше, чем за 5.000 лет назад.

Рассмотрение реликвий времен Авраама имеет большое значение с точки зрения научно-исторической. Но главный интерес археологии в этих раскопках сосредоточивается вокруг храмов божества Луны и зданий, являющихся звеном между городом Ур и такими знаменитыми именами, как Навуходоносор, Кир, Дарий, Александр Великий.

Первым был найден алтарь божества Луны, сооруженный царем Дунги. В виде памятника в нем помещена статуя этого царя. Время и множество войн разрушили храм до камней фундамента, но тут нашли первообраз нынешнего обычая замуровывать при кладке фундамента крупных зда-

ний памятную доску. Это были ящики из кирпича и в них царь и верховный жрец положили больше, чем 4.000 лет тому назад, маленькую медную статую, каменную дощечку и приношения в виде еды и питья. Статуя и дощечка пережили века, и на них одни и те же надписи сообщают имя бога, его храма и его царственного строителя. Статуя царя Дунги, стоявшая в храме, давно утратила свою голову, но на спине фигуры находится надпись, сообщающая имя царя, посвящающего статую божеству Луны взамен своей жизни.

Недалеко от этого храма, из-под слоя всякого мусора, толщиной в три фута, откопали прекрасный образец шумерийского храма, построенный 4.400 лет назад. Отлично сохранились стены, дворы, алтари, кухни, складочные помещения, статуи, монолитные колонны и даже доколы, на которых когда-то держались двери из кедра, выложенного золотыми пластинками. Более тридцати таких дверных доколов были найдены на своих местах и на каждом была надпись, показывающая, что храм был построен Ур-Намму, царем Ура и его внуком, Бур-Синою, наследовавшим ему.

Но вендом архитектурных совершенств города все же является огромный зиггурат, колоссальная груда, напоминающая пирамиду Египта. По бокам его шли лестницы и террасы, а вершину венчало небольшое здание, в котором, по преданию, одиноко жила прекраснейшая из дочерей города, посвященная божеству Луны, как его невеста.

Рядом находился огромный Двор Суда, стены которого еще очень хорошо сохранились. Он тоже был посвящен божеству Луны. Все, что было ценного в этих зданиях, статуи, украшенные золотом и драгоценными камнями, металлические части дверей, стен и потолков — все это давно уже исчезло так же, как и много камней.

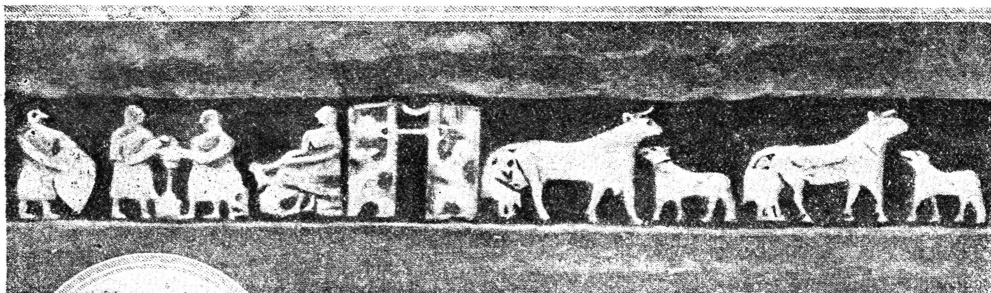
Все это расхищалось и разносилось различными проходившими здесь племенами для постройки новых жилищ. Но сохранившиеся фундаменты и множество надписей дают возможность археологам восстановить историю города в эпоху его расцвета. Один из глиняных цилиндров Навуходоносора в музее университета Пенсильвании содержит подробное описание строений, украшений города, восстановления его храмов, описание, которое, вероятно, подходит к Уру так же, как и ко всем другим городам этой страны. Повествуя о реставрации вавилонского зигурата, Навуходоносор говорит:

«Я покрыл высокие кедр бронзой и положил их, как покров. Между камнями фундамента, чтобы обрмить его, я положил кедр и скрепил их блестящей бронзой. Огромные деревья кедров, которые мои чистые руки срезали в лесах на Ливанской горе, я одел в сверкающее золото и украсил драгоценными камнями и приказал уложить их поперек по трое... Над этими кедром я положил, как покрытие, блестящую бронзу. Чтобы дождь, бури или другие небесные непогоды не коснулись потолка, я построил над ним крышу из крепкого дерева кедра. В шести комнатах, примыкающих к алтарю Набу, я украсил кедровые крыши их светлым серебром. Как крышу надо всеми этими комнатами, я уложил

огромные кедр. Я сделал больших бронзовых быков и, одев их в золотые покровы и украсив драгоценными камнями, поставил их у врат алтаря. Пластинками чистого серебра сделал я светлым проход к алтарю и вход в храм. Двери из кедр я одел в чистое серебро.. Я покрыл чистым сереб-

Восстановление только что открытого храма божества Луны в древнем городе Ур.

ром кедровые крыши ворот Дара, через которые входит и выходит сын богов... Я сделал огромных быков из серебра и поставил их у его порога».

Храм божества Луны в Уре, по развалинам которого можно судить, что это было именно такое здание, как описывает впоследствии Навуходоносор, построен четырехугольником, с двойными стенами, в проходе между которыми помещалась стража. Храм был покрыт террасообразной крышей, к которой вели лестницы. Вокруг трех открытых дворов группировались алтари и различные помещения. Северный и южный дворы были священными местами, где ежедневно приносились жертвы. Один из этих дворов — самый лучший образец святилища, построенного за три столетия до Авраама. Бронзовые врата, закрывавшие его когда-то, исчезли, но дверные колонны уцелели до сих пор. На них надпись: «Царь Ур-Намму и царь Бур-Син, царь Ура, дари четырех стран земли». Места алтарей и водоемы сохранились вполне.

Подобно грекам, возведшим статую неведомого бога из страха, что они могли пренебречь каким-нибудь могущественным божеством, шумерийцы дружелюбно относились к религиям других народов. Вокруг главного алтаря божества Луны находится множество ниш и боковых алтарей для статуй чужеземных богов и богинь. И действительно, единственная статуя, найденная неприкосновенной, это маленькая фигурка богини Бау, известная археологам как «Мать Гусыня», так как изображается обычно на волнах Евфрата в сопровождении двух гусей. Она не принадлежала к Уру, но была женой бога Нингирсу в Лагаше, за сорок миль от Ура.

В помещениях для склада запасов и в хранилищах драгоценностей находятся только золотые камни и алабастровые сосуды. Много также каменных дощечек, покрытых надписями. В них говорится о далеких путешествиях и чудесных грузах, привезенных из разных стран. На одной дощечке описание морского путешествия, длившегося три года. Из этого путешествия вернулись со множеством золота, серебра, драгоценных камней и редкого дерева.

Раскопки льют все новый и новый свет на обычай, описываемый в Библии. Там упоминается о том, что священнослужители посылали своих слуг с крючком о трех зубцах вылавливать для них мясо из жертвенного котла. Точно такой же обычай существовал в храмах божества Луны. В кухне при храме найден большой круглый котел, а перед ним площадка, на которую поднимались по лесенке слуги, чтобы достать оттуда долю жреца.